

О десятой главе "Евгения Онегина"

ЗАМЕТКИ ДИЛЕТАНТА

МИХАИЛ ФИЛИН

III

Новую главу "Заметок" начнём, как присоветовал кто-то, с злословья. И не только на счастье, но и для того, чтобы оправдать предлагаемую ниже версию.

Шестой том Большого Академического собрания сочинений Пушкина, изданный Академией наук СССР в 1937 году, до сих пор считается фундаментом и эталоном пушкиноведения. Там, как известно, помещён "Евгений Онегин", в том числе и десятая глава романа. Именно на это издание, как на наиболее авторитетное, принято ссылаться в научных трудах, и такая монополия заслуженна, тем более что редактором тома был видный пушкинист Б.В. Томашевский.

В ходе подготовки книги к печати проводилась огромная текстологическая работа. Пушкинские автографы воспроизводились с максимально возможной, едва ли не фотографической точностью. Доверять полученным результатам можно, казалось бы, бесконечно. Признаемся: автор "Заметок" и доверял им слепо — пока некоторые обстоятельства не вынудили его обратиться к первоисточнику.

Имеется в виду всё тот же согнутый пополам лист со стихами в две колонки, фрагментами шестнадцати строф. Сравнение автографа с академической публикацией выявляет любопытные археографические парадоксы.

Обратимся к левой колонке и приписанным к ней сбоку четырём стихам. Вот что обнаружило здесь самонадеянное око дилетанта, презревшего пиетет перед традицией.

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1996. № 5; 1997. № 3.

Восьмой стих в Большом Академическом собрании сочинений (далее – БА) прочитан так:

Сей всадник Папою венчанный...

У Пушкина же последнее слово явно написано с большой буквы, то есть "Венчанный".

Стих 12 в БА выглядит следующим образом:

Но искра пламени иного...,

но в автографе, бесспорно, другое написание: "инова". Тремя годами ранее Б.В. Томашевский опубликовал фундаментальную работу «Десятая глава "Евгения Онегина" (История разгадки)» (Лит. наследство. 1934. Т. 16–18), где привёл верное прочтение этого стиха. Нам неизвестно, почему учёный отказался от него, равно как и от некоторых других, тоже правильных.

Разночтения продолжают и строкой ниже, в 13-м стихе. В БА:

Они за рюмкой русской водки...,

а у Пушкина – "руской", и титло отсутствует.

В стихе 14 по версии БА значится:

У беспокойного Никиты...,

а надо бы – "У беспокойного".

Стих 20 в академическом издании воспроизведён так:

А Р.З. главой З. ...

Это вроде бы логично, ибо расшифровка гласит: "А русский царь главой царей", однако у поэта всё-таки написано чуть иначе – "А.Р.З. главой З." (В указанной статье Б.В. Томашевского – верный вариант.)

В 23-м стихе опять разногласия; в БА:

Исчезнувший как тень зари...,

а у Пушкина – несомненное "Исчезнувший".

То же в стихе 27; в книге напечатано:

Уже издавна может быть...,

что не совпадает с первоисточником, там – "издавно". (В статье Б.В. Томашевского – верный вариант.)

Так обстоит дело с левой колонкой стихов. Схожая, правда, не столь масштабная картина наблюдается и на правой. Тут, кажется, есть три противоречия между БА и автографом.

В стихе 20 БА предлагает такую транскрипцию:

И скоро силою вещей...,

но у поэта одно слово не дописано: "сило(ю)".

К правой колонке сбоку приписано ещё два столбца. Начало первого давно стало хрестоматийным. В БА этот стих прочтён натужно:

Наш З в покое говорил...

Позднее установили, что следует читать иначе: "в конгр(ессе)".

И, наконец, ещё один стих из маргинального столбца. В БА значится:

Тут Л. дерзко предлагал...

Однако в автографе "лунинский" стих включает в себя и нечто зачёркнутое: "Тут [бы] Л. дерзко предлагал". (В статье Б.В. Томашевского – верный вариант.)

Происхождение археографических шероховатостей нельзя, по-видимому, объяснить стремлением учёных, создававших БА, приблизиться к орфографическим и иным нормам XX века – ведь в других стихах того же листа пушкинисты бережно сохранили оригинальное написание: "без-рукой", "предлагал", "за чем" (а не ныне принятое "зачем") и т.д. Да и зачёркнутое Пушкиным кое-где исправно фиксировалось: "[Но т]", "[У них свои бывали сходки]", а вот соседствующее с дерзким Луниным – почему-то нет. Очевидно, причина расхождений кроется в *ином*, а в чём именно – представляем доискиваться читателю.

Конечно, апологет академических традиций вправе сказать, что перечисленные отклонения от автографа несущественны, кроме разве что злополучного "покая", что явленное крохоборство не даёт ничего нового для осмысления десятой главы "Онегина"... Но дилетант и не ждёт комплиментов по поводу собственных текстологических способностей. Злословие для него необходимо как подспорье. Ведь если БА чуть-чуть неточно воспроизвело пушкинский текст на страницах 520 и 521, то разве исключена вероятность повторения этого "чуть-чуть" и далее, допустим, на 526-й и 661-й страницах шестого тома?

Именно там напечатана знаменитая помета Пушкина на полях рукописи "Метели", которую он завершил 20 октября 1830 года, в "болдинскую осень", о чём сделал соответствующую запись в конце повести. Помета подверглась сокращению, и в транскрипции БА она выглядит так:

19 окт<ября> сожж<ена> X песнь.

А на странице 661 поясняется: "Написанное сожжено Пушкиным 19 октября 1830 г.". Выходит, что поэт уничтожил сокровенное творение, а на следующий день бодро дописал счастливый конец повести ...

Запись об уничтожении десятой главы была давно опубликована В.Е. Якушкиным в журнале "Русская Старина" (1884. № 11. С. 339) и с тех пор цитировалась бесконечно. При этом год сомнению не подвергался – разумеется, им мог быть только 1830-й. А выход в свет шестого тома БА довершил прежде начатое: он как бы освятил традицию, ставшую надолго незыблемой.

Между тем авторитетнейшая датировка не всегда была в ладах с логикой и фактами. И со временем смельчаки рискнули заметить это. В самом деле: Пушкин расправился с десятой главой, но не потрудился порыться в собственном архиве и сжечь черновики отдельных строф, причём вовсе не зашифрованных. К тому же он читал главу друзьям, и читал после 19 октября 1830 года, и не только читал, но позволил им распространяться о секретном произведении, даже цитировать стихи в письмах, вполне доступных для перлюстрации. Наконец, если сожжение и впрямь имело место в дни "болдинской осени", то теряет всякий смысл свидетельство друга поэта, князя П.А. Вяземского, который писал в дневнике, что Пушкин в декабре 1830 года сообщил ему фрагменты главы "*предполагаемой*", то есть намеревался трудиться над текстом и впредь. Отмечались вполголоса и другие странности, обойдённые вниманием сторонников устоявшейся версии.

Постепенно некоторые учёные (А.О. Гербстман, А.Е. Тархов и немногие их сторонники) пришли к принципиально новому выводу: десятая глава "Евгения Онегина" подверглась уничтожению *19 октября 1831 года*. Главным и весьма остроумным доводом в поддержку такой гипотезы выдвигался следующий: как раз в октябре 1831 года Пушкин готовил к печати "Повести Белкина" и держал на своем рабочем столе рукопись "Метели"; она-то и подвернулась поэту под руку в прискорбный момент. А магическое совпадение дат (напомним: под автографом "Метели" стоит: "20 окт<ября>") сбило с толку не одно поколение исследователей. Как и в случае с письмом А.И. Тургенева к брату от 11 августа 1832 года, они стали непреднамеренными жертвами очередного пушкинского "странного сближения".

В предыдущей главе "Заметок" мы попытались показать, что *сожжение произведения – акт для Пушкина окончательный и бесповоротный*, говорящий – пусть даже в такой разрушительной форме – что работа над текстом завершена. Там же было высказано предположение, что в Болдине поэт зашифровал некий промежуточный вариант, отложенный до лучших времён. Теперь, двигаясь далее по заданному маршруту, предстоит выяснить, когда же последний, окончательный вариант десятой главы превратился на глазах создателя в горстку никчёмного пепла.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой десятая глава "Евгения Онегина", творение уже завершённое и выполнившее возложенные на него функции, была сожжена 19 октября 1831 года. Вдобавок к известным аргументам приведём некоторые дополнительные, которые могут, как представляется, придать гипотезе большую респектабельность.

Прежде всего, факт сожжения рукописи в октябре 1830 года вступает в явное противоречие с умонастроениями поэта и характером его творчества в дни и месяцы болдинского затворничества. Вспоминается: когда-то было "сожжённое письмо" – но тогда уходила навсегда главная в жизни любовь. Потом горели "Записки" – но тогда запахло каторгой и не виделось просвета в нависших тучах. Но здесь-то, в Болдине, всё было по-иному, совсем не так безнадежно – тут виделось будущее. Да, за околицей бушевала холера, поэт беспокоился о жизни невесты и близких, рвался к ним сквозь кордоны. Это присутствовало – как *душевное*; но доминировало – *духовное*, несуетное, сводимое к одному-единственному слову: *созидание*. Пушкин воодушевлённо, смело и трезво смотрел вперёд, мысленно торопил женитьбу, строил в мечтах свой Дом, счастливый и неприступный, обдумывал издательские планы и прочее. И главное – он творил, творил как никогда, легко, без передышки, временами почти набело. "Болдинская осень" – сезон уникальный даже для него и однозначно оптимистический; здесь нет ни малейшего намёка на рефлексию отрицания или уничтожения. Немыслимо, чтобы такое пиршество вдруг, без каких бы то ни было причин, обернулось драмой сожжения произведения величайшей для Пушкина ценности. Точно так же невозможно представить себе, допустим, Гоголя, пускающего на растопку первый том "Мёртвых душ" – Гоголя молодого и весёлого, полного сил, ещё не согнувшегося под тяжестью проповеднической шинели, а готовящегося покорить "всю Русь" своей невиданной поэмой.

Теперь о другом. Все знают, что Пушкин был крайне рачительным хозяином рифм и стихов, иные эксплуатировал неоднократно, прочие, отброшенные или невостребованные беловиком, использовал впослед-

ствии в новых творениях. Близкий нам пример – стихи из десятой главы "Онегина", перекочевавшие в "Героя". Но есть заимствование и более впечатляющее, косвенно подтверждающее нашу версию о дате уничтожения десятой главы "Онегина".

На лицейскую годовщину 1831 года поэт написал очередное послание – "Чем чаще празднует лицей...", начинающееся так:

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своём веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш,
И наши песни тем грустнее (III, 277)

Далее следовала вторая строфа, исключённая Пушкиным из белового текста. Пушкинисты давно заметили, что в ней есть переклички с десятой песнью "Онегина", – и не пошли дальше констатации очевидного. Думается, что напрасно, ибо тут открывается обширное поле для размышлений.

Вот текст второй, отвергнутой поэтом строфы:

Давно ль, друзья... но 20 лет
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя в живых уж нет
Мы жгли Москву, был плен Парижу
Угас в тюрьме Наполеон
Воскресла греков древних слава
С престола пал другой Бурбон
Отбунтовала вновь Варшава (III, 879–880)

Даже беглое чтение этих стихов вызывает ощущение, что перед нами нечто знакомое, уже слышанное. Построчное же сравнение данной строфы лицейского послания с соответствующими фрагментами десятой главы "Онегина" даёт основания и для более серьёзных выводов.

В подражание пушкинской криптограмме разделим лист пополам; левую колонку даруем стихам десятой главы, а правую – лицейским. И – займёмся необычным сводничеством:

Вл(аститель) слабый и лукавый
Плешивый щеголь враг труда
Нечаянно пригретый славой

Того царя в живых уж нет

Над нами ц(арство)вал тогда

И скоро силою вещей

Мы очутились в П(ариже)

Мы жгли Москву, был плен Парижу

Сей муж судьбы, сей странник бранный

Пред кем унизились ц(ари)

Сей всадник Папою венчанный

Угас в тюрьме Наполеон

Исчезнувший как тень зари

.....

Измучен казнию покоя

Безрукий князь друзьям Морей

Из К(ишинева) уж мигал

Воскресла греков древних слава

и т.д. вплоть до последнего стиха второй строфы лицейского послания*.

Мы столкнулись не с переключками, не с реминисценциями – во второй строфе стихотворения "Чем чаще празднует лицей..." помещён *подробный конспект "хроники"*, которая вошла в состав десятой главы "Евгения Онегина", где она предшествовала "декабристским" строфам. Совпадения слишком поразительны, чтобы говорить о случайности: полностью соблюден план десятой главы, помянуты, причём в той же последовательности, одни и те же события и лица, сохранены интонации, оценки и даже характерные слова. Конечно, нельзя отрицать влияние десятой главы на лицейское послание. Но не возбраняется пойти и дальше, и утверждать, что Пушкин писал "Чем чаще празднует лицей...", *имея перед глазами текст ещё не уничтоженной песни или перечитав этот текст совсем недавно*, только что, находясь под свежим впечатлением. Другими словами, можно настаивать не просто на влиянии десятой главы на позднейшее произведение Пушкина, но и на том, что *лицейское послание неразрывно связано с фактом сожжения "славной хроники"*. Это тем более вероятно, потому что под лицейскими стихами красуется многозначительная дата: "19 окт(ября) 1831" (III, 880).

Видится такая реконструкция происшедшего. Накануне ежегодной встречи лицейстов первого курса Пушкин трудился над традиционным посланием к своим первым и бесценным друзьям. Тогда же обстоятельства вынудили поэта уничтожить десятую главу "Онегина", её окончательный вариант, "правду последнюю и торжественную", уже

* Не станем выписывать здесь все схожие стихи, ибо дальнейшие совпадения требуют отдельного обстоятельного очерка. Этому будет посвящена следующая "Заметка".

исчерпавшую себя. Перед свершением приговора Пушкин, прощаясь навеки, перечитал дорогое детище – и швырнул в огонь... Но некоторым стихам и мыслям тут же нашёлся приют – в послании "Чем чаще празднует лицей..." – и они в переработанном, но вполне узнаваемом виде продолжали жить. Можно сказать, что поэт уготовил "хронике" героическую роль библейского зёрнышка: умирая, оно возрождалось в других злаках, и, возрождаясь, жило до века. Попутно отметим, что лейтмотив лицейского послания – *потеря*, уход близких и исчезновение близкого – удивительно созвучен моменту расставания с десятой главой.

Полагаем, что смоделированная ситуация может объяснить и странное, если не сказать более, происшествие, имевшее место опять-таки в тот самый злополучный день, 19 октября 1831 года. Все знали, как Пушкин чтит лицейские годовщины и с какою охотою, будучи в Петербурге, посещал эти дружеские пирушки. Он жаждал встретиться с "сокорытниками" и в этом, вдобавок юбилейном, году. К тому же сочинились новые стихи – гвоздь программы ежегодного сборища. Короче говоря, всё шло заведённым порядком, и праздник обещал быть незабываемым.

Однако в итоге Пушкин... не явился на долгожданное торжество. В "Протоколе празднования лицейской годовщины" 1831 года сказано: "Праздновали на квартире Яковлева (в казённом доме, на Литейной). Собрались: Илличевский, Корнилов, Стевен, Комовский, Данзас, Корф; Пушкина не было" (Пушкин и его современники. Вып. XIII. СПб., 1910. С. 50–51). Потом друзья выяснили, что поэт якобы "не нашёл квартиры". Да не разгневаются ревнивые пушкинолюбы, но подобное объяснение, исходящее, несомненно, от их кумира, выглядит весьма неправдоподобно: местожительство товарища Пушкин скорее всего знал или легко мог выяснить заранее. Только причина исключительная, уважительная по самому строгому счёту, заставила его игнорировать праздник и ввести в заблуждение друзей. Сожжение любимой десятой главы "Евгения Онегина", безусловно, относится к таковым. Можно представить, какие чувства испытывал тогда Пушкин, как уныло было на его душе. И тогда не придётся ломать голову над дневниковой записью историка М.П. Погодина, который заметил 20 октября 1831 года, то есть на следующий день: "Вечер у Жуковского (...) Пушкин что-то очень расстроен" (Пушкин и его современники. Вып. XXIII–XXIV. Пг., 1916. С. 117). "Ещё бы", – понимающе хмыкнет дилетант, неумело копируя авгуров...

Итак, если на театральных подмостках короля от случая к случаю играет его окружение, то здесь, в мизансцене с лицейским посланием, события, происходившие параллельно с возникновением стихотворения "Чем чаще празднует лицей...", описывают это послание в красках

неспокойных, намекающих на скрытый подтекст. В подтексте же – драма десятой главы "Онегина", её пылающий эпилог. И как изменилось по ходу действия настроение поэта: вспомним, что было ровно год назад, в период "болдинской осени" и создания криптограммы, и что случилось с Пушкиным теперь. Рукописи, которые горят, и горят по воле лишённых выбора творцов, делают тех безутешными...

На протяжении нескольких страниц "Заметок" мы силились доказать, что десятая глава была уничтожена в октябре 1831 года, и выстроили для этого ряд изошрённых и самоубеждающих аргументов. Однако есть, кажется, доказательство и более простое, парадоксальное, которое, правда, способно убедить лишь тех, кто верит: Пушкин намеревался вручить "хронику" императору Николаю I и в конце концов исполнил задуманное. Об этом уже шла речь, пойдёт и в дальнейшем: событиям, имеющим отношение к передаче произведения в царственные руки, будет непременно отведена особая глава "Заметок". А пока скажем так: *сам факт сожжения десятой главы "Онегина" можно считать подтверждением того, что она достигла покоев монарха, тот ознакомился с "хроникой" и вынес не подлежащий обжалованию вердикт*. Понятно, что сие никак не могло случиться "болдинской осенью"; всё могло сойтись, единожды и неповторимо, только в 1831 году. Впрочем, не будем забегать вперёд.

Там, впереди, – обстоятельный рассказ о причине уничтожения десятой главы, о соперничестве воли и интересов, о поразительной партии, разыгранной двумя партнёрами и завершившейся *вничью*. Здесь же, в заключение, заметим, что *причина* сожжения рукописи и *повод*, побудивший Пушкина осуществить этот акт, – вещи разные, вероятно, отстоящие друг от друга во времени.

19 октября 1831 года... Весьма соблазнительно, но едва ли верно искать и находить в самой дате некий символический смысл, трактовать её как ритуальное действо, свершённое в особый для пушкинских святцев день. Предполагаем, что всё произошло – в который раз – проще, без выспренной театральной позы, всегда чуждой Пушкину. Он жил по-другому и не заглядывался в зеркала, зная лживость неподлинного, вторичного. Подлинное же бытие складывалось в мозаику: там высокое, подчас трагическое, затейливо перемежалось низким, сугубо житейским, аполлоническое соседствовало с суетным, и последнее зачастую влияло на первое; заурядная деталь назойливого быта могла получить развитие и подняться до уровня пронзительной драмы – в стихах, в прозе, в жизни... Вполне возможно, что случайный каприз быта и подтолкнул поэта к решительному шагу в истории с десятой главой "Онегина".

Банальнее некуда: в октябре 1831 года Пушкину и его молодой

жене, вернувшись из Царского Села, пришлось вести прямо-таки кочевой образ жизни. Изначально супруги поселились на Вознесенской улице у Измайловского моста, в доме Берникова, но снятая квартира их не устроила: "она была очень высока" (Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855. С. 321). Прошло несколько дней, и молодожёны перебрались на новое место – в дом Брискорна на Галерной улице. Об этом, кстати, Пушкин сообщил в письме к своему закадычному другу П.В. Нащокину, которое датировано 22 октября. Переезды, нудные хлопоты с перевозкой всякой всячины, в том числе и вороха бумаг, вполне могли вынудить поэта заняться разборкой архива. Уже упоминавшийся М.П. Погодин как будто подтвердил это в дневниковой записи от 28 октября 1831 года: "Он только что переехал и разбирается" (Пушкин и его современники. Вып. XXIII–XXIV. С. 118). И зашелестели сортируемые листы, перекладываемые из кипы в кипу, и попались на глаза *те самые*, и подошёл, до обиды буднично, момент сожжения...

Не будем настаивать на такой версии. Однако напомним любезному читателю, что первое, пусть и косвенное, сообщение о зарождающейся десятой главе "Евгения Онегина" *тоже лишено всякой патетики*: тогда были скучные Малинники и бильярд от безделья, к нему – опиленный кий; сновали по зелёному сукну шары, срываясь иногда в услужливые лузы – и вдруг, между ленивыми ударами, невзначай вырвалось *слово*, и таймй до поры грандиозный замысел явился на свет. Законы композиции непреложны, а гений, как известно, способен с одного взгляда узреть совершенство формы даже в кажущемся хаосе нагромождённых друг на друга событий. Узреть – и свести недрогнувшей рукой художника воедино все начала и все концы.

Если всё произошло именно так, как мы предположили, то должно склонить головы и признать: десятая глава "Евгения Онегина" – совершенное, законченное во всех смыслах произведение Пушкина.

Продолжение следует

О СОБЕСЕДНИКАХ

К теме: "Баратынский и акмеисты"

О.А. ЛЕКМАНОВ,
кандидат филологических наук

*Предрассудок! Он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.*

Е. Баратынский

И рушены древние связи...

М. Зенкевич

В своём эссе "О собеседнике" (1913) акмеист Осип Мандельштам упрекал символистов в эгоцентризме и пренебрежении к читателю. Цитируя знаменитое стихотворение Евгения Баратынского "Мой дар убог, и голос мой негромок...", поэт сопоставлял его со строками из стихотворения Константина Бальмонта "Я – изысканность русской медлительной речи..." и в результате приходил к неутешительному выводу: «Какой контраст представляет неприятный, заискивающий тон этих строк с глубоким и скромным достоинством стихов Баратынского. {...} Проницательный взор Баратынского устремляется мимо поколения, – а в поколении есть друзья, – чтобы остановиться на неизвестном, но определённом "читателе". И каждый, кому попадутся стихи Баратынского, чувствует себя таким "читателем" – избранным, окликнутым по имени...» (Мандельштам О.Э. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 147–148).

Апелляция к Баратынскому здесь глубоко не случайна. В противоположность символистам, всматривавшимся в окружающий мир, как в зеркало, акмеисты попытались вступить с действительностью в диалог "на равных", ощутить себя её неотъемлемой частью. Соответственно, с благодарностью оказалась востребованной поэтикой акмеизма главная тема стихов Баратынского – тема "таинства общения" (вос-

пользуемся удачной формулой С.Г. Бочарова – см.: Баратынский Е. Стихотворения. М., 1986. С. 9).

Несомненное влияние стихотворений автора "Сумерек" ощутимо в произведениях Анны Ахматовой, созданных после опубликования её первой книги "Вечер" (1912). "В поэзии Баратынского, – писал Б.М. Эйхенбаум в статье "Анна Ахматова", – я чувствую источник некоторых стилистических и синтаксических приёмов Ахматовой" (Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. Л., 1986. С. 432).

Но ещё важнее, как представляется, отметить влияние стихотворений Баратынского на произведения поэтов, принадлежавших к *адамистическому* крылу акмеизма. В своё время этот сомнительного вкуса неологизм был истолкован как призыв "Назад к Адаму!" и справедливо уличён в примитивности и утопичности. Однако, как мы сейчас попробуем показать, для некоторых акмеистов адамизм означал, прежде всего, не возвращение к природе, а возвращение к *диалогу* с природой.

Наиболее удачная и значимая попытка диалога с древней природой в духе Баратынского была предпринята в "адамистической" книге Михаила Зенкевича "Дикая порфира" (1912). Уже само это заглавие и эпиграф – строки из стихотворения Баратынского "Последняя смерть" (1827):

И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась

отчётливо указывают читателю на источник образности и философской концепции многих произведений книги. Однако современная поэту критика не обратила на заглавие и эпиграф "Дикой порфиры" должного внимания, отмечая, прежде всего, влияние на Зенкевича Валерия Брюсова и создателя "научной поэзии" Рене Гиля. Рецензент журнала "Путь" Н. Бернер даже обвинял Зенкевича "в явной подражательности, к тому же и дурного толка, В.Я. Брюсову" (Путь. 1912. № 8. С. 200).

Между тем стремление Зенкевича заговорить с первозданной природой на адекватном языке восходит непосредственно к поэзии позднего Баратынского и, главное, к его стихотворению "Приметы" (1839):

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил её знамения с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала,
О нём дружелюбной заботы полна,
Язык для него обрела.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу, волк,
Крутясь и подъёма щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала.
В пустыне безлюдной он не был одним,
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

На сходную тему написаны многие стихотворения "Дикой порфиры". Приведём только одно из них – может быть, самое выразительное. Это стихотворение "Камни" (1910), которое вошло в подборку, составленную Николаем Гумилёвым из произведений шести поэтов-акмеистов. Подборка была напечатана в третьем номере журнала "Аполлон" за 1913 год с целью представить читающей публике "коллективное" поэтическое лицо нового направления (отметим в скобках, что эпитет *сумрачный*, употреблённый в третьей строфе стихотворения Зенкевича, знаменательно перекликается с заглавием последней книги Баратынского; "сумрачный" колорит вообще характерен для "Дикой порфиры"; см., хотя бы, названия двух её финальных стихотворений – "Утренние сумерки" и "Сумрачный бог"). Итак, "Камни":

Меж хребтов крутых плоскогорий
Солнцем пригретая щель
На вашем невзрачном просторе
Нам была золотая купель.

Когда мы – твари лесные –
Пресмыкались во прахе ползком,
Ваши сосцы ледяные
Нас вскормили своим молоком.

И сумрачный дух звериный,
Просветлённый крепким кремнём,
Научился упругую глину
Обжигать упорным огнём.

Стада и нас вы сплотили
В одну кочевую орду
И оползем в жёсткой жиле
Обнажили цветную руду.

Вспоён студёным потоком,
По расщелинам, сползшим вниз,
Без плуга в болоте широком
Золотится зелёный рис.

И, вытянув голые ноги,
С жиром от жертв на губах,
Торчали гранитные боги,
Иссечённые медью в горах.

Но, бежав с родных плоскогорий,
По пустыням прогнав стада,
В сырых низинах у взморий
Мы воздвигли из вас города.

И рушены древние связи
И, когда вам лежать надоест,
Искрошив цементные мази,
Вы сползёте с исчисленных мест.

И, сыплясь щебнем тяжёлым,
Чёрные щели жерла
Засверкают алмазным разломом
Золота, стали, стекла.

И у Баратынского, и у Зенкевича воспоминания о гармоническом диалоге человека с первобытной природой сменяются мрачными картинками настоящего: "Но чувства презрев, он доверил уму..." (Баратынский) – "И рушены древние связи" (Зенкевич).

И у Баратынского, и у Зенкевича виновником нарушения "таинства общения" оказывается человек, предавший природу ради благ бездушной цивилизации.

Однако у Баратынского природа пассивна (хотя она и "закрывает" в финале стихотворения своё сердце для человека), тогда как камни Зенкевича "потенциально опасны". Можно предположить, что на Зенкевича в данном случае повлияло стихотворение Николая Гумилёва "Камень", созданное в 1908 году. Приведём его первую и третью строфы, выделив курсивом мотивы, сходные с соответствующими мотивами стихотворения Зенкевича:

Взгляни, как злобно смотрит *камень*,
В нём *щели* странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень;
Не думай, то не светляки!

Он вышел чёрный, вышел страшный
И вот лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.

Гораздо более существенными, впрочем, кажутся нам не тематические, а стилистические отличия стихотворения "Камни" от стихотворения "Приметы". Мысль Баратынского Зенкевич изложил языком Бодлера ("Мы – декаденты!" – однажды воскликнул он в ответ на соображение, что акмеизм является логическим продолжением реализма. Подробнее о "балансировании" акмеизма между реализмом и символизмом см.: Лекманов О.А. Акмеисты: поэты круга Гумилёва. Статья вторая // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 153–154).

Восприятие русского золотого века сквозь призму поэтики модернизма (главным образом – символизма) вообще было свойственно акмеистам. Так, для Анны Ахматовой, по наблюдению Б.М. Эйхенбаума, "характерно сочетание некоторых стилистических приёмов, свойственных поэзии Баратынского и Тютчева, с типично модернистскими приёмами (И. Анненский) и с фольклором" (Эйхенбаум Б.М. Указ. соч. С. 432). А в статье Осипа Мандельштама "О собеседнике", вслед за стихотворением Баратынского "Мой дар убог, и голос мой не громок..." сочувственно цитируются строки из стихотворения Фёдора Сологуба, также посвящённого таинству общения:

Друг мой тихий, друг мой дальний,
Посмотри, –
Я – холодный и печальный
Свет зари. (...)
И безмолвный, и печальный
Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальний,
Я умру.

Следует также указать на стихотворение "Камни" (1903), созданное Валерием Брюсовым:

Люди, из вас воздвигали мы храмы,
Из вас мы слагали дворцы и жилища,
Вами мы крыли могильные ямы,
Вы с нами – в жизни и на кладбище!

*"От странной лирики,
где каждый шаг – секрет..."*

**Роль обращения
в композиции стихотворений А. Ахматовой**

Т.С. ПРИХОДЬКО

Стихотворения Анны Ахматовой при кажущейся ясности и простоте нередко отличаются сложностью и неопределённостью композиции. В ахматовских текстах присутствует несколько коммуникативных планов – это и безадресное лирическое описание, и диалог, и обращение к отсутствующему, не названному в произведении персонажу, и обра-

щение лирической героини к собственному "я". В.В. Виноградов находил, что А. Ахматова чаще использует два плана: один – "эмоционально-обстановочный фон, или последовательность внешних чувственно воспринимаемых явлений", другой – "выражение эмоций в форме непосредственных обращений к собеседнику" (Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой. Л., 1925. С. 70).

Показателем перехода от одного речевого плана к другому часто служит обращение. В стихотворении "А там мой мраморный двойник..." из цикла "В Царском Селе" лирическое повествование, монологическая речь, сменяется речью диалогической, обращением:

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым клёном,
Озёрным водам отдал лик,
Внимает шорохам зелёным.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я*тоже мраморною стану.

(Ахматова Анна. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 26; далее – только том и стр.; в примерах курсив наш. – Т.П.).

Предмет описания, царскосельский памятник, становится адресатом, к которому направлена речь лирической героини. Чередование коммуникативных планов (размеренное спокойное описание – взволнованное эмоциональное обращение) меняет тональность всего стихотворения, ведёт к появлению новых семантических оттенков.

Сложность композиции свойственна преимущественно ранней лирике А. Ахматовой (10–20-е годы), о которой сама поэтесса говорила: "От странной лирики, где каждый шаг – секрет, / Где пропасти налево и направо, / Где под ногой, как лист увядший, слава, / По-видимому, мне спасенья нет" (1, 301). Пример такой "странной" лирики – стихотворение "Был блаженной моей колыбелью...". Повествование героини о "тёмном городе у грозной реки" внезапно прерывается обращением к городу; предмет описания становится адресатом, включается в лирический диалог. Героиня обращается к городу как непосредственному участнику незабываемых, значимых для неё событий, словно ищет у него подтверждения достоверности своих воспоминаний:

Был блаженной моей колыбелью
Тёмный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы, –
Город, горькой любовью любимый.

Солею молений моих
Был ты, строгий, спокойный, туманный.

В заключительных строках город-адресат, собеседник лирической героини, возвращается в позицию объекта описания, обозначаемого в тексте местоимением "там":

Там впервые предстал мне жених,
Указавши мой путь осиянный,
И печальная Муза моя,
Как слепую, водила меня (1, 82).

Обращения в поэзии Ахматовой называют значимых адресатов, играющих главную роль в структуре текста, адресатов-героев. Однако в структуре отдельных стихотворений названный обращением адресат занимает формальное положение: его появление ничего не привносит в содержание, такие обращения похожи на эмоциональный выкрик, когда внимание лирической героини отвлекается лишь на мгновение и тут же возвращается к главному ходу повествования. Обратимся к примерам:

С Новым годом! С новым горем!
Вот он пляшет, озорник,
Над Балтийским дымным морем,
Кривоног, горбат и дик.
И какой он жребий вынул
Тем, кого застенок минул?
Вышли в поле умирать.
Им светите, звезды неба!
Им уже земного хлеба,
Глаз любимых не видать (1, 257).

А в стихотворении "Белый дом" (1, 108–109) неожиданно возникающее обращение "*солдаты*" совершенно незначимо в развёрнутом повествовании-воспоминании лирической героини. Ю.И. Левин называет подобных адресатов "периферийными персонажами", по его мнению, они служат формальными адресатами, не играющими никакой содержательной роли, и лишь вводят "некоторый новый коммуникативный элемент" (Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // *Structure of texts and semiotics of culture* / edited by Jan van der Eng and Mojmir Grygar. The Hague–Paris, 1973. P. 185).

Поэтические тексты могут содержать несколько обращений к разным адресатам, при этом каждое представляет отдельный коммуникативный план. В стихотворении "Тяжела ты, любовная память!" обращение лирической героини к собственному внутреннему миру сменяется монологом, который, в свою очередь, прерывается обращением "*Господи*", и весь последующий текст приобретает форму молитвы, заклинания.

Тяжела ты, *любовная память!*
Мне в дыму твоём петь и гореть,
А другим – это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.

Чтобы греть пресыщенное тело,
Им надобны слёзы мои...
Для того ль я, *Господи*, пела,
Для того ль причастилась любви!

Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой (1, 75–76).

Своеобразна композиция стихотворений, в тексте которых один из адресатов назван обращением, а другой обозначен местоименной формой. Например:

Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнём.
Для тебя в окошке створчатом
Я всю ночь сижу с огнём.

Рассветает. И над кузницей
Подымается дымок.
Ах, со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не мог.

Для тебя я долю хмурую,
Долю-муку приняла.
Или любишь белокурую,
Или рыжая мила?

Как мне скрыть вас, *стоны звонкие!*
В сердце тёмный, душистый хмель,
А лучи ложатся тонкие
На несмятую постель (1, 35–36).

Первые три строфы содержат речь, обращённую к отсутствующему, незадуманному герою (местоименные, глагольные формы, вопрос). В заключительном четверостишии происходит коммуникативный "слом": внимание лирической героини переключается с внешнего адресата-лица на своё внутреннее состояние, на собственное "я". Композиция всего текста построена на чередовании двух коммуникативных планов: обращение к адресату-лицу и автоадресация ("стоны звонкие").

Подобные "сломы" находим в стихотворениях "Я гибель накликала милым..." (1, 168–169), "Умирая, томлюсь о бессмертии..." (1, 63–64), где представлены три коммуникативных потока: монолог лирической героини, адресация к незадуманному собеседнику ("ты") и прямое обращение ("Муза", "угрозы из ветхих книг").

В условиях поликоммуникативности неназванность адресата-героя, обозначенного местоимением, иногда ведёт к семантической неоднозначности как текста в целом, так и самого обращения. Вот пример такого стихотворения:

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы жёлтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушёл ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсем устало,
Бьёшься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души (1, 29–30).

Коммуникативная структура этого стихотворения достаточно сложна: безадресное лирическое повествование сменяется речью от первого лица ("шорохам внимаю"), затем следует вопрос к неназванному адресату-лицу, далее – повествование, которое прерывается автоадресацией ("*сердце*"). При этом глагольную форму "*знаешь*" можно соотнести и с обращением "*сердце*", и с местоимением "ты" (вторая строфа). Возникает некоторая неопределённость: кому адресованы последние строки – неназванному адресату или собственному "я".

В стихотворении "По аллеям проводят лошадок..." (1, 26) обращение "*о, пленительный город загадок*" (в первой строфе) сначала воспринимается как относящееся к городу. Однако при соотнесении первой строфы с третьей, где неожиданно появляется неназванный собеседник, адресация к которому выражена глагольными формами ("*хочешь*", "*погляди*"), создаётся семантическая неоднозначность, двуплановость. Теперь местоимение "тебя" в первой строфе можно трактовать как обращённость к главному адресату-лицу, который остаётся скрытым на протяжении всего текста и проявляется лишь в заключительной строфе.

В.В. Виноградов, анализируя раннее творчество А. Ахматовой, отмечал, что «её стилю присуще "явление спрятанного собеседника", а "приём скрытия лица" ведёт к чрезвычайному усложнению композиции стихотворений». И подчёркивал, что "для эстетики Ахматовой

характерна вообще загадочная недоговорённость в раскрытии сюжета, а – под влиянием этого – не полное раскрытие роли собеседника, но лишь смутные намеки на неё – в конце – при тональной окраске речи – в начале" (Виноградов В.В. Указ. соч. С. 126, 127, 129).

Наиболее яркой иллюстрацией этой особенности поэтической речи Ахматовой является стихотворение "Небывалая осень построила купол высокий..." (1, 157). Развёрнутое описание природы прерывается обращением ("*ты, спокойный*"), резко меняется звучание всего текста: оказывается, что речь лирической героини обращена к "ты", и именно коммуникативным планом лирическая героиня–герой вызвано всё предыдущее повествование.

Рассмотренный материал подтверждает, что композиционная структура стихотворений А. Ахматовой сложна. В текстах содержатся, как правило, несколько коммуникативных планов. Одним из показателей перехода от одного речевого потока к другому служит обращение. Соотношение различных коммуникативных потоков приводит к семантической неопределённости, неоднозначности как текста в целом, так и самого обращения. Все это создает особую эмоциональную тональность ахматовских стихотворений.

Иван Савин, его жизнь, стихи и проза

Иван Иванович Савин (Саволайнен; 1899–1927) принадлежал к поколению молодых людей, принесённых в жертву революции; к тем тысячам полураздетых, голодных и бездомных офицеров, юнкеров, студентов, кадетов, гимназистов, которые не склонили голову перед обрушившимися на Россию врагами и, проданные и преданные, до конца исполнили свой горький долг.

Он родился в Малороссии, в семье нотариуса, финна по происхождению. Едва сдав экзамены на аттестат зрелости, поступил добровольцем в армию генерала Деникина, сражался в рядах 12-го Белгородского уланского полка. Его старшие братья, Михаил и Павел, и младшие, Борис и Николай, также активно участвовали в Белом движении; они пали на полях гражданской войны. Ивану же предстояло испытать физические и нравственные муки, выпавшие на долю тех, кто растерял "по долгим, по чёрным путям все силы, все цели, всю волю, всю жизнь". В момент эвакуации Белого Крыма он был болен тифом и лежал в Джанкойском лазарете. Когда город заняли большевики, по приказу коменданта все выздоравливающие отправились на "филтрацию". "Филтрация" эта заключалась в кратком допросе, долгом истязании, голодовке, заполнении анкет и распределении опрошенных и избитых по трём направлениям. Варианты судьбы были таковы: в ряды Красной Армии; в Мелитополь для дальнейшего выяснения личности; на полотно железной дороги – под расстрел.

Савину выпала вторая участь. И начались ужасы плена в "городке

военнопленных", обосновавшемся в бывшей Мелитопольской казённой женской гимназии, под неусыпным покровительством ЧК: «В трёхэтажном здании шесть неразбитых окон; топим на обгоревшем полу, бросая в ураганные костры парты и доски; едим "своё": два раза в неделю разрешается ходить по городу с сумой – всё равно полуголый, без документов из оцепленного стражей города не убежишь». В бесчисленных анкетах, которые пришлось тогда заполнять Савину, он писал в графе "чин и должность": "младший писарь" или: "денщик командира полка". Так ему удалось убедить тюремщиков, что он не был белым офицером – и после долгих мытарств освободиться из плена. Позднее, в 1921 году, спасшийся узник добрался до Петрограда и через год, доказав свое финское происхождение, уехал в Финляндию.

В Гельсингфорсе Савин начал свою литературную деятельность. Помимо стихов он писал небольшие прозаические и драматические произведения, критические статьи, занимался журналистикой. Во многих эмигрантских журналах и газетах: "Сегодня", "Руле", "Возрождении", "Новых Русских Вестях", "Иллюстрированной России", "Днях нашей жизни" и других – мелькало его имя. Кроме того, на собственные средства он издавал литературный журнал "Парус". Большой поклонник Пушкина, он собирался писать роман о пушкинской эпохе; надеялся побывать в Египте и Индии, изучать историю и мифологию. Был Савин не только талантливым поэтом и стилистом, но ещё и музыкантом, и художником, и актёром. Ранняя смерть унесла, безусловно, большой и многогранный талант. Скончался он в Гельсингфорсе, двадцати семи лет от роду – то ли от туберкулёза, то ли, как вспоминают некоторые современники, от заражения крови.

Поэзия Савина встретила широкий отклик в среде читателей, особенно у военных, бывших участников Белого движения, которые называли его "своим поэтом". Он сконцентрировал в своей поэзии весь русский стыд, всю боль, "палящие сожаления об утраченном". Многие были готовы повторять слова его молитвы: "Боже, услыши нас! Ты видишь – общей могилой стала земля Твоя. Русь Твоя благодатная изрыта миллионами Голгоф. Боже, услыши нас! Море выпланных глаз льётся сегодня на древние иконы в домах Твоих пресвятых, небывалым горем раскалены губы тех, кто с непререкаемой верой в милость Твою целует сегодня лик Твой. Мы растеряли по долгим, по чёрным путям все силы, все цели, всю волю, всю жизнь. Боже, услыши нас! Осени нас, в ночь эту великую, миром, хоть немного радости забытой пошли, поведи нищенку Твою – Россию – по новой тропе нового года, новых лет, жизни новой. Боже, услыши нас!.." И хотя был Савин поэтом с не слишком широкой тематикой, но эта его "узость" и вполне оправдана, и с лихвой компенсируется искренностью и пронзительностью стихов.

В 1926 году в Белграде правлением Общества Галлиполийцев был издан единственный прижизненный сборник стихов Савина – "Ладанка". Эта книжечка сразу же сделала автора популярным. Тогда и позднее о его творчестве сочувственно отзывались видные литераторы Русского Зарубежья – А. Амфитеатров, Ю. Айхенвальд, Г. Струве, Ю. Терапиано, И. Елагин... А представитель старшего поколения, большой художник и безошибочный ценитель поэзии И. Бунин писал в "Возрождении": «И вот ещё раз вспоминал я его потрясающие слова, и холод жуткого восторга прошёл по моей голове, и глаза затуманились странными и сладостными слезами: "Всех убиенных помяни, Россия, когда приидеши во царствие Твое". Этот священный, великий, будет, будет и лик Белого воина, будет и Богом и Россией сопричислен к лику святых, и среди тех образов, из коих этот лик складывается, образ Савина займёт одно из самых высоких мест... То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе: во-первых, по причине полной своеобразности его и их (стихов) пафоса и, во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строки особенно».

Публикуемые стихотворения из "Ладанки" и рассказы "Глава из неоконченной повести" и "Пароль", напечатанные в финской газете "Новые Русские Вести" (1924. 27 апр. и 1925. 19 апр.), отражают разные грани дарования автора. Все эти произведения – часть "ладанки" Савина, то заветное, что унёс он с собой в изгнание и с чем никогда не расставался. Читатель же волен поразмышлять и о стихах забытого поэта, и о его прозе, и о том, каких высот мог бы достичь Иван Савин, и о судьбе русского поэта вообще – в любые времена и в любых землях.

Т.Л. Латыпова ©

* * *

Я – Иван непомнящий родства,
Господом поставленный в дозоре.
У меня на ветренем просторе
Изошла в моленьях голова.

Всё пою, пою. В немолчном хоре
Мечутся набатные слова:
Ты ли, Русь бессмертная, мертва?
Нам ли сгинуть в чужеземном море!?

У меня на посохе – сова
С огненным пророчеством во взоре:
Грозовыми окликами вскоре
Загудит родимая трава.

О земле, восставшей в лютом горе,
Грянет колокольная молва.
Стяг державный богатырь-Бова
Развернёт на русском косогоре.

И пойдёт былинная Москва,
В древнем Мономаховом уборе,
Ко святой заутрене, в дозоре
Странников непомнящих родства.

1923

* * *

Оттого высоки наши плечи,
А в котомках акриды и мёд,
Что мы, грозной дружины предтечи,
Славословим крестовый поход.

Оттого мы в служеньи суровом
К Иордану святому зовём,
Что за нами, крестьящими словом,
Будет Воин, крестьящий мечём.

Да взлетят белокрылые латы!
Да сверкнёт золотое копьё!
Я, немеркнувшей славы глашатай,
Отдал Господу сердце своё...

Да приидет!.. Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу.

1923

* * *

Любите врагов своих... Боже,
Но если любовь нежива?
Но если на вражеском ложе
Невесты моей голова?

Но если, тишайшие были
Расплавив в хмельное питьё,
Они Твою землю растлили,
Грехом опонили её?

Господь, успокой меня смертью,
Убей. Или благослови
Над этой запекшейся твердью
Ударить в набаты крови.

И гнев Твой, клокующе-знойный
На трупные души пролей!
Такие враги – недостойны
Ни нашей любви, ни Твоёй.

1924

* * *

Всё это было. Путь один
У черни нынешней и прежней,
Лишь тени наших гильотин
Длинней упали и мятежней.

И бьётся в хохоте и мгле
Напрасней правды нашей слово
Об убиенном короле
И мальчиках Вандеи новой.

Всю кровь с парижских площадей,
С камней и рук легенда стёрла,
И сын убогий предал ей
Отца раздробленное горло.

Всё это будет. В горне лет
И смрад, и блуд, царящий ныне,
Расплавятся в обманный свет.
Петля отца не дрогнет в сыне.

И крови нашей страшный грунт
Засеяв ложью, шут нарядный
Увьёт цветами – русский бунт,
Бессмысленный и беспощадный...

1925

России

Услышу ль голос твой? Дождусь ли
Стоцветных искр твоих снегов?
Налью ли звончатые гусли
Волной твоих колоколов?

Рассыпав дней далёких чётки,
Свяжу ль их радостью, как встарь,
Твой блудный сын, твой инок кроткий,
Твой запечаленный звонарь?

Клубились ласковые годы,
И каждый день был свят и прост.
А мы в чужие небосводы
Угнали стаю наших звёзд.

Шагам Господним, вечным славам
Был солнцем вспаханный простор.
А мы, ведомые лукавым,
Мы уготовили костёр,

Бушующий проклятой новью –
Тебе, земля моя! И вот –
На дыбе крупной плачем кровью
За годом год, за годом год...

1924

* * *

Кто украл мою молодость, даже
Не оставил следов у дверей?
Я рассказывал Богу о краже,
Я рассказывал людям о ней.

Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон да острог.

И хожу я по чёрному свету,
Никогда не бывав молодым,
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.

Увели её ночью из дому
На семнадцатом, детском году.
И по вашему стал, по седому,
Глупый мальчик метаться в бреду.

Были слухи – в остроге сгорела,
Говорили – пошла по рукам...
Всю грядущую жизнь до предела
За года молодые отдам!

Но безмолвен ваш мир отсиявший.
Кто ответит? В острожном краю
Скачет выжженной степью укравший
Неневестную юность мою.

1925

* * *

Законы тьмы неумолимы.
Непререкаем хор судеб.
Всё та же гарь, всё те же дымы,
Всё тот же выпланный хлеб.

Мне недруг стал единоверцем:
Мы все, кто мог и кто не мог,
Маячим выветренным сердцем
На перекрёстках всех дорог.

Рука протянутая молит
О капле солнца. Но сосуд
Небесной милостыни пролит,
Но близок нелукавый суд.

Рука дающего скудеет:
Полмира по миру пошло...
И снова гарь, и вновь тускнеет
Когда-то светлое чело.

Сегодня лёд дорожный ломок,
Назавтра злая встанет пыль,
Но так же жгуч ремень котомок
И тяжек нищенский костыль.

А были буйные услады
И гордой молодости лёт...
Подайте жизни, Христа ради,
Рыдающему у ворот!

1924

* * *

Брату Борису

Не бойся, милый. Это я.
Я ничего тебе не сделаю.
Я только обовью тебя,
Как саваном, печалью белою.

Я только выну злую сталь
Из ран запекшихся. Не странно ли:
Ещё свежа клинка эмаль,
А ведь с тех пор три года канули.

Поёт ковыль. Струится тишь.
Какой ты бледный стал и маленький!
Всё о семье своей грустишь
И рвёшься к ней из вечной спаленки?

Не надо. В ночь ушла семья.
Ты в дом войдёшь, никем не встреченный.

Не бойся, милый, это я
Целую лоб твой искалеченный.

1923

* * *

Брату Николаю

Мальчик кудрявый смеётся лукаво.
Смуглому мальчику весело,
Что наконец-то на грудь ему слава
Беленький крестик повесила.
Бой отгремел. На груди донесенье
Штабу дивизии. Гордыми лирами
Строки звенят: бронепоезд в сраженьи
Синими взят кирасирами.
Липы да клевер. Упала с кургана
Капля горячего олова.
Мальчик вздохнул, покачнулся и странно
Тронул ладонями голову.
Словно искал эту пулю шальную.
Вздригнул весь. Стремя зазвякало.
В клевер упал. И на грудь неживую
Липа рососою заплакала...

—
Схоронили ль тебя – разве знаю?
Разве знаю, где память твоя?
Где годов твоих краткую стаю
Задушила чужая земля?

Все могилы родимые стёрты.
Никого, никого не найти...
Белый витязь мой, братик мой мёртвый,
Ты в моей похоронен груди.
Спи спокойно! В тоске без предела,
В полыхающей болью любви,
Я несу твоё детское тело,
Как евангелие из крови.

1925

* * *

Сёстрам моим Нине и Надежде

Одна догорела в Каире,
Другая на русских полях.
Как много пылающих плах
В бездомном воздвигнуто мире!

Ни спеть, ни сказать о кострах,
О муке на огненном пире.
Слова на запекшейся лире
В немой рассыпаются прах.

Но знаю, но верю, что острый
Терновый венец в темноте
Ведёт к осиянной черте
Распятых на русском кресте,
Что ангелы встретят вас, сёстры,
Во родине и во Христе.

1924

* * *

Братьям моим Михаилу и Павлу

Ты кровь их соберёшь по капле, мама,
И, зарывав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках,

Как пулемёт на камне ждал угрюмо,
И тот, в бушлате, звонко крикнул: "Что, начнём?"
Как голый мальчик, чтоб уже не думать,
Над ямой стал и горло проколол гвоздём.

Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал: "Ложись",
Как сын твой старший гладил руки брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь,

И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик, во френче рваном,
С чернильной звёздочкой на сломанном плече,

Вдруг начал петь – и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей струе:
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое...

1925

* * *

Кипят года. В тоске смертельной
Захлёбываясь на бегу,
Кипят года. Твой крестик тельный
В шкатулке крымской берегу.

Всю ночь не спал ты. Дрожь рассвета
Вошла в подвал, как злая гарь
Костров неведомых, и где-то
Зажгли неведомый фонарь,
Когда, случайный брат по смерти,
Сказал ты тихо у окна:
"За мной пришли. Вот здесь, в конверте,
Мой крест и адрес, где жена.
Отдайте ей. Боюсь, что с грязью
Смешают Господа они..." –
И дал мне крест, с славянской вязью,
На нём – "Спаси и сохрани".
Но не спасла, не сохранила

Тебя рука судьбы хмельной.
Сомкнула общая могила
Свои ресницы над тобой...

Кипят года, в тоске смертельной
Захлебываясь на бегу.
Спи белым сном! Твой крестик тельный
До белой тризны сберегу.

1923

* * *

Ты не думай, всё запишется.
Не простится. Ты не жди.
Всё неслышное услышится.
Пряча тайное, колышется
Сердце-ладонка в груди.

Умирают дни, и кажется:
Прожитой не встанет прах.
Но Христу вся жизнь расскажется.
Сердце-ладонка развяжется
На святых Его весах.

Жизни наши будут взвешены.
Кто-то с чаши золотой
Будет брошен в пламень бешеный.
Ты ль, хмельная? Я ль, повешенный
Над Россией и тобой?

1925

* * *

У царских врат икона странная –
Глаза совсем твои.
До тёмных плит резьба чеканная,
Литые соловьи.

Я к соловьиному подножию
С мольбой не припаду.
Похожая на Матерь Божию,
Ты всё равно в аду.

Монах согбенный начал исповедь.
Ему, как брату брат,
В грехе покаюсь. Грех мой близко ведь,
Ведь ты – у царских врат...

Одной тебе служил я с младости,
И вот, в чужой стране,
Твой образ Всех Скорбящих Радости
Я полюбил вдвойне.

Ты не любила, ты лукавила,
Ты захлебнулась тьмой...
Глазам твоим свечу поставила
Монашенка с сумой.

Сменив калику перехожую,
У царских врат стою.
Христос, прости её, похожую
На Мать Твою!

1925

В поезде

Мощный, гулкий, неустанный,
Утоли мою печаль,
Унеси в такие страны,
Где минувшего не жаль,

Где бесстрастно бродят светы
Мёртвых лет и мёртвых лун,
Где бессмертно спят поэты
В гамаках из звёздных струн,

Вьются вёрсты. Вёрсты пляшут
Хороводами столбов.
Острой проволокой пашут
Неживую землю мхов.

Всё равно, никто не встанет,
Не проснётся. Всё равно.
Только горький вздох заглянет
В задрожавшее окно,

Да напомним сад старинный,
Синий вечер, яблонь шум,
Да простор, да взлёт орлиный
В небе плавающих дум...

Мощный, блестящий, железный,
Вырви рельс двойную сталь,
Брось меня в такие бездны,
Где минувшего не жаль...

1924

* * *

Пять лет, пять долгих терний
Прошло с тех гиблых пор,
Когда туман вечерний
Запорошил твой взор.

Свершилось. Брызнул третий,
Рыдающий звонок.
Пять лет я слёзы эти
Остановить не мог.

Вагон качнулся зыбко.
Ты рядом шла в пыли.
Смертельною улыбкой
Глаза твои цвели.

Над станцией вязали
Туманы кружева.
Над станцией дрожали
Прощальные слова.

Колёс тугие стоны
Слились в одну струю.
Перекрестив вагоны,
Ты крикнула: "Люблю"...

Ты крикнула: "Не надо!..
Придут – умрём вдвоём"..
И пролитой лампадой
Погасла за холмом...

Пять лет, пять долгих пыток
Прошло. И ты прошла.
Любви и веры свиток
Ты смехом залила.

1925

* * *

А проклянёшь судьбу свою,
Ударит стыд железной лапою, –
Вернись ко мне. Я боль твою
Последней нежностью закапаю.

Она плывёт, как лунный дым,
Над нашей молодостью скошенной
К вишнёвым хуторам моим,
К тебе, грехами запорошенной.

Ни правых, ни виновных нет
В любви, замученной нечаянно.
Ты знаешь... я на твой портрет
Крещусь с молитвой неприкаянной...

Я отгорел, погаснешь ты.
Мы оба скоро будем правыми
В чаду житейской суеты
С её голгофными забавами.

Прости... размыты строки вновь...
Есть у меня смешная заповедь:
Стихи к тебе, как и любовь,
Слезами длинными закапывать...

1924

* * *

И смеялось когда-то, и сладко
Было жить, ни о чём не моля,
И шептала мне сказки украдкой
Наша старая няня – земля.

И любил я, и верил, и снами
Несказанными жил наяву,
И прозрачными плакал стихами
В золотую от солнца траву...

Пьяный хам, нескончаемой тризной
Затемнивший души моей синь,
Будь ты проклят и ныне, и присно,
И во веки веков, аминь!

1925

ПАРОЛЬ

С самого утра густая сетка дождя лилась мутным кружевом. Разбитая молнией верба тянула к небу обугленные ветви. С необъятного поля чуть зазеленевшей озимой ржи дуло резвым ветром, запахом травы, ранней весной. Придорожные лужи бороздились мелкими пузырьками, расходящимися кругами, будто сыпали на них сверху градом.

Ехали гуськом: впереди начальник разъезда, высокий, с куриной грудью зауряд-прапорщик Свистулин, за ним вестовой командира полка Ходько, за неумеренное пьянство попавший в строй. Шествие замыкал Виктор Павлович Оливков, тоненький кадет с густым басом, кажется, деланным.

Свистулин, падая кривой грудью на шею лошади, дремал: уже неделю, днём и ночью, полк перебрасывали с одного фронта на другой, неделю никто не закрывал глаз. Железные прутья ветхого седла мешали спать кадету, Виктору Павловичу, как его звали все, даже командир эскадрона, за непонятную в семнадцать лет положительность и склонность к философскому оправданию жестокой жизни. Оливков, мигая уставшими веками, жевал сушёные сливы, сплёвывая косточки в кулак: вернувшись с разведки, можно будет разбить их в ступе и съесть вкусные горьковатые зёрна.

Вестового везла взлохмаченная кобыла Партийка, отбитая в прошлом году у латышей-курсантов. Кобыла тоже дремала, устало передвигая забрызганные грязью ноги. Вероятно, ей жаловался Ходько, тщетно раскуривая залитую дождём трубку:

– Рази можно, говорю, в такое времячко да чтоб без пьянства? Смута, то есть, и душа тебе на месте стоять не желает. Душа, господин полковник, не желает, ей-Богу. Так и говорю: рази можно? Зальёшь малость, оно и спокойнее, и всё, можно сказать, тринь-трава. И ваше здоровье, говорю. Ну, а они: в строй пойдёшь, лодырь. Что ж, я не так чтоб очень прочь, чёрт его дери, строй так строй. Только душа, говорю...

– Вино – возбуждение искусственное, а должно быть возбуждение духовное, порыв. Пьяным родину каждый любит, а ты вот трезвым полюби, – сосредоточенно сказал кадет, пряча косточки в карман вымокшей шинели.

– А душа? – не унимался Ходько. – Не желает, Виктор Павлыч, хоть ты что. Я и батюшке докладывал: так что, извините, нестоющий я человек, без нутра уже, один скелет. Хожу, прямо, примерно, с крынки молоко дую, когда там картишки, кобылку почищу, действую, словом, а будто давно уже преставился. И чувства такого, что живу, значит, – нет. А батюшка: смирись, бес в тебе разыгрался. Бес-то на всём свете Божьем играет нонче, вот тут и пойми. Я так думаю, что куда спокойнее покойникам, которые на полях полегли.

– Больше никто же любви не имат, аще кто душу свою положил за други своя, – проронил кадет с торжественной грустью. – Всем тяжело, Ходько. Надо жить.

Свернули с большого шляха на проселочную. Дождевая сетка поредела. В молочном кружеве брызг, дрожа расплывчатыми каплями, выступили звёзды. Булькала под копытами жидкая грязь.

Оливков подъехал к зауряд-прапорщику, тронул его плёткой.

– Свистулин, тут деревня, кажется. Напоремся на заставу.

Не открывая глаз, кивнул зауряд-прапорщик головой.

– Знаю. Не басы только, в соседней губернии слышно.

Где-то далеко, за выплывшим из темени курганом, весело тявкнул пёс и умолк. Потом фыркнула Партийка.

Ходько хотел было досказать про нежелавшую стоять на месте душу и вдруг вспомнил что-то, уронил повод и сказал скороговоркой:

– Братцы, а ведь нонче суббота. Суббота и есть, ей-ей.

У Свистулина запрыгали плечи.

– А вчера была пятница. Умный ты парень, Америку открыл.

– Никакая ни Америка, а суббота страстная. Пасха завтра, братцы. А мы на убийство идём...

Замолчали. Кадет, забыв о баса, сказал молодым, ломающимся тенорком:

– Четверг двадцать четвёртое, пятница двадцать пятое, суббота двадцать шестое, воскресенье... Да, завтра Пасха. Я в этом году и не говел даже. Скачешь, как сумасшедший.

Слипшиеся веки зауряд-прапорщика раскрылись сами. Он остановил лошадь, снял набухшую фуражку, перекрестился несколько раз. Перекрестились и другие.

– Час-то который? Поди, и служба началась.

Отвернул рукав шинели. Фосфорный циферблат голубоватым кругом вспыхнул на руке.

– Одиннадцатый.

И сейчас же, разорвав дождевую сетку влажными силуэтами, вынырнул из тьмы неприятельский разъезд.

– Стой! Кто такие?

– Ошалели, что ли? Свои, – крикнул Свистулин, лихорадочно расстёгивая кобур.

– Какой части?

– Второго полка первой черноморской дивизии, команды разведчиков. За белыми охотились, драгнули, черти.

Назвав первую попавшуюся часть, Виктор Павлович одной рукой натянул повод, привстав на стременах, другую опустил броском вниз, к шашке. Мелькнуло ещё раз то великое и загадочное, что все эти дни не выходило из головы:

– Больше никто же любви не имат, аще кто душу свою положит за други своя...

Бесшумно поползла вверх по ножнам кривая кубанка.

– Положу, Господи! – И прибавил почему-то: – Воистину Воскресе! – будто встречал чьё-то приветствие, радостное и незлобное.

Впереди, за Свистулиным, было много: десять ли, двадцать ли всадников – мешал разглядеть мрак. Передний вытянул вперёд руку, щёлкнул чем-то. Пролилась в дождь жёлтая искристая полоска электрического фонарика, задержалась на фуражке зауряд-прапорщика.

– Кокарда! – захохотали впереди. – А ну-ка, офицерики...

Продвинулась линейка с пулемётом. Вставил кто-то нехотя:

– А может, и наши. Переодевшись только. Ты паролё у их поспроси.

– Пароль?

Стало очевидным: не уйти. Ещё миг и сверкнула бы в дождевой сетке кривая кубанка, а потом упал бы в хлюпающую грязь кадет Виктор Павлович Оливков, косточки слив рассыпались бы.

– Больше никто же любви не имат, аще кто душу свою положит за други своя...

– Пароль! – раздражённо крикнул передний, поднимая суженную книзу трубку ручной гранаты.

Ходько забыл о душе, стоять нежелаящей. Когда скользнул фонарик по его лицу, он ответил возгласом совсем не испуганным:

– Христос Воскресе, братцы. Пароль, значит, наш такой: Христос Воскресе!

Электрическая струйка сломалась, брызнула в исписанную дождём лужу у края дороги.

От линейки отделился кто-то, быстро подошёл к головному:

– Это они верно. Святая ночь.

Фонарик погас. За курганом, далеко-далеко, прогудел деревенский колокол.

– К заутрене, – пояснил Ходько, крестясь. – Христос Воскресе, православные! А ежели кто из вас коммунист, без Бога, то: с праздником. А только не дело это – в такой, можно сказать, час убийством заниматься.

– Сам ты коммунист, – отозвались впереди. – Разговеться-то у вас есть чем?

Ходько пошарил в карманах.

– Так что один табак. Виктор Павлович, ты слив с собой вёз.

– Пошамал уже, только косточки.

Передний долго молчал. Потом сказал:

– Ну так как же, православные? Биться или не биться? Грех-то ведь. А биться, – всё одно мы вас порубим аль в плен возьмём.

– Что порубите – верно, – ответил, выпячивая грудь, Свистулин, – а на счёт плена – дудки-с. Ишь вас сколько, впятеро против нас, да пулемёт. Порубить можно, а в плен мы не сдадимся. Разойтись согласен ради воскресения Христова.

– Так, – задумался головной. – Что ж, и на нас крест есть. С Богом, православные. Христос Воскресе! – и повернул коня.

– Воистину Воскресе! – сказал кадет, вкладывая шашку в ножны. – Может быть, и вы и мы ещё в церковь поспеем. Мы тут недалёко, в Ивановской. С Богом!

Дождевая сетка молочной стеной стала между разъездами. Потонули во тьме люди, лошади, линейка, широкий нос пулемёта.

Когда Свистулин, Ходько и Виктор Павлович, отъехав с четверть версты, запели вполголоса пасхальную песнь, сзади, в густом молоке мелких дождевых капель послышался нестройный хор:

– Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...

Это было в годы ожесточённой борьбы, неостывающей ненависти, попрания всех законов Божеских и человеческих. Во имя Христа распятого и воскресшего на миг стёрлась грань между непримиримыми врагами, между врагами, кровью и муками утвердившими правду и праведность своей борьбы и неправоту борьбы чужой. Даже их примирил Господь.

А нас?

ГЛАВА ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВЕСТИ

...Угол у синей, похожей на фантастический цветок лампы отбит, по краям зазубренного стекла густой лентой течёт свет – жёлтый, в синих отсветах. Дрожащий язычок огня лижет пыльный угол комнаты, затушёванный коричневыми, вылинявшими обоями, смуглой ртутью переливается в блестящей чашечке кровати, неяркой полосой бежит по столу. Не знаю почему, но мне так захотелось написать Вам, далёкий, хороший мой друг. Ведь всегда, всегда в эту странную, немножко грустную ночь мы были вместе...

Сейчас я одна в комнате. Мама осталась святить куличи в церковной ограде. Когда пропели "Христос Воскресе", мне стало как-то очень одиноко и я вышла из собора. Лёгкий ветер с моря, качнув еще голые деревья, подбросил вверх концы моего платка, – того, вывезенного из дому, с пушистой бахромой. Кланялись на паперти нищие, цветные фонарики плыли взад и вперед. Руки, державшие их, скрывала предутренняя мгла, и потому казалось, что пёстрые огоньки сами бродят по сырým камням, взлетая в небо. Я бережно укутала горящую свечу бумагой и стала у чугунной ограды над городом, над морем.

Собор здесь выстроен на высокой глыбе, вздёрнутой над мутной гладью воды. Стены его не совсем закончены – кирпичные, ничем не покрашенные, а внутри в нём как-то не по-нашему строго и холодно. Вы сказали бы, наверно, что в таком храме Христос не мог воскреснуть, что воскресает Он в покосившихся церковках, за царскими вратами, потускневшими от времени и поцелуев. И Вы были бы неправы. Христос воскресает везде, где есть боль. А здесь её так много. Здесь её очень много, далёкий мой.

Гулко ударил колокол. Будто ком звенящего стекла упал вниз, разбился на мостовой, посыпался поющей пылью. Я перекрестилась – не плакала, ей-Богу, не плакала, – и пошла по каменным ступенькам

длинной лестницы. Забелела дорожка тротуара; неширокий мост бороздили облачные тени; справа и слева от него сонно плескалось море. И вот так пустынно отдавались мои шаги по скользкой набережной и так смешно дрогнула в моих руках свеча, что даже на минуту забыла о Вас. Простите. Я нечаянно.

Теперь вот сижу у стола, над чистым листом бумаги, вырванной из общей тетради. По-прежнему бледно пылает свеча, не могла я её потушить. Только нарисовала дымным её язычком чёрные кресты на дверях. Помните, как тогда...

Тогда мы бродили с Вами до утра по всем церквям нашего удивительного города, а их было немало. Девять, кажется. Нет, десять; десятая – кладбищенская, святого Григория, с столетней колокольной у могилы бабушки. Свечи у нас были большие, жёлтого воска, переплетённые сусальными ленточками. И фонари сказочных цветов и рисунков. Последний раз Вы склеили из красной слюды фонарь в виде креста, обagrённого кровью. И сильное пламя зажжённой внутри его свечи алым заревом освещало Ваше лицо, губы Ваши, улыбку. Хороший мой, лучший...

Уже под утро, усталые и смеющиеся, возвращались мы домой, к нам. Все двери, окна и потолки метили расплывающимися крестами (ворчала старая Феклуша: закону такого нету, чтобы все косяки чернить... потом прибирай за вами, баловники)...

Если Пасха была ранняя – в окованном серебром хрустале голубели подснежники, иногда фиалки. К поздней Пасхе белым и лиловым пухом расцветала сирень. В деревянных корзинках (выпиливали их Вы очень неумело... но такие любимые были они...), в деревянных корзинках пёстрой горкой лежали яйца. В страстную субботу красили их мы все и много дней потом ходили с синими, зелёными и жёлтыми пальцами. Гордо лежала индейка в бумажном жабо, сахарные барашки ютились в одурманивающем цветнике из гиацинтов.

Брезжил рассвет, багровые капли звёзд гасли в окнах столовой. В густом эхо колокольного звона сходились все к столу. Много нас было тогда, живых. Теперь... Разговлялись долго и радостно. Вы входили позже всех, христосовались с мамой, с братьями, со мной. Был в застенчивом поцелуе Вашем напускной холодок, хотя и слишком явно дрожала Ваша рука, сжимающая мою. Потом чинно брали себе душистый ломтик кулича и яйцо с кривыми буквами "Х.В." и сжимали свои губы с такой строгостью, будто поцеловали меня впервые... Как Вам кажется, знала ли мама или не знала, что в ту ночь мы христосовались с Вами до и после каждой церкви. А ведь их было десять... Я думаю, что знала. В том городе, где она выросла, было семнадцать церквей...

Здесь только две церкви и Вас нет. Мама стала совсем дряхлой, я кое-как креплюсь. Не знаю, долго ли ещё будет над нами чужое небо,

но верится в благодать Божию. Не может быть, чтобы навсегда отошло прожитое, фонари сказочных цветов, наши пальцы в краске, Вы. Самое главное – Вы...

Погасла свеча, догорела. Ведь она не большая, не жёлтого воска, без сусальных ленточек. Тоненькая, белая свечка. Полутемно. Скоро придёт мама. Мы станем на колени перед лампадой с отбитым углом, попросим Божию Матерь, держащую в тонких руках сегодня воскресшего Христа, вернуть нам былое. Пусть даже не всё, пусть даже с отбитым углом. Потом сядем к столу – я постараюсь не плакать – и разоведемся, вспоминая Вас. Ведь и сырную пасху, и куличи, и окорок, и маленькую коробку шоколада, и бутылку дешевого вина дали нам Вы, любимый мой: мы продали кольцо, когда-то подаренное мне Вами. Помните: лежало оно в эмалевом яйце с надписью из гранатов "Христос Воскресе". Яйцо продали в прошлом году, мамины серьги в позапрошлом...

Если в нашем саду уже цветёт сирень, придите в него ночью, когда не будет там чужих, отнявших его у нас, людей. Опустите в душистый белый пух Вашу уставшую голову, скажите моим цветам, моим аллеям, всему моему: "Христос Воскресе"! И, став на колени у тонкого ствола, помолитесь русскому Богу – Богу покосившихся церквочек и зацелованных икон – о всех страждущих и обременённых, всех ожидающих великой и богатой милостины. Помолитесь о Вашей Ольге, крестящей Вас и благословляющей за бурную радость минувших лет, за баюкающую бодрость Ваших нынешних писем, таких же любимых, как и Вы сами, мой хороший, мой лучший друг...

ГОВОРЯТ ПО РАДИО И С ТЕЛЕЭКРАНА

ПОВЕДЕНИЕ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ*

О.А. ЛАПТЕВА,

доктор филологических наук

Системой русского языка предусмотрены строгие правила функционирования неподвижного и подвижного ударения в различных частях речи и их разрядах, которые складывались исторически при взаимодействии книжного, церковнославянского ударения и ударения, свойственного речи жителей разных территорий. Из этих территорий для литературного языка особое значение, как известно, имела Москва. В итоге получалась довольно сложная картина разноместности ударений в словах, которая передавалась из поколения в поколение, претерпевая при этом изменения. Складывавшиеся правила ударения закреплялись литературной нормой, во многом и по-разному отличавшейся от использования словесного ударения в наречиях и говорах русского национального языка. Эта норма касалась устной речи, а значит, в школе, где учат и учили в первую очередь речи письменной, имели возможность корректировать неверное употребление ударения лишь попутно, но не специально. Поэтому и сейчас, невзирая на всеобщее среднее образование, словесное ударение в речи людей родом из разных мест России имеет свои ненормативные особенности. А поскольку эти люди нередко выступают по радио и телевидению – и как гости различных передач, и как теле- и радиожурналисты, ненормативное ударение в эфире звучит довольно часто. Это сказывается на вариативности литературной нормы ударения, усиливает ее колебания.

Правила русского литературного ударения и его история описаны лингвистами в грамматиках русского языка и специальных исследованиях: Колесов В.В. История русского ударения. Л., 1972; Федянина Н.А. Ударение в современном русском языке. М., 1976; Грамматика русского языка. Т. I – фонетика и морфология. М., 1953 (раздел об

* Редакция продолжает публиковать цикл работ О.А. Лаптевой, посвященных звучащей по радио и с телеэкрана речи. Начало см. Лаптева О.А. Слушаем радио и телевизор // Русская речь. 1996. № 4.

ударении написан А.Б. Шапиро); Русская грамматика. Т. I – фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М., 1980 (раздел об ударении написан М.С. Сухановой); а его колебания и отступления от нормы – лишь в двух работах: О.А. Лаптева. Живая русская речь с телеэкрана (разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте). Сегед, 1990. С. 358–363; Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996 (раздел о тенденциях и активных процессах в области ударения написан В.Л. Воронцовой).

Говоря о вкусовых предпочтениях современной языковой моды, В.Г. Костомаров отмечает терпимость к разного рода ненормативным явлениям и в их числе к неправильным ударениям, проявляющуюся в русле общей "тенденции к либерализации языка", но тут же отделяет фонетический уровень как "закрытый, малопроницаемый и малоизменчивый" от содержательных уровней семантики, лексики, стилистики (Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994. С. 187, 197, 206). Скорее всего, из трех типов отклонений от нормы, обозначенных в нашей предыдущей статье (ошибка, новое явление, устно-разговорное явление), в области ненормативных ударений следует усматривать лишь первый (ошибка). Острота их неприятия в устно-разговорной речи интеллигенции ничуть не меньше, чем в публичной речи, а может быть, и больше, потому что публичная речь многословна, и это создаст "фон терпимости".

Представляя неправильности ударения, мы поступим несколько иначе, чем авторы книги "Культура парламентской речи" в разделе "Справочник депутата (Словарь трудностей русского языка)" (М., 1994), и покажем те из них, которые прозвучали в конце 1995-го и в 1996 году по радио и телевидению и оказались реально наиболее употребительными. Разделим их на три группы – ударение форм глагола, ударение форм существительного и ударение в других разного рода случаях.

Ударение форм глагола

В подавляющем большинстве отклонения от нормы возникают в приставочных глаголах. Приставка имеет обыкновение перетягивать ударение на себя, что можно связать с экспансией южно-русской языковой стихии.

Принять. Формы прошедшего времени единственного числа: сессия Верховного Совета Украины, которая *приняла*... (Радио России; политик из Крыма Сергей Цеков); Дума *приняла* обращение к президенту (РТР. Вести; Светлана Сорокина); Российская Федерация не *приняла* необходимых мер (РТР. Вести; российский корреспондент из Латвии);

Правительство *приняло* решение (Радио России. Новости; ведущая Елена Быстрова); Останкино *приняло* бы концепцию (НТВ. Итоги; интервью Михаила Полторанина); Руководство Автоваз *приняло* решение (РТР. Вести; ведущий Михаил Пономарев).

Как видим, форма женского рода подравнивается под форму среднего. Единообразие удобнее, но оно неверно: должно быть только *приняла* и *приняло*. Форма *приняла* совсем неприемлема, а *приняло* несет печать старого московского просторечия и с трудом, но все же допустимо. Во мн.ч. – *приняли*.

Причастные формы: По мнению Анатолия Чубайса, *принявшего* участие в работе совета (ОРТ. Время; Нелли Петкова); *принявшего* решение (Радио России. Новости; Елена Денисова); милиционеров, *принявших* первый удар на себя (РТР. Зеркало; корреспондент); была *принята* (НТВ. Сегодня; спорткомментатор); Свою позицию он объяснил президентам Франции и США, и она была *принята* с пониманием (ОРТ. Время; корреспондент).

Возникает разнобой, и он не оправдан; должно быть только: *принявшего, принявших и принята*. Как и в личных формах глагола, приставка стремится перетянуть ударение, но ни в одной причастной форме глагола *принять* это не допускается. Когда к этому глаголу присоединяется еще и приставка *пред-*, то грубость ошибки усугубляется: *предпринять* все необходимые шаги (ОРТ. Новости; корреспондент); была *предпринята* попытка (ОРТ. Новости; ведущий Александр Панов); была *предпринята* попытка (РР. Новости; ведущая Марина Хомутова). Можно только: *предпринять, предпринята*.

Прибыть. Формы прошедшего времени: Сегодня на блок-пост *прибыла* специальная делегация (ОРТ. Сегодня; корр. Владимир Русканов); Сегодня колонна *прибыла* из Грозного в Аргун (РТР. Вести; корреспондент).

Причастные формы: и *прибывшие* и встречавшие (ОРТ. Время; корреспондент); *прибывших* с подмосковной авиабазы (ОРТ. Утро; корреспондент). Попутно заметим, что говорящие почти поголовно первую часть сложных слов с *авиа-*, повинаясь правилу соединительного гласного, произносят со звуком *-о-*; Даже Жириновский и *прибывший* ему на смену Брынцалов не *придали* ей необходимой остроты (Радио "Эхо Москвы"; ведущий. Речь об избирательной кампании).

Ударения здесь должны быть такие: *прибыл, прибыла, прибыло, прибыли, прибывший*. А в глаголе *придать* – *придали*.

Начать(ся). Формы прошедшего времени: общество "Мемориал" *начало* акцию (НТВ. Сегодня; корреспондент); Потух свет в зрительном зале, *началось* театральное действо (РТР; ведущий Сергей Соловьев); Вот уже *начался* (РТР. Наш сад; ведущий Борис Попов); мороз *начался* (там же).

Причастные формы: *Начато* расследование (ОРТ. Время; обозреватель); *Начавшиеся* сегодня в Назрани слушания (РТР. Вести; корреспондент).

Должно быть: *начало, началось, начался, начато* (можно: *начат*), *начавшиеся*. Глагол *начать* – бесприставочный, но его охватывает тенденция переноса ударения на начало слова, как и приставочные глаголы. Возвратная частица *-ся* в мужском роде, согласно литературной норме, перетягивает ударение на себя.

Занять(ся). Форма прошедшего времени: Реставрацией памятника *заянял* скульптор (РТР. Вести; корреспондент из Таллинна).

Причастные формы: Татьяна Регент *занята* тем, чтобы... (ОРТ. Время; Татьяна Комарова); она *занята* (разговорная речь); Александр Лебедь, *занявший* третье место в выборной гонке, сегодня стал ключевой фигурой российской политики (НТВ. Сегодня в полночь; ведущий Александр Шашков). (Вспомним Пушкина: Наказ, основанный на том, Чтоб барской ягоды тайком/ Уста лукавые не ели/ И пеньем были *занять*!/ Затея сельской остроты!)

Надо: *заянял, занял, заняло, занят, занят, занято, занявший, занялся*, можно и *занялся*, но *заялся* – неправильно.

Назвать, призвать. Форма прошедшего времени: Группа руководителей министерства обороны *назвала* слова генерала Тихомирова его личным мнением (ОРТ. Новости; Игорь Выхухолев); Партия уже *назвала* решение о подчинении парламента Крыма Киеву незаконным (НТВ. Итоги; Евгений Киселев).

Причастная форма: Должна быть *названа* точная дата (Радио России. Новости; ведущая Елена Быстрова).

Призвать: Организация *призвала* к проведению демонстрации (Радио России. Новости; ведущая Евгения Кондратьева).

Кроме причастной формы, выбор здесь ограничен двумя возможностями: ударение или на корне, или на окончании. Распределение такое: *назвал, назвала, назвали, назвал*; точно так же и в глаголе *призвать*. В причастии: *назван, названа* (и устаревшее *назван*), *названо, названы*; точно так же и в глаголе *призвать*. Таким образом, тенденция к ударению на приставке охватывает в этих глаголах только причастные формы, причем в соответствии с нормой.

Поднять(ся). Форма прошедшего времени: Первым эту тему *поднял* спикер Верхней палаты Владимир Шумейко (НТВ. Итоги; интервью); Он встал, *поднял* белую тряпку (НТВ. Итоги; рассказ журналиста об октябре 1993 года); *поднял* на поверхность (ОРТ. Клуб путешественников); Я очень рада, что вы *подняли* эту тему (Радио России. От первого лица; ведущая Ирина Бейдерова); специальный самолет *поднялся* в воздух (НТВ. Сегодня; корреспондент); столбик термометра не *поднялся* выше пятнадцати градусов (МТК; Татьяна Антонова о погоде).

Здесь в невозвратном глаголе ударение на корне считается допустимым при основной норме с ударением на приставке: *поднял, подняли*. Такие случаи литературного ударения поддерживают ненормативную тенденцию к приставочному ударению (по аналогии). В возвратном глаголе ударение на корне (см. примеры) тоже допускается при основном ударении на -ся, как мы это уже видели в глаголах *начался, занялся*.

Включить(ся), отключить(ся), подключить(ся). В глаголах этого ряда наблюдается очень стойкая и распространенная тенденция, кажется, уже полностью охватившая молодое поколение, – к корневому ударению в формах настоящего (будущего) времени и причастной форме на -н. Тем самым глагол из класса слов с неподвижным ударением переходит в класс с подвижным, что происходит на наших глазах, однако, несмотря на активность и широкое распространение, не может, во всяком случае, сейчас, считаться нормой: После того как мы *включим* демонстрационное табло... (ОРТ. Новости; интервью из Центризбиркома); Иначе на другой день люди не *включат* телевизор ("У всех на устах"); Если вы завтра *включите* в это же время ваш телевизор, вы встретитесь с нашей программой "Добрый вечер" (РТР; первая передача нового цикла Игоря Угольникова, начатого в январе 1997 года); если не *включатся* заинтересованные движения (ОРТ. Новости; пресс-конференция, говорит Николай Травкин); А в связку Казахстан – Белоруссия – Россия неминуемо *подключится* и Украина (НТВ. Сегодня; корреспондент); международная связь *отключена* (НТВ. Сегодня; А.И. Лебедь на пресс-конференции).

Такое корневое ударение рассматривается современной нормой не просто как нежелательное, а как грубо ошибочное. Надо: *включим, включат, включите, включатся, подключится, отключен*.

Причастные формы **умерший, могущий** (бесприставочные): равнодушных и не *могущих* определить (РТР. Вести; корреспондент); методами, *могущими* привести к кровопролитию (Радио России; диктор читает газету); офицеров, *умерших* от ран в московских госпиталях (Российские университеты; ведущий); *умерших* больных (Человек и закон; журналист Сергей Слепцов). Должно быть только: *умерший, могущий*.

Создать(ся). Формы прошедшего времени: *создалась* смертельная концентрация (НТВ. Итоги; интервью ученого); Именно она *создала* легендарный ансамбль "Березка" (РТР. Река времени; ведущий Дмитрий Захаров); Одновременно увеличение производства руды *создало* благоприятные условия (Радио России. Новости. Экономическое обозрение; ведущая Регина Лукашина); Напомню, что специальная служба была *создана* в Моздоке накануне начала военных действий (НТВ. Сегодня; корреспондент Владимир Русканов); *создана* общественная комиссия (НТВ. Сегодня; корреспондент).

В этом слове норма разрешает варианты. Должно быть: *сбóдал* (и допустимо *создáл*), *создáлá*, *сбóдало* (и допустимо *создáло*), *сбóдали* (и допустимо *создáли*), *сбóдан*, *созданá* (и допустимо *сбóдана*); только – *сбóдано*, *сбóданы*, а *созданы* – неправильно (и все же *создано* отвечает духу старомосковской нормы – ср. пушкинское: Ужель загадку разрешила?/ Ужели слово найдено?).

Теперь посмотрим, как ведут себя формы не столь массово употребляемых б е с п р и с т а в о ч н ы х глаголов: *Взята* в кольцо российской бронетехника (РТР. Вести; Дмитрий Борисов); в свое внимание *брáла* не только экономическую сторону, но и сторону социальную (Радио России. От 1-го лица; политик); Наша часть *формировалась* в Москве (Радио России. От первого лица; говорит ветеран войны); хотя здесь нас не *ждало* никакое роскошное существование (Останкинское ТВ. Встреча с А.И. Солженицыным; говорит А.И. Солженицын); Но главное их *ждало* впереди (НТВ. Сегодня; говорит молодой корреспондент); правительство *сняло* многие субсидии (РР. Зарубежный калейдоскоп; говорит журналист-международник); русское войско штурмом *взяло* считавшийся неприступным горный аул (РТР. Деловая Россия; ведущий); задолго до того, как мы *родились* (Олег Борисов в радиоспектакле).

Здесь должно быть: *взятá*, *брáлá* (*брáла* считается просторечной формой), *формировáлась*, *ждало* (*ждало* – форма, часто встречающаяся в устах старой, особенно московской, интеллигенции и допустимая), *сняло* (*сняло* оценивается так же, как *ждало*), *взяло* (*взяло* допустимо), *родились* (ср. у С.Я. Маршака: Олень и волк, барсук и рысь/ И медвежата *родились*), а *родились* допускается как устаревшая форма.

В приведённых глаголах, так же, как и в глаголах *начать* и *включить*, наблюдается тенденция к корневому ударению (или, как в глаголе *формировать*, "ближе" к корню). Ударение на окончании отстывает. Корень, особенно в односложных в инфинитиве глаголах (*взять*, *брать*, *ждать*, *снять*) за неимением приставки берет на себя ее функцию перетягивания на себя ударения. Происходит это, как и в приставочных глаголах, в формах прошедшего времени и причастных формах на -н-, -т-. Здесь проходит разграничительная линия с глаголом *включить* и под., где ненормативное ударение вторгается в формы настоящего (будущего) времени (и причастия на -н). Поэтому можно считать, что глаголы *взять*, *брать*, *ждать*, *снять* из класса с подвижным ударением переходят в класс с неподвижным, а глагол *включить* – наоборот. Но все эти переходы ненормативны.

Теперь обратимся к п р и с т а в о ч н ы м глаголам с *при-*. Из употребительных это *придать*, *принести*, *принудить*, *присовокупить*. Трудности, как мы уже понимаем, касаются форм прошедшего времени и причастия на -н-. Вот как они употребляются в эфире: Со своей

стороны, Сергей Филатов не *придал* сколько-нибудь принципиального значения количественной стороне закона о выборах (Радио России. Информационно-аналитическая программа; обозреватель Игорь Гояев); Даже Жириновский и *прибывший* ему на смену Брынцалов не *придали* ей необходимой остроты (Радио "Эхо Москвы"; ведущий); спел, и затем *пригубил* рюмку вина (НТВ. Сегодня; корреспондент о Зюганове в Краснодарском крае); *принудили* к посадке (Радио России. Новости; ведущий); можно *присовокупить* слова Зюганова (НТВ. Сегодня; интервью).

И снова мы видим, как приставка захватывает ударение в формах прошедшего времени, присоединяясь к односложному глаголу (*при-дать*). Если же глагол имеет несколько слогов, ударение передвигают ближе к приставке (*принудить, присовокупить*, причем вариант первого слова литературен, а второго – нет; отметим еще одну причастную форму, часто говорят: жертвы, которые были *принесены*).

Иначе ведет себя глагол *пригубить*, где ударение должно быть на корне). Итак, надо: *придал, придали, пригубил, принудила, принудили, присовокупить, принесенá, принесены́*. Как устаревшее допускается произношение *придал, придали, придана* (а *придано, приданы* – это основная норма).

С приставкой *по-*: Ну, а *подлило* масла в огонь постановление от 31 марта (Радио России. От 1-го лица; ведущий Игорь Гаврилов); Масла в огонь *подлило* и заявление лидера террористов (РТР. Вести; корреспондент); до тех пор, пока власти не погасят задолженности по зарплате (Радио России. Новости; Леонид Осипов); Он даже не пожал ей руку, ей не *подáл* (Радио России. "Для сердца и ума"; рассказывает переводчица, ветеран войны. Отметим разговорную синтаксическую конструкцию с двумя глаголами и общим управляемым членом *руку*); на том рынке, где места были уже *поделены́* (НТВ. Итоги; комментирует Андрей Илларионов).

Подлило, подлилá, подлил, подлили, погásят, подáл (*подáл* допустимо), *поделены́* – таков список словоформ с правильными ударениями.

С приставкой *пере-*: мы *пéрежили* реальную угрозу гражданской войны (Радио России. От 1-го лица; ведущая Ирина Полякова. У этой формы возможны оба ударения: *пéрежили* – о чувствах, *пережили* – о времени); А вот сейчас мне *пéредали*, что готов репортаж моих коллег из Грозного (ОРТ. Время; Татьяна Комарова); Из посольства Японии *пéредали* (она же); Видимо, оптимизм *передáлся* и министру экономики (НТВ. Сегодня; корр.); подаренный или *переданны́й* по наследству (1 канал ТВ. Утро; Елена Миронова).

Нормативное ударение – *пéредали* (*передáли* допустимо, но может быть понято как "дали лишнего"), *передáлся* (допускается и устаревшее *передался*), только: *переданны́й; перéданный* – грубо неправильно.

С приставкой у-: мы не были *уведомлены* об этом в течение 24-х часов (ОРТ. Время; корреспондент); *услугубилась* криминальная ситуация (РТР. Вести о спорте); *услугубить* (ОРТ. Время; корреспондент); Надо: *уведомлены, услугубилась, услугубить* при допустимом устаревшем *услугубилась, услугубить*.

Отметим еще ряд словоформ: они *продали* все акции (Радио России. От 1-го лица; председатель фонда). Ударение допустимое, но основная форма – *продали*; Совет Федерации скорее всего *отклонит* закон о выборах (Радио России. Информационно-аналитическая программа; обозреватель). Надо – *отклбнит*; не *дождались* от правительства России (Радио России. Новости; ведущий Сердар Абликулиев. Здесь два нормативных варианта: *дождались* и *дождбались*); Некоторые люди считают, что *разорвалась* наша дружба с украинцами. Я не считаю, была дружба и есть (Радио России. От 1-го лица; говорит ветеран войны. Правильное ударение); Уже завтра, по всей видимости, будет *проведено* пленарное заседание (НТВ. Итоги; интервью крымского политика. Грубо неправильная форма. Должно быть только – *проведено*); Вот давайте разжиреем немного, мускулы *накопим* (Встреча с А.И. Солженицыным. Говорит Владимир Петрович Лукин. Надо – *накобим*); Можете ли вы сказать, каким образом *нанесены* эти повреждения, при жизни или после смерти? (НТВ. Итоги; Евгений Киселев спрашивает Сергея Адамовича Ковалева. Ударение, к сожалению, неверное, допускается только – *нанесены*); Сегодня в Хельсинки *отбыл* глава российского МИДа (РТР. Вести; ведущий Юрий Новоселов. В этом значении – правильное ударение, а *отбыл* – срок); что, естественно, *облбгчит* его распознавание (Новости; ведущая Александра Буратаева; *облбхчить* – говорит молодой врач в передаче из С.-Петербурга "Скорая помощь". Должно быть только: *облбгчить, облбгчит*); Сегодня еще не *искуплена* эта жертва (ОРТ. Н.С. Михалков произносит вступительное слово к фильму. Только – *искуплена*); Завтра мэру *вручат* удостоверение (МТК. Русский дом; говорит А.М. Брячихин. Правильно – *врбчат*); Тон обсуждению *задал* руководитель комитета по обороне (НТВ. Сегодня; корреспондент Владимир Ленский. Это допустимое ударение, основное – *задал*); *обезумевшего* – сказала Наталья Дарьялова в передаче "У всех на устах"; надо – *обезумевшего*; *собрало* необходимые по регламенту подписи депутатов (НТВ. Сегодня; ведущий Михаил Осокин. Норма: *собрало*, но произнесённое ударение допустимо как устаревшее старомосковское).

Вот такая, очень пестрая картина. И тем не менее – управляемая. Чем? Тенденциями и аналогиями. Попробуйте ее осмыслить. В дальнейшем мы перейдем к существительным.

Многоликая терапия

Т. Н. БУЦЕВА,

кандидат филологических наук

Греческое по происхождению слово *терапия* большинству людей, безусловно, хорошо знакомо. В русском языке оно употребляется для обозначения раздела медицины, к которому относятся лечение внутренних болезней консервативными, нехирургическими методами, их профилактика и само такое лечение. Это слово чрезвычайно активно в образовании сложных слов терминологического характера, обозначающих различные способы лечения. Любопытно, однако, много ли придет на ум сложных слов с конечным компонентом *терапия*, если попытаться извлечь их из памяти?

В "Обратном словаре русского языка", "Большой Советской Энциклопедии" (3 изд.) и "Большой медицинской энциклопедии" (3 изд.) отмечены следующие сложные слова данной словообразовательной структуры: *ампелотерапия* (лечение виноградом, виноградным соком), *антибиотикотерапия*, *бальнеотерапия* (лечение минеральными водами), *баротерапия* (лечение пониженным или повышенным атмосферным давлением), *вакциноотерапия*, *гелиотерапия*, *гормонотерапия*, *диетотерапия*, *излотерапия*, *ионотерапия*, *климатотерапия*, *криотерапия* (лечение холодом), *механотерапия* (лечение с помощью физических упражне-

ний на специальных аппаратах), *органоотерапия* (лечение препаратами из органов и тканей животных), *парафиноотерапия*, *психотерапия*, *радиотерапия*, *рентгенотерапия*, *рефлексотерапия*, *серотерапия* (лечение сыворотками), *спелеотерапия* (лечение микроклиматическими условиями пещер), *термотерапия*, *торфотерапия* (лечение торфяными грязями), *трудоотерапия*, *фаготерапия* (лечение некоторых инфекционных заболеваний препаратами бактериофага), *фармакотерапия*, *фототерапия*, *химиотерапия*, *электротерапия* и т.д.

Некоторые из этих слов имеют в языке равнозначные варианты обозначения, в которых заимствованный начальный и конечный компоненты (или только конечный) заменены на словообразовательные элементы русского языка: *ампелотерапия* – виноградоление, *гелиотерапия* – солнцелечение, *гидротерапия* – водолечение, *термотерапия* – теплелечение, *фототерапия* – светолечение, *электротерапия* – электролечение.

В последнее время процесс пополнения этой группы лексики нередко связан с обращением к нетрадиционным методам лечения, многие из которых весьма неожиданны и любопытны:

Анимотерапия: «Пионером метода, носящего название "анимотерапия" (от латинского "анималъ" – "животное"), является нью-йоркский врач Б. Левинсон, написавший на эту тему две книги: "Детская психиатрия с использованием домашних животных" и "Домашние животные в развитии человека"» (Огонек. 1984. № 52).

Ароматерапия и *ароматотерапия*: "Наверное, не все знают, что различные болезни можно лечить при помощи трав (фитотерапия), приятных запахов (ароматерапия), ставить диагноз по пульсу и расположению звезд" (Комс. правда. 1990. 18 авг.). "В нашей стране ароматотерапия используется довольно ограниченно... В зарубежных странах, где ароматерапия применяется очень широко, как правило, ее включают в систему лечения нервных заболеваний, бронхиальной астмы, язвы желудка и двенадцатиперстной кишки" (Тайны здоровья. 1992. № 4).

Арт-терапия (англ. art – искусство; лечение некоторых психических расстройств в процессе приобщения пациента к изобразительному искусству, занятиям рисованием; то же, что *изотерапия*): "Владимир Семенович говорил о возможностях использования картин Савченко в качестве регулирующие-эффектовой живописи, о сочетании его композиций со светоэффектами, что может дать лечебный результат... Арт-терапия, о которой знали еще древние греки, отнюдь не лишний шанс в нашей больной действительности" (Смена (Л-д.) 1991. 21 марта).

Астрофитотерапия: "Астрофитотерапия исследует причины и ло-

кализацию болезней в зависимости от положения планет в личном гороскопе человека и рекомендует для лечения растения, управляемые этими планетами" (Л.Е. Косякова. Растения – целители).

Аурикотерапия, ауриколопатия и аурикулотерапия (лечение укачиванием иглой в определенные точки ушной раковины): "Аурикотерапия... была изобретена неким доктором Ньюже в 1951 году... Она возникла из нашего интереса к восточной философии – йоге, дзен-буддизму, трансцендентальной медитации" (Наука и жизнь. 1985. № 12); «Помимо жизненных точек на теле, еще в древности были открыты активные точки уха. Первые указания на их использование для лечения (этот метод получил название ауриколопатия от латинского слова "аурикус" – ухо) относятся к 5–3 вв. до н.э. у народов Востока и Египта» (Э. Булич. Секреты молодости).

Аэротерапия (бесперевязочный метод лечения открытых ран в специальных камерах с очищенным воздухом): "Аэротерапия позволила медикам перейти на бесперевязочный способ лечения открытых ран. Выздоровление наступает в два–три раза быстрее, чем при традиционном методе лечения" (Комс. правда. 1989. 26 апр.).

Балансотерапия: "У больного человека один орган работает с чрезвычайной перегрузкой, а функции другого – резко понижены. Если же добиться баланса, то все встанет на свои места. Как это сделать? Возбуждая те или другие зоны вегетативной нервной системы, мы даем сигнал центральной нервной системе, которая исправляет работу органов. Не лечим только печень или только почки, или головную боль – балансируем весь организм. Могу сказать больше: мы вообще не обращаем внимания на болезнь, с которой пришел пациент. Говорим ему, что не так в организме и как надо поступить, чтобы избавиться от перекосов. Это называется балансотерапия" (Общая газета. 1994. № 12).

Библиотерапия (греч. *biblion* – книга): "Очень интересен и достаточно прост метод оказания лечебного воздействия на мотивационную сферу посредством целенаправленного чтения литературы, так называемая библиотерапия. Чтение... отвлекает от тяжелых переживаний. Библиотерапия получила широкое распространение в мировой медицинской практике... Механизм лечебного воздействия чтения заключается в том, что те или иные восприятия, связанные с ними чувства, влечения, желания, мысли, вызванные освоением содержания книги, восполняют недостаток собственных образов и представлений, заменяют болезненные мысли и чувства или направляют их по новому руслу, к новым целям. Хорошая, глубокая книга может как ослаблять, так и усиливать воздействие на собственные чувства, помогать установлению душевного равновесия. Библиотерапия отличается разнообразием,

богатством средств воздействия, силой, длительностью, повторяемостью, интимностью впечатлений, возможностью самого тонкого индивидуального подбора" (Л. Гримак. Общение с собой).

Биоэнерготерапия (лечение, проводимое экстрасенсом путем воздействия своей биоэнергией): "Биоэнерготерапия оперирует... ничтожными энергиями, не идущими в сравнение с теми, что широко используются в физиотерапии" (Комс. правда. 1989. 21 февр.).

Бубнотерапия: «Знаете ли вы, что в престижных клиниках Канады применяется, например, "бубнотерапия"? Специалисты из США, Исландии, скандинавских стран и даже Австралии приезжали изучать шаманские ритуалы. С вполне практическими целями. Бубен, рассуждают сегодня многие ученые, – не просто атрибут "амуниции" северного знахаря... Инструмент создает специфические звуковые колебания (возможно, инфразвуки), которые синхронизируют внутренние процессы организма, организуют их новую, благотворную ритмику. Эта частотная характеристика воздействует как на физиологию, так и на психику, делая ее более податливой (хотя это и не гипноз) для восприятия целебных посылов» (Труд. 1994. 11 марта).

Галотерапия (греч. hals (halos) – соль): «Уже в вестибюле пахнет морем, но здесь не услышишь прибоя. На стенах "пещеры" белесые наросты, пробую на язык соль. Соль здесь повсюду, ее ионизированные пары, проходя по специальным лабиринтам стенок, заполняют всю комнату-галокамеру. Еще миг – и начнется сеанс галотерапии. Зазвучит музыка, на стене появятся цветные картины и начнется... лечение» (Комс. правда. 1989. 26 апр.).

Генотерапия: «В США уже проводятся первые лечебные эксперименты по генотерапии. Реальна ли генотерапия в России в ближайшем будущем? – Пока рано об этом говорить. В США проведено всего несколько лечебных экспериментов, на которые, кстати, ученые должны были получать специальное разрешение властей. Дело в том, что генотерапия – это, без преувеличения, ювелирная операция, требующая предельно высокой технологии и точности. Это своеобразное протезирование на молекулярном уровне, когда к дефектному гену как бы "подсаживается" ген нормальный, замещающий его функции. Для этого нужно "правильный" ген либо выделить, то есть изъять у здорового донора, либо синтезировать его. Затем создать специальную конструкцию, в которой можно будет "встроить" здоровый в организм пациента» (Общая газета. 1994. № 7).

Гипотерапия (греч. hippos – лошадь): "И еще очень полезное для нашего здоровья животное – лошадь. Мы не можем завести ее у себя дома, но сейчас появляется все больше мест, где можно покататься верхом. Это особенно полезно для детей с нарушением опорно-

двигательного аппарата. Гипотерапия не только физически тренирует их, но и сама радость общения с животным помогает ребенку победить болезнь" (С.-Петербургские ведомости. 1996. 18 июня).

Гирудотерапия (греч. *hirudo* – пиявка): "Единственный пока в стране центр гирудотерапии – лечение с помощью пиявок – создан в Донецке. Лечит, правда, не столько сама пиявка, всасывающая застоявшуюся кровь, сколько выделяемый ею сок" (Труд. 1990. 18 дек.).

Графотерапия: "Мы используем самые разные методы: танс-терапию – терапию движением, социотерапию, лазеротерапию, даже графотерапию – это когда человек, чтобы излечиться, должен изменить почерк" (Известия. 1991. 12 нояб.).

Дельфинотерапия (лечение детей, страдающих церебральным параличом, а также эктизмом, в процессе их игр с дельфинами в специальных бассейнах): «История "дельфинотерапии", как назвали свой метод его изобретатели, зародилась в Англии, где с 1988 года этот метод вошел в лечебную практику. А затем "дельфинотерапию" стали практиковать и в Мексике» (Труд. 1993. 13 фев.).

Звукотерапия. 1. Лечение почечно-каменной болезни с помощью звуков определенной частоты: "С конца октября начались сеансы звукотерапии. Боли как-то незаметно исчезли... Камень действительно вышел" (Неделя. 1987. № 29); 2. Лечение природными звуками – пением птиц, шумом прибора и т.д.: "Способ звукотерапии, основу которого составляло пение кроншнепа, помог встать на ноги женщине, считавшейся смертельно больной" (Эхо планеты. 1991. № 3).

Имаготерапия (лат. *imago* – образ, подобие): "Очень близко к данному виду аутопсихотерапии примыкает так называемая имаготерапия как раздел игровой терапии. Суть ее состоит в том, что люди с художественным типом высшей нервной деятельности при желании способны усваивать и воспроизводить некоторые черты героев художественных произведений и тем самым укреплять свою психику" (Л. Гримак. Общение с собой).

Инстинктотерапия: «Изобретатель "инстинктотерапии", требующей придерживаться меню, напоминающего рацион шимпанзе, – швейцарец Гай Клауде Бургер. Этого человека его сторонники славят как "пророка нового кулинарного евангелия". Он имеет успех и в Германии: его семинары активно посещаются, а написанная им книга "Лечение сырой пищей" разошлась в количестве 35 тысяч экземпляров» (Физкультура и спорт. 1995. № 10).

Йоготерапия: "Ректор одного из крупных институтов йоготерапии в Индии..., например, пишет о том, что жители Севера не должны обходиться без мяса, рыбы" (Физкультура и спорт. 1993. № 5); "Он [доктор Зубков] прошел в Индии курс обучения йоге, вернулся домой – и щедро

делится с соотечественниками тем, что усвоил в Индии. Не только делится – проповедует йоготерапию, йогопрофилактику как наиболее верный путь к горячо желаемому каждым владению самим собой" (Г. Горышин. Пробегки по утрам // Аврора. 1987. № 7).

Капилляротерапия: "Капилляротерапия – все-таки основной метод системы Залманова, начавшего свои исследования в 20-х годах нашего столетия. Вот его исходная позиция: "Значительная протяженность поверхности капилляров, исчисляемая Крогом в 6300 м^2 , их длина более 100 000 км в человеческом организме, их значение в кровообращении, непрерывные систолы этих бесчисленных периферических сердец представляют для терапии замечательные возможности" (Зарубежные методы лечения. 1994); «Главный тезис его [Залманова] системы заключается в том, что следует обращать сугубое внимание на всемерную поддержку и стимуляцию защитных ресурсов организма. Как же можно стимулировать организм? Это "капилляротерапия". Как пишет А. Залманов в своей книге "Тайная мудрость человеческого организма" (впервые опубликованной во Франции в 1958 г., а у нас в стране, на русском языке – в 1963 г.), это способ глубинного воздействия на капилляры – на обменные процессы, происходящие на уровне этой части сосудистого русла» (Там же).

Комво-терапия (комво – сокращение словосочетания **комбинированное воздействие**): "Комво-терапию придумал доктор Ю. Боган для своего метода лечения болезней, связанных с нарушениями в позвоночнике, с невралгиями, бронхитом и даже гайморитом. А сам метод заключается в комбинированном воздействии на источники болезни. Но придумал доктор не только метод и слово. Комво-терапия – это применение различных приспособлений, манипуляторов и массажеров, которые изобрел сам доктор" (Аргументы и факты. 1994. № 51).

Литотерапия: «Читатель познакомится с методами применения минералов для лечебного воздействия, с кругом заболеваний, при которых применяется тот или иной камень, с принципом выбора камня, украшения, перстня, ожерелья, кулона, браслета, которые будут служить не только украшениями, но и оказывать оздоравливающее действие на своего владельца. Такую консультацию он сможет получить в центре "Сантана", где функционирует кабинет литотерапии (от слова "литос" – камень), занимающийся лечением минералами» (Э. Гоникман. Ваш талисман).

Маркотерапия: «–Скажите... Помогают ли марки в работе? – А как же? Есть даже такой термин "маркотерапия"... Марки прекрасно очищают мозги, вернее переводят мозг из рабочего русла в русло отдыха» (Лит. газета. 1975. № 32).

Мармотерапия: "Для преодоления недугов необходима полная гар-

мония – на уровне сознания, интеллекта, эмоций, речи, биоритмов человека... Здесь и аюрведические методы лечения. Какие? Ароматотерапия, вкусовая терапия, мармотерапия (осязание), музыка- и светотерапия" (Здоровье. 1992. № 2–3).

Маскотерапия (лечение психических заболеваний в процессе создания скульптурного портрета больного): «Я допустил – и в том суть применяемого нами метода маскотерапии, – что причина аутизма кроется в нарушении восприятия самого себя, в потере или искажении зеркального образа человеческого "я"» (Физкультура и спорт. 1993. № 8).

Медетерапия (лечение путем наложения медных предметов или постоянного их ношения на теле): "В последнее время врачи все чаще обращаются к металлолечению, особенно к медетерапии – почти забытому терапевтическому методу" (Техника–молодежи. 1986. № 1).

Музыкавокалотерапия: "Уже более пяти лет в Москве существует Международная ассоциация традиционной медицины и профилактики, где одним из направлений оздоровительного воздействия на внутренние органы человека является музыкавокалотерапия. С помощью музыки и пения специалисты ассоциации лечат больных бронхиальной астмой, снимают стрессовые состояния, излечивают начальные формы гипертонической болезни, сердечно-сосудистых заболеваний и другие недуги" (Физкультура и спорт. 1995. № 11).

Пет-терапия (англ. pet – домашнее животное): «Стресс обладает способностью суммироваться, поэтому прерывайте эту цепь! Прежде всего – положительными эмоциями, это самое лучшее лекарство. Свой собственный рецепт должен быть у каждого. Например, повозиться на даче на грядках, если вы это любите. Прекрасное лекарство – наши домашние любимцы: взять кошку на колени, прогуляться с собакой. На Западе это рассматривают как самостоятельное лечебное направление – "пет-терапия" (лечение с помощью домашних животных)» (Аргументы и факты. 1995. № 28).

Смехотерапия: «Смех – это легкодоступное, прекрасное антистрессовое средство. Антистрессовая функция смеха стала особенно активно использоваться в американских и шведских клиниках, где открыты кабинеты "смехотерапии". "Лекарство" для этих кабинетов поставляют специально созданная компания. Ее продукция – видеокассеты со строго дозированными порциями смеха» (Л. Гримак. Общение с самим собой).

Стопотерапия (лечение путем воздействия на биологически активные точки стопы): "Вовсе не обязательно, что, воздействуя, например, на точку почек, вы ликвидируете этим почечную болезнь, – вполне может статься, что причина болезни не в почках. В чем она – могут определить только врачи. Так что самостоятельные занятия стопоте-

рапией частенько не дают ожидаемого эффекта" (Комс. правда. 1986. 4 апр.).

Стрессотерапия (лечение психических расстройств путем создания стрессового состояния у больного): "При московской наркологической больнице № 17 создается реабилитационный центр, в котором больных хроническим алкоголизмом лечат с помощью различных психотерапевтических методик, в том числе и методом стрессотерапии по А.Р. Довженко" (Неделя. 1985. № 39).

Тонотерапия: "А. Андреенков, директор Всероссийского центра усовершенствования человека, также ставит под сомнение эффективность музыкотерапии как таковой. По его мнению, речь скорее должна идти о тонотерапии – методе воздействия непосредственно звуком на человека: при помощи специальной аппаратуры монозвуком оказывается влияние на мозг. В сочетании с одновременным воздействием запаха и цвета результативность такого рода лечения увеличивается в несколько раз" (Аргументы и факты. 1995. № 30).

Урботерапия (лат. urbo – город): "Урботерапия, то есть лечение усталости путешествиями по старым городам, построена на том, что, оказавшись в таком вот Переславле, современный человек ощущает внутренний мир в состоянии зеркального равновесия" (Знание–сила. 1988. № 9).

Цигун-терапия: "В последующие годы цигун-терапия быстро встала на ноги, потеснив такие столпы китайской народной медицины, как иглоукалывание и траволечение. И по сегодняшний день дипломированные врачи в сотнях государственных и частных больниц лечат язву и пневмонию, геморрой и диабет с помощью энергии ци, якобы излучаемой ладонями их рук. В медицинской литературе удалось отыскать следующие данные о положительных результатах лечения: параличи – 66 процентов, неврастения – 32 процента, миопия – 71 процент. Цигун успешно используют при раке и ожирении" (Комс. правда. 1994. 24 мая).

Чжень-Цзю-терапия: "Чжень-цзю-терапию описывали на Востоке еще во втором веке до нашей эры. Она уходит корнями в каменный век, когда чжень (укалывание, которое первоначально производили острым камнем) и цзю (прижигание) были первыми методами древних врачей-лечителей" (Комс. правда. 1991. 14 июня).

Этот ряд слов может быть продолжен и другими примерами: *вакуум-терапия* (лечение зубов с использованием вакуума), *данс-терапия*, *дезинтоксикотерапия* (лечение, связанное с освобождением организма от токсинов), *изотерапия*, *иридотерапия*, *КВЧ-терапия*, *кислородотерапия*, *кумысотерапия*, *лазеротерапия*, *мезотерапия* (поддержание в хорошем состоянии кожных покровов человека с помощью специальных

препаратов), *миотерапия* (метод глубокого мышечного массажа), *натуротерапия* (лечение без лекарств, природными средствами), *оритотерапия*, *склеротерапия*, *снеготерапия*, *собакоотерапия*, *сокотерапия*, *страхотерапия*, *социотерапия*, *уриноотерапия*, *фитотерапия*, *цветотерапия*, *цитомедиотерапия* (лечение с помощью цитомедов – биорегуляторов), *шокоотерапия* (лечение сердечной аритмии с помощью электрического тока) и т.п.

Начальный компонент во всех приведенных в данной заметке словах, как правило, указывает на то, что именно используется в процессе лечения для получения оздоровительного эффекта (запахи, звуки, музыка, пение, животные, вещества, различного вида энергии и г.д.), реже – на органы, части организма, на которые в процессе лечения оказывается воздействие (ген, капилляры, стопа и т.д.), результат, к которому стремится врач (баланс состояния всех систем организма) и т.д.

Освоенность языком конкретных слов связана со степенью проникновения в нашу жизнь самих этих методов. Появление слов, обозначающих специалиста по тому или иному способу лечения, свидетельствует о процессе вхождения этих слов в язык, а обозначаемых ими понятий – в наше сознание: *арт-терапевт*, *аромотерапевт*, *ирудотерапевт*, *музыкотерапевт* и т.д.

Широкое использование словообразовательной модели в сфере терминообразования способствовало проникновению ее в окказиональное словообразование, где слова подобной структуры означают "приятное, полезное для кого-л. занятие чем-л.": ([Н. Эйдельман:] Обожаю архивы! Даже термин такой изобрел: архивотерапия. Даугава. 1987. № 2) или выражают шутливо-ироническое отношение, например, к действиям какого-либо "эскулапа": «В московском Центре нетрадиционной медицины открылся кабинет народного целителя Ф. Маракухина, избавляющего практически от всех недугов. Его система оригинальна: оставив диагноз, врач заходит пациенту сзади и дает ему сильного пинка в строго определенном месте пониже спины. Дело в том, что, как показали новейшие исследования, на ягодицах человека имеются особые точки, связанные с каждым из внутренних органов. Воздействуя на эти рецепторы, доктор и достигает оздоровительного эффекта. В день Маракухин пинает до сотни больных, но очередь к нему не иссякает... Метод так называемой "попотерапии" однозначно оценивается специалистами как перспективный, особенно в денежном отношении» (Кроcodил. 1995. № 7).

Санкт-Петербург

НОВАЦИИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СЛОВАРЕ ГОРОДА

Г.М. ПОСПЕЛОВА,
кандидат филологических наук

Современную ситуацию в России часто называют революционной. Действительно, в стране идут преобразовательные процессы, имеющие глубокий социальный и исторический смысл. Революционная перестройка вторглась и в жизнь российских городов. С особой отчетливостью эти изменения проявились в Москве – здесь они приобрели глобальный характер.

Одним из важных событий в современной истории столицы стало реформирование ее территориальной структуры. Прежняя, доставшаяся в наследство от советской эпохи система была весьма специфична, во многом она не устраивала новые власти. Ее формирование происходило на фоне революционных потрясений, вызванных 1917 годом. Разрушение старого мира, создание своего, непохожего – вот что стало тогда главным. Поэтому решение "перекроить" административно-территориальную карту города было вполне в духе того времени. Обоснование этой да и других акций подобного рода было так сформулировано в постановлении "О Генеральном плане реконструкции Москвы": "Стихийно развивавшаяся на протяжении многих веков Москва отражала даже в лучшие годы своего развития характер варварского российского капитализма". Основной принцип "перекройки" было решено увязать с потребностями внутрипартийной жизни: новую карту административно-территориального деления Москвы создавали, исходя из количества членов партии в отдельном территориальном объединении (в каждом должно было быть приблизительно 65 тысяч коммунистов). Так на карте столицы появился *район*.

Вновь созданные единицы по своим размерам, по количеству людей резко отличались друг от друга: в тех местах, где находились большие промышленные предприятия, крупные учреждения (а члены партии, как известно, в основном состояли на учете в своих рабочих коллективах),

территории районов, количество жителей были меньше – и зачастую значительно, – чем в тех местах, которые были заняты жилыми кварталами. Позднее границы районов несколько раз менялись, но суть оставалась прежней. В последние годы существования – к началу 90-х годов – их было 33.

Названия районов также несли на себе печать времени – они были идеологически выдержаны. В них звучали слова – символы той эпохи (Советский, Октябрьский, Пролетарский районы), имена людей, руководивших страной в разные периоды советской власти (Ленинский, Сталинский, Брежневский районы), имена известных деятелей партии (Свердловский, Фрунзенский, Кировский, Бауманский, Калининский, Куйбышевский районы).

В Москве, как, впрочем, и по всей стране, была введена новая единая городская система власти. В названии властных структур центральным стало слово-понятие *совет* – Московский городской совет народных депутатов (Моссовет), Московский областной совет народных депутатов (Мособлсовет) и т.д. Столь же упорядоченный характер носила и система обозначений постов руководителей – *председатель*, *заместитель*.

Политическая смута, экономическая нестабильность, бурный поток событий последних лет – все это самым непосредственным образом повлияло на систему власти в городе: она стала приходить в упадок. И тогда встал вопрос о концепции городской жизни в новых условиях.

Прежде всего внимание было обращено на административно-территориальное деление Москвы, на специфику ее руководящих органов. Сам принцип создания территориальной схемы и разделения жителей по мотивам идеологического характера, неудобства управления городским хозяйством, обусловленные искусственностью этой системы, несоответствие названий-ярлыков советской эпохи новым реалиям на фоне меняющейся жизни – все это вместе взятое вызывало обостренную реакцию. Поэтому мысль о создании новой территориальной карты Москвы, иной структуры власти была воспринята как естественная необходимость. И она была созвучна идеям возрождения России, ее великого прошлого.

На официальную карту Москвы были возвращены территориальные образования, которые складывались на протяжении столетий в исторической центральной части города, на ее окраинах, там, где раньше были деревни, за счет которых всегда росла столица. Новые территориальные образования (а их было выявлено 137) обрели изначально присущие им названия, забытые или отодвинутые в тень, скрывавшиеся за идеологической сеткой номинаций советской эпохи, такие, как Замоскворечье, Хамовники – в центре; Отрадное, Ховрино – ближе к

границам города. По соображениям практического порядка, связанным с механизмом управления этим современным мегаполисом, все мелкие подразделения объединили в крупные сектора, используя в качестве основы восьмиконечную "розу ветров" из картографического арсенала. И это было одновременно данью старой московской традиции ориентировки по сторонам света. К этим секторам прибавили еще два – Центр и Зеленоград. Так на карте появилось десять новых крупных административно-территориальных единиц.

Преобразование административно-территориальной схемы поставило вопрос о реформировании городских структур управления. Прежний принцип опоры на "совет", функционировавший под бдительным оком партийных органов и ставший к тому времени в глазах многих символом уходящей эпохи, себя изжил. Новую систему необходимо было разрабатывать с учетом изменившейся ситуации в стране, в эшелонах власти. Она рождалась в дискуссиях сторонников и противников новых порядков.

Параллельно шел процесс формирования современного административного лексикона: подыскивались словесные варианты для новых территориальных образований, для структур, ими управляющих, для должностных лиц различных рангов.

Эти наименования должны были обладать рядом признаков, обязательных для номинаций терминологического характера. Прежде всего требовались названия с четким смысловым комплексом, доступным рядовому горожанину, удобные в повседневном употреблении и произношении. Они должны были легко входить в контексты различного содержания, без труда при необходимости становясь основой для производных (прилагательных, существительных со значением "деятель").

При выборе источников для создания новой системы наименований решающей, судя по всему, стала ориентация современной политической элиты на ценности западного мира. Вот почему основу административного словаря составили названия, характерные, по определению идеологов советского времени, для буржуазных стран. При этом в одних случаях выбор связывался с опытом старых европейских цивилизаций, в других – обращались к ситуации на американском континенте, а то и вовсе оказывалось, что те или иные обозначения связаны с реальностью жизни стран третьего мира, бывших колоний, зачастую, впрочем, успешно приспосабливающихся к опыту, накопленному в метрополиях. В итоге в современном обиходе появилась причудливая смесь заимствований из разных систем.

Так, в обращение были введены слова *департамент*, *префектура*, *муниципалитет*, *мэрия*, давно и прочно закрепившиеся в зарубежном административном лексиконе. Однако в разных странах сложились свои традиции их использования.

Департамент, префектура, муниципалитет могут функционировать как наименования административно-территориальных единиц. При этом в одних случаях имеются в виду крупные образования – таковы департаменты во Франции, префектуры в Японии. В других случаях (и прежде всего это касается слова *муниципалитет*) с названием подобного рода связывается представление о низшей административно-территориальной единице. Примером могут служить муниципалитеты в Австрии, Венесуэле, во Франции.

Эти же терминологические единицы могут использоваться в значении "аппарат управления", нередко обозначая руководящие органы достаточно высокого уровня. Наиболее известные примеры – Госдепартамент США (министерство иностранных дел по российской классификации) и префектура как орган управления административно-территориальной единицей во Франции. А понятия *муниципалитет, мэрия*, как правило, ассоциируются с властными структурами городского масштаба.

В российский административный лексикон слова *префектура, муниципалитет, мэрия* никогда не входили. И лишь слово *департамент* имеет традицию использования в России: так, в 1881–1917 гг. один из отделов министерства внутренних дел назывался департаментом полиции.

Какова же судьба этих слов в современном московском контексте?

Слова *департамент* и *префектура* были выбраны столичными властями как наименования органов управления. Первое – общегородского уровня, второе – более низкого, следующего в иерархии. И в системе новых городских понятий они используются достаточно последовательно.

Судьба слова *муниципалитет* и в особенности производного от него прилагательного *муниципальный* (кстати, имеющего гораздо большую частотность в современном обиходе) не столь безусловна. В положении об органах исполнительной власти понятие *муниципалитет* соотносится с территориальной единицей самого низкого в городе уровня (муниципалитет Измайлово, Останкинский муниципалитет). Однако в средствах массовой информации, в выступлениях журналистов да и представителей властных структур прилагательное *муниципальный* используется и в значении "относящийся к муниципалитету", и как синоним понятия "городской", "относящийся к городу". К примеру, "муниципальный рынок", вероятнее всего, организуется и курируется муниципалитетом. Но в то же время в рекламной статье, посвященной "Банку Москвы", определение *муниципальный* совершенно однозначно толкуется как синоним слова *городской*.

У всех сейчас на слуху сочетания, отражающие понятия явно обще-

городские – *муниципальное жилье, муниципальная полиция, муниципальные власти*. Более того, слово *мэрия*, четко ассоциирующееся в московском обиходе с руководителем города и соответственно со структурами общегородского уровня, в словарях определяется как "муниципальное управление". Все чаще и все отчетливее звучит противопоставление понятий "область" – "город". Так, в программах Радио России сравнивались возможности музеев, подмосковных и муниципальных, сообщалось о реконструкции гостиниц московского региона и муниципальных, рассказывалось о положении больниц, областных и муниципальных.

Эта смысловая нечеткость возникает прежде всего потому, что наиболее известный по западным материалам (или же более знакомый многим) вариант использования слова *муниципалитет* связан именно со значением "орган управления городом", и, соответственно, определение *муниципальный* вполне логично соединяется с названием городских учреждений. А менее распространенное значение "административно-территориальная единица", введенное сейчас директивным порядком в Москве, зафиксировано в официальных документах лишь недавно.

Вторая причина возникновения этой путаницы связана с тем, что в новом административном словаре практически нет определения, указывающего на принадлежность к городу. Образовать его от новых терминов трудно, а чаще невозможно (вспомним слово *мэрия*). Поэтому сознательное (т.е. предполагающее определенные знания) или же не осознаваемое употребление слова *муниципальный* в проекции на общую схему городских учреждений представляется неизбежным и в чем-то оправданным, а главное, хотя и противоречащим заложенному содержанию, но необходимым. Пока не будет предложено что-либо другое.

В поисках названий для понятийного словаря нового городского уклада обратились и к "заготовкам" отечественного происхождения. Это неслучайно: интерес в обществе к культурным и деловым традициям старой России велик. Кроме того, именно эта часть лексикона в наибольшей степени отвечает общему изначальному замыслу реформирования на основе идеи "возвращения к истокам", т.е. возвращения не только по сути, но и в словесных образах.

Для наиболее значимого понятия в системе власти было выбрано слово *дума*. Сначала, правда, оно появилось в словаре реалий общегосударственного масштаба, сменив старое, четко ориентированное идеологически и во времени на советскую эпоху наименование *Верховный Совет*. А когда потребовались названия для городских органов, идея его вторичного включения в реестр властных структур показала вполне закономерной: историческая память подсказала образцы его использования, связанные с традициями российской политической

культуры, – Царская дума, Боярская дума в XVII веке, позднее Земская дума, Государственная Дума начала XX века, и, наконец, Городская Дума, существовавшая в Москве в XVIII–XX веках. Безусловно, немаловажную роль сыграл и общий прозрачный смысл слова *дума*, и его звуковая непритязательность, и готовое определение *думский*, легко возникшее из забвения. Несколько сложнее обстоит дело с образованием существительного в значении "деятель". Традиционно при необходимости прибегают к описательному способу – "депутат Государственной Думы", "член Городской Думы". Иногда в средствах массовой информации мелькает непривычное для слуха современника слово "думцы".

Рядом с понятием *дума* все чаще употребляется сочетание "Законодательное собрание" (а в некоторых регионах именно так называется высший орган власти в городе или области). Использование в активном политическом обиходе слова *собрание* в значении "выборное учреждение" – примета времени. Совсем недавно, в советскую эпоху, оно имело почти однозначный и очень частотный вариант употребления – *заседание*, а понятия партийное собрание, открытое (закрытое) собрание, комсомольское собрание, профсоюзное собрание были важнейшими атрибутами общественной жизни. В либеральной атмосфере сегодняшнего дня стали нужными параллели с демократическими институтами. И тогда вспомнили традиции европейского парламентаризма, связанные с понятиями Народное собрание, Законодательное собрание, Учредительное собрание, факт трагически-недолгого существования Учредительного собрания в России в 1918 году. Именно потому сопоставление понятий *дума* и *законодательное собрание* звучит так актуально.

Совсем недавно в документах исполнительной власти появилось отмеченное печатью архаики, столь знакомое по литературе прошлого слово *управа*. Оно предложено для административного органа низшего городского уровня, что вполне согласуется с его трактовкой в словарях – "название некоторых местных учреждений в дореволюционной России". Его вхождение в современный обиход, вероятнее всего, также не вызовет затруднений, поскольку в нем есть и смысловая доступность, во многом обусловленная ассоциативной связью с недавним *управдом*, с выражением *найти управу*, с современными реалиями типа *управляющий*, *управление*, и возможность образовать определение *управский*.

Важное место в новом административном лексиконе заняло слово *округ*, имеющее безусловно славянские корни. Однако его использование следует скорее рассматривать как обращение к опыту советского времени, когда возникли понятия "автономный округ", "военный округ", "избирательный округ".

Слово это не могло не привлечь к себе внимания, поскольку оно обладает всеми необходимыми для терминологического обозначения качествами – ясность смыслового содержания, подкрепленная традициями использования в недавнем прошлом, легкость вхождения в любой контекст, произносительная простота, сопряжение с широко распространенным определением *окружной*. Вот почему, несмотря на его явную связь с реалиями советской эпохи, безусловно присутствующую и сейчас, это слово было включено в словарь административной лексики сегодняшнего дня. Более того, оно оказалось столь привлекательным, что его решено было использовать в новой системе дважды – во-первых, для территориальных единиц крупного "достоинства", а во-вторых, для подразделений внутри этих больших образований. Такое интенсивное использование слова *округ* – для территориальных единиц сразу двух уровней – рождало путаницу. И, естественно, возникла необходимость уточнить смысловое содержание каждого из понятий. Это сделали, составив сочетания: в первом случае ввели определение *административный*, во втором – *муниципальный*. Так на свет появились всем знакомые сейчас комплексные наименования типа Центральный административный округ, Западный административный округ, муниципальный округ "Левобережный" Северного административного округа, муниципальный округ "Лефортово" Юго-восточного административного округа.

В последнее время все чаще в отношении территориальных образований низшего уровня вместо слова *округ* используют *район*, образуя сочетания *муниципальный район* (некоторые журналисты пытаются также "воскресить" *микрорайон*). И хотя в сознании горожан это слово тесно связано с недавним прошлым, когда оно было закреплено за понятием, имевшим совершенно другой статус, масштаб, территорию, структуру управления, наконец, иную систему номинаций, его появление в современном лексиконе выглядит практически целесообразным, поскольку снимает двусмысленность и позволяет избежать многословия.

Преобразование системы наименований территориальных единиц, структур, ими управляющих, естественно, поставило проблему титулования лиц, стоящих у власти. И здесь решено было в первую очередь обратиться к западному арсеналу номинаций.

Префект, супрефект, мэр – типичны для системы обозначения должностных лиц, за ними – долгая традиция использования в административном словаре.

Слово *префект* чаще всего означает "представитель центрального правительства". Иногда, как это сложилось во Франции, так называют начальника полиции (особенно известно употребление этого слова в отношении начальника полиции Парижа). *Супрефект* также является

представителем правительства, но более низкого ранга. В московских условиях они предложены для должностных лиц внутригородского масштаба. При этом *префект* возглавляет префектуру, а *супрефект* – управление. Таким образом, налицо "снижение уровня" должностей *префект* и *супрефект*, нечеткость в отражении соотношения "административная структура" – "руководитель". Все это далеко не лучший пример использования заимствованных образцов.

Своеобразно используется в Москве и слово *мэр*. В западном толковании это "лицо, возглавляющее муниципалитет", что предполагает неразрывность связи двух понятий. В московском контексте их "развели": мэр, действительно, руководитель высшего городского ранга, глава исполнительной власти в городе. А в "освоении" понятия *муниципалитет* пошли, как уже отмечалось выше, другим путем, закрепив его за административно-территориальной единицей низшего уровня. Более того, статус мэра – в словесном обозначении – был приравнен к статусу руководителя страны: была предложена синонимическая пара *мэр* – *премьер*, или *премьер-министр*. Эта идея уравнивать в номинативном плане общегосударственные и столичные структуры власти получила свое "логическое" развитие: есть правительство страны – появилось правительство города, во главе органов государственного управления стоят министры – появились они и в городском руководстве. Сделано это, несмотря на то, что во всех авторитетных словарях понятия *премьер-министр* (*премьер*), *правительство*, *министр* соотносятся только с идеей государственности, и, наконец, вопреки сложившимся традициям.

Этот перечень наименований должностных лиц городского масштаба постоянно увязывается с обозначением *губернатор* (*губернатор области*). Правда, в Московском регионе он используется довольно скупно, однако слово это сейчас на слуху, а потому привлекает к себе внимание. Впервые в современной ситуации оно прозвучало рядом с именем Бориса Немцова, когда он стал руководителем администрации Нижегородской области. Судя по сообщениям газет, это была его собственная инициатива, а образцом скорее всего послужила американская модель, где есть губернаторы штатов. Этот лингвистический почин затем широко распространился по стране.

Европейское (а точнее латинское) по происхождению слово *губернатор* имеет давние традиции использования и в российской истории. В 1708 году по указу Петра I территория государства была разделена на губернии. Во главе каждой из них стоял губернатор – главный представитель верховной власти (в Москве и Московской губернии он именовался генерал-губернатором). Его предписания были обязательны для выполнения на всей территории губернии – и в главном губернском

городе, и, как сейчас говорят, на местах. Такой порядок просуществовал вплоть до 1917 года. Этот факт широко известен и для большинства в России имеет очень четкую временную соотнесенность и конкретный исторический подтекст.

Область же как основная административно-территориальная единица введена при советской власти и, следовательно, принадлежит совершенно иному времени. Тогда же были созданы органы управления, в которых основную роль играли советы, работавшие в тесном контакте с партийными органами. Каждый из этих органов имел своих – областных – руководителей, которые не подчинялись руководству города – центра области. На этом информационном фоне соединение слов *губернатор* и *область* выглядит смещением понятий двух эпох, практически не сочетаемых, – за ними различия в опыте управления страной, в политико-идеологических установках.

Достаточно произвольно "обошлись" и с первой частью сложных слов *вице-* "заместитель, помощник". Есть устоявшийся перечень слов, с которыми она употребляется: *адмирал, президент, губернатор, консул, канцлер, король (вице-президент, вице-губернатор, вице-консул, вице-король* и т.д.). Среди них нет сложного слова *вице-мэр*, столь популярного сейчас в Москве. Однако оно вполне логично продолжает эту цепочку. Более странным выглядит сочетание этой "чужеземной" приставки с российским словом *глава*. К примеру, на московском телеканале регулярно звучит: "вице-глава администрации Московской области".

Все эти наименования, вошедшие в жизнь города за последние годы, – своеобразное отражение перемен, происходящих в обществе, неустойчивого равновесия, которое характерно для сегодняшнего дня. И требуются значительные усилия, чтобы гармонизировать эту ситуацию, придать ее словарю четкость и простоту.

"Чужой" язык в русской литературе

Э.А. ГРИГОРЯН,

кандидат филологических наук

Любой текст можно рассматривать и анализировать с точки зрения его языковой принадлежности.

На первый взгляд может показаться, что никаких серьезных проблем на пути соотнесения текста с соответствующим языком возникать не должно. Изначально человек воспринимает сам язык текста (русский, английский и др.), а затем собственно его художественные особенности, содержание.

Процедура идентификации текста в плане языковой принадлежности осуществляется настолько естественно и автоматически, что ее фактический сложный характер, проистекающий из-за языковой неоднородности, зачастую просто незаметен.

Разумеется, лингвисты и литературоведы не оставляли без внимания присутствие в произведениях русской литературы множества иноязычных элементов. Лингвистические исследования в этом направлении многообразны и многочисленны (См. одну из последних работ на эту тему с обширной библиографией: М.В. Орешкина. Тюркские слова в русском языке. – М., 1994), обычно в них рассматривается семантика заимствований, степень их освоенности, их судьба в русском языке.

Однако в подобного рода работах, как правило, анализируется языковой материал (слова) из разных русскоязычных и русских произведений без учета их языковой принадлежности. Далее мы попытаемся доказать, что такой подход не может считаться ни правомерным, ни в достаточной мере точным. Вопрос, как нам кажется, гораздо сложнее.

Художественный текст отображает жизнь во всех ее проявлениях, в условиях перманентной этнической и языковой интеграции он показывает все то многообразие духовных, культурных, экономических контактов, в которые вступает большинство этнических сообществ. Естественно, в тексте поэтому могут присутствовать другие языки и смешанные языковые состояния.

Иное дело, что формы и способы отображения языков в монологальном тексте разнообразны: от мифического, условного их присутствия до натуральных иноязычных фрагментов, вплетенных в текст и нередко называемых варваризмами. (См.: определение термина "варваризм" в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой: Варваризм англ. barbarism, фр. barbarisme, нем. Barbarismus, исп.

barbarismo... 2. Иноязычное слово, употребляемое при описании чужеземных обычаев, особенностей жизни и быта для придания изложению местного колорита. 3. Иностранное слово, не получившее прав гражданства в общем языке и бытующее лишь в некоторых специфических социальных его разновидностях.)

Что касается варваризмов, то здесь вопрос более или менее ясен, они возникают в результате языкового контакта, а также при наличии очень устойчивого (часто социально-дифференцированного) двуязычия. Таковы варваризмы в произведениях Л. Н. Толстого и вообще все французские вкрапления в русские художественные тексты.

Сложнее обстоит дело с таким присутствием "чужого" языка, которое мы назвали "условным".

На самом деле этот вид присутствия "чужого" языка носителям русского языка очень хорошо известен, но в бытовом языковом сознании от него принято отмахиваться. Вернее, для того чтобы без помех воспринимать содержание интересного произведения, лучше не задаваться вопросом, на каком языке говорят его герои. Действительно, в художественном киносерiale "Семнадцать мгновений весны" Штирлиц беседует на русском языке с Мюллером (тоже хорошо говорящим по-русски), и на русском же говорит со своими агентами-помощниками. Но зритель-то знает, что в случае с Мюллером речь – немецкая, а с агентами – русская. Аналогичные случаи наблюдаются и в художественной литературе: "Показалось, – молвил Филипп Филиппович и с жаром заговорил по-немецки" (Булгаков. Собачье сердце). Далее в тексте нет ни слова по-немецки. Точно так же любое русскоязычное произведение, описывающее жизнь в другой стране, лишь условно русское в части передачи речи персонажей: «Германский император, очевидно, забыл то, что говорил бельгийскому королю, и не собирался подражать Фридриху и Наполеону. Его посол в Вене Чиршки доложил о каких-то опасных планах Австро-Венгрии. Император справедливо написал на полях доклада: "Совершенное сумасшествие. Ведь была бы война"» (Алданов. Самоубийство).

Многочисленные "иностранцы" (известные и не очень), исторические деятели разных стран говорят со страниц русских художественных произведений по-русски. Но почти всегда при этом "мерцает" присутствие другого языка. Текст и его автор всегда "сигнализируют" читателю, что одноязычие здесь условно, что на самом деле в отдельных случаях русский лишь занимает место другого языка.

Типы и способы представления "чужого" языка разнообразны. Наиболее распространенным является тот, когда писатель вводит в текст специальные сигналы, которые позволяют читателю определить подлинную языковую принадлежность. Часто он просто называет "чужой" язык: "Вскоре пришел Фок. Он по-немецки попросил поподробнее рас-

сказать ему все последние мировые новости. Эмерсон ответил ему на том же языке. Разговор постепенно принял интимный характер" (Степанов. Порт-Артур). Далее в тексте прямая речь на русском языке.

Присутствие в произведении другого языка для любого писателя в известной мере неудобно. Лишь безусловный выигрыш в развитии фабулы оправдывает трудности, связанные с представлением других языков в русскоязычном тексте. Тактика этого представления весьма разнообразна. С этой целью используются "переключатели" языков, или сигналы такого переключения, так как сам "чужой" язык в тексте не представлен. В "Герое нашего времени" М.Ю. Лермонтов несколько запоздало вводит в повествование сигнал языковой идентификации поведения Бэлы и Печорина: "Долго бился с нею Григорий Александрович; между тем учился по-татарски, а она начинала понимать по-нашему". Таким образом, дальнейшие разговоры между молодыми людьми могли идти и на русском, и на татарском. Но сразу после ввода сигнала, который в данном случае относится уже ко всему последующему общению, Бэла говорит по-русски. Вот ее речь: "Поджалуста, поджалуста, не нада, не нада". Это типичный образец неисконной русской речи. А дальше – Бэла (чуть ли не в этом же абзаце) говорит: "Я твоя пленница, твоя раба: конечно, ты можешь меня принудить..." Итак, сигналы речевой характеристики введены, и "моделировать" неисконную речь с ее ошибками уже нет нужды. В этом же произведении все разговоры Азамата и Казбича переданы на русском языке, хотя ясно, что им не надо говорить между собой по-русски. В этом случае, как видим, переключений нет. Должно быть, сами личности говорящих должны сигнализировать, что разговор они ведут на родном языке. Сговор Азамата и Печорина передан по-русски, и в этом случае трудно себе представить, на каком языке они разговаривают. В тексте нет упоминаний о том, говорит ли Азамат по-русски, а Печорин по-кабардински, или по-татарски.

Нередки случаи двойного переключения, когда русскоязычный текст нуждается в сигнале, свидетельствующем, что разговор перешел на русский язык... Эти случаи парадоксальны. Сигнал переключения на чужой язык настолько силен, что приходится прекращать его действие упоминанием о русском же языке. В повести "Наезды" А.А. Бестужева-Марлинского действие происходит в усадьбе польского дворянина. Разговор, естественно, идет на польском языке, а передан на русском с соответствующим сигналом переключения. "Говоря по-польски, как поляк, я надеюсь порядочно подделаться к польскому ладу", – говорит князь Серебряный. Попав в усадьбу, князь так и поступает. Но вот он встречается с русской девушкой, которая находится в плену у поляков. Поскольку все действующие лица "переключены" на польский, в том числе и русские (князь и Варвара), то приходится указывать и на

русский язык, то есть ситуация такова, что сам язык изложения уже не может самоидентифицироваться: «"Ради меня, ради Бога, оставьте вашу ссору", – вскричала по-русски трепетная Варвара».

Как видим, такое отражение чужого языка в тексте носит самый простой характер, авторы лишь условно отражают чужую речь. Этот способ, как правило, представлен тогда, когда среди действующих лиц есть люди, достаточно хорошо говорящие на разных языках. Так, князь Серебряный, по-видимому, в современной научной интерпретации координативный билингв (свободно владеющий родным и польским языками); генерал Фок в "Порт-Артуре" тоже свободно говорит на русском и немецком. Но Бэла говорит по-русски плохо, поэтому Лермонтов отражает не только языковую принадлежность ее речи, но и ее низкий уровень (наличие ошибок).

Представление языковой принадлежности актов речи, таким образом, переплетается с другим распространенным способом отражения языковой ситуации – передачей неисконной русской речи. Но наиболее общая лингвистическая характеристика неисконной русской речи – степень владения языком и наличие в ней особенностей и ошибок. В соответствующих речевых актах это отражается в полной мере. Можно даже выстроить типологию степеней владения русским языком (уровней владения) исключительно на материале русских художественных произведений. Так, в неисконной русской речи присутствует акцент, который можно передать на письме, но если следовать этому чересчур скрупулезно, то можно затруднить восприятие содержания текста, поэтому передают только основные черты акцента, причем дифференцируют его в соответствии с родным языком говорящего. "Твоя сюда ходи-ходи, моя твоя плодавай мало-мало" или "Моя-твоя го-воли плавда" – из русской речи китайца (Пикуль. Исторические миниатюры). А вот речь китайца из другого произведения: "Моя ходи море, смотри, Рива жди. Моя плакать хоти"; "Моя жених нет. Моя Сережа любви" (Степанов. Порт-Артур). "Китайская" русская речь хорошо знакома всем действующим лицам этого романа. Они ее даже подделывают: «"Эй, ходя, вставай, ехать будем!" – подбежал к нему (китайцу-перевозчику) Ваня».

Типов неисконной русской речи, однако, значительно меньше, чем национальностей. Дело в том, что условности письменного текста делают эти типы очень похожими друг на друга, да и на самом деле варьирование здесь не беспредельно: "Моя япона сказал, что наша микадо давно-давно ждал русскэ!, но зачем вы, русскэ, не приплыли к япона раньше" (Пикуль. Исторические миниатюры).

Следует отметить, что передача неисконной русской речи со всеми лингвистическими "подробностями" (даже в пределах возможностей письменной речи) имеет свои неудобства. Авторы часто указывают на

самую существенную деталь. Дело в том, что русскому языковому сознанию типы неисконной русской речи настолько хорошо известны, что расписывать их подробно нет необходимости, достаточно указать на одну–две черты. И это тоже своего рода сигналы, но не "чужого" языка, а неисконной русской речи: «"Слушаю, господин полковник", – с неправильными ударениями ответил офицер и козырнул. "Поляк", – подумал Турбин» (Булгаков. Белая гвардия). Часто в роли таких сигналов используются типичные обращения, междометия из других языков, из их наличия читатель может сделать вывод о недостаточно высоком уровне владения русским языком, хотя в самом тексте может быть представлена правильная русская речь: "Ва! – досадливо сморщился Мехмандаров. – Если он болен, – то от вашего присутствия, сударыня" (Степанов. Порт-Артур).

Нередко сигналом неисконной русской речи является просто упоминание о присутствии акцента без передачи самой речи: «Получив подкову, иностранец пожал руку Аннушке и поблагодарил, выговаривая слова с иностранным акцентом: "Я вам очень благодарен, мадам. Мне дорога эта подкова, как память"» (Булгаков. Великий канцлер). Для более точного представления неисконной русской речи используется комбинированный способ: «"... а я ему от себя скажу большой спасибо", – с кавказским акцентом говорил Тахателов».

Наконец, есть случаи смешанных языковых актов, когда по тексту нельзя отличить, присутствует ли неисконная русская речь или просто другой язык, переданный русскими буквами: "А зе пану Зеготе эции клейноты дешево пришились" (Бестужев-Марлинский. Наезды). В противоположность этому есть и случаи подчеркнутого присутствия чужого языка, но в отличие от варваризмов чужая речь передана исключительно средствами русского алфавита: «...Хош гяльды (милости просим), тазамамусен сен-не-мамусен (как живешь-можешь), добрались и до неизбежного при встрече с азиатцами вопроса: "Что нового? На хабер?"» (Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек).

В современной русистике весьма актуальным считается вопрос о том, признавать ли неисконную русскую речь относящейся к русскому языку. В свете языковой принадлежности, конечно, следует ответить на этот вопрос утвердительно. Приведенные примеры показывают не только наличие такой речи, но и всю палитру языковых контактов от условного присутствия языка, неисконной русской речи и просто чужих языков в русскоязычных текстах. Трудно вообразить, что столь устойчивое "вторичное" их отражение является исключительно инициативой писателей. Скорее всего, они лишь следуют традиционным представлениям о типах взаимоотношений русского языка с соседними языками.

Эти опасные местоимения

Н.В. МУРАВЬЕВА,

кандидат филологических наук

В газетных текстах есть такие смысловые ошибки, такие "непонятности", которые возникают не из-за "диссонансов", неорганизованности в содержании материала, а из-за языковой неудачи журналиста. Как же появляются такие ошибки, почему их так много? Попробуем понять, как запутывается мысль журналиста "Московской окраины" в такой фразе: "Ну, а проницательный человек всегда определит, для кого нищенство – бизнес, а для кого постыдная, неприятная, но необходимость. Жаль только, что имущие власть и богатство не ездят на метро и избегают многолюдных площадей. Им они глаза не мозолят и за рукав не цепляются".

Последнее предложение сначала увлекает нас в стихию образа: им (площадям?) *они* (имущие власть и богатство?) *глаза не мозолят*, хотя в конце этой фразы такое наше понимание уже сомнительно. Попробуем иначе: *им* – это *имущим власть и богатство*. Тогда кто или что *им не мозолит глаза*? По-видимому, *нищие*, но предложение строится так, что мы добираемся до этого смысла лишь тогда, когда отбрасываем связь слов *многолюдные площади* – *они*. Слишком много времени требует от нас эта фраза, но читаем-то мы газету, а не художественную прозу.

Такие ошибки можно назвать произвольными: языковая оболочка искажает мысль журналиста, но он этого не видит. потому что действительность в его сознании отражается правильно. Впрочем, редактор тоже часто не видит подобную ошибку, потому что он как бы домысливает фразу, помогает ей казаться понятной. Возникают эти ошибки тогда, когда в тексте связываются две фразы, абсолютно понятные сами по себе. Если журналист использует слова или синтаксические конструкции, которые могут соединить какие-то смыслы в тексте, но при этом и не думает устанавливать эти связи, вероятнее всего, в тексте появится "произвольная" смысловая ошибка, которая запутает читателя.

Больше всего таких ошибок в газетных материалах возникает из-за неточного использования местоимений или похожих на них наречий. Читаем газету "Московский комсомолец": «Через два года будет

отмечаться 100-летие со дня рождения Екатерины Беклешовой, которая, к счастью, оставила нам не только своих кукол, но и учеников. Одна из них – Елена Колат – принимает участие в открывшейся в центре "Преодоление" выставке. "Кукольная болезнь" в прямом смысле заразила (? – Н.М.) и ее. Елена продолжила гоголевскую тему и сделала серию по "Ревизору", "оживила" героев "Сказки о золотом петушке", но и этого оказалось мало. С тех пор как Елена Колат всерьез занялась живописью, марионетки, пьеро и прочие петрушки и здесь никому не уступают места».

Когда мы читаем этот текст, то спотыкаемся на каждом предложении: сочетание *одна из них* чисто грамматически может относиться только к слову *кукол*, хотя затем становится понятно, что речь идет об ученике, точнее, ученице Екатерины Беклешовой; местоимение *ее* относится к Елене Колат, однако более сильной будет связь *выставка – ее*, а наречие *здесь* вообще не имеет в ближайшем контексте поясняющей единицы.

Подобные неудачи журналистов мы находим в газетах довольно часто: "Российская газета": «"Серебряный январь" в Вязьме. Под таким названием пройдут дни российской литературы на Смоленщине. Тема дней – "Литература и культура русской глубинки". Идея собрать их в небольшом древнем городе не случайна». Решайте сами, как понимать слово *их* в последнем предложении – литературу и культуру? дни? или все-таки писателей?

"Правда": "Тогда же я въехал в абсолютно пустой, словно после нейтронной бомбы, город Глина. Именно здесь в 1942 году устали собрали в православной церкви всех сербов – мужчин и детей – и сожгли их заживо". Остается непонятным – все ли жители были убиты или только мужчины и дети?

Почему же так часто делают текст непонятным местоимения и местоименные слова? Все дело в том, что у этих слов нет самостоятельного, однозначного значения, что-то конкретное они обозначают только в контексте. И когда журналист использует местоимение в материале, необходимо особое внимание к тому, какие элементы текста соотносятся – формально, грамматически – с этим местоимением, какие слова или словосочетания, – а иногда и целые фразы – оно "втягивает". Иначе местоимение будет относиться к большему, чем это необходимо, числу слов в окружающем тексте, либо вообще не будет слова или словосочетания, соответствующего местоимению. А в итоге читателю придется разгадывать "загадки" газетного текста.

Эпистолы и стихотворные письма
в русской панегирической поэзии
XVIII века

М.Ю. ЛЮСТРОВ

Характерной чертой русской эпистолярной поэзии было разнообразие жанровых наименований, а внутри ее существовала *панегирическая система*, состоящая из *эпистол* и *писем*. Такого рода послания, как правило, создавались по образцу торжественной оды.

Так, в 1762 году М.М. Херасков пишет "Эпистолу ко пресветлой державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне. Самодержице Всероссийской, принесенную в день Тезоименитства ея Императорского Величества", которая не только тяготеет к панегирической оде, но и оформляется как ода. Она не посылается, как послание, но подносится, причем от лица Академии наук. Тем самым нарушается главный жанровый признак эпистолы: оформление ее как разговора с отсутствующим.

Это стихотворение Хераскова является классическим примером поздравительной эпистолы, адресованной Екатерине II. А в русской поэзии едва ли можно найти автора, не подносившего панегирической

эпистолы монархине. Кроме Хераскова, такого рода произведения сочиняли или подносили В.И. Майков, Е.И. Костров, А.И. Перепечин и многие другие поэты.

Таким образом, *эпистолярные панегирические стихотворения* XVIII века, восходящие к русской одической традиции, обозначаются авторами как *эпистолы*. Однако среди панегирических эпистолярных стихотворений встречаются и письма.

Примером *панегирического письма* может служить "Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой" А.П. Сумарокова. Это комплиментарное сочинение строится так же, как и торжественные панегирические эпистолы императрице: автор просит адресата принять приношение. Так, в адресованном Екатерине II прозаическом "Письме" (1777) Г.Р. Державина читаем: "Ты, которая похвалами своими наскучила, но не наскучила своими добродетелями, *прими сие ничтожнейшее приношение* моя искренности..." (курсив мой. – М.Л.). В "Письме к девицам" Сумарокова находим:

*Примите от меня,
Вещающая хвалу вам, девы, не мая,
Наполненного к вам почтением отличным
Кто не был никогда на свете двужычным,
Письмо сие! (Курсив мой. – М.Л.)*

Можно предположить, что императрице подносятся только *панегирические эпистолы*, а ее подданным – только *стихотворные письма*. Однако среди эпистолярных стихотворений 40–80-х годов 18 столетия можно встретить большое количество эпистол, адресованных не императрице.

Представляется, что в комплиментарной эпистолярной поэзии, включающей эпистолы и письма, скрывается закономерность, подчиняющая себе выбор автором того или иного жанрового обозначения.

Адресат панегирического стихотворения должен получать эпистолу. Если же, обращаясь к герою, автор упоминает и прославляет императрицу, достижения непосредственного адресата объясняет деятельностью Екатерины II, то стихотворение называется *письмом*. В "Письме к девицам" Сумароков неоднократно отмечает, что российский театр расцветает благодаря Екатерине (императрица "садила сей полезный вертоград", "когда она на троне возблестала, / Покровом муз и вас и славой русской стала").

В "Эпистоле его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому" (1791) Е. Костров писал:

*Суворов! громом Ты крылатым облечен,
И молний тысящью разящих ополчен,
Всегда являешься во блеске новой славы,
Всегда виновник нам торжеств, отрад, забавы!*

Все эти достоинства принадлежат полководцу от природы. Прославляя военачальника, поэт ни разу не обратил внимания на роль императрицы в процессе становления военного гения Суворова. Конечно, воспевая победу русского полководца, автор не может обойти вниманием Екатерину. Однако говоря: "Пред светом *оправдал* Ты дух Екатерины" (курсив мой. – М.Л.), Костров лишь подчеркивает заслуги Суворова, подтвердившего перед всем миром величие русской императрицы. Поэтому главному герою стихотворения адресуется *эпистола*.

Совсем иное мы видим в адресованном А.В. Суворову "Письме" (1789) Д.И. Хвостова.

Как и Костров, автор письма говорит о многочисленных талантах и заслугах полководца:

Не тьмой оружий, не многими полками
Победу лъзя купить, но храбрыми руками.
Чрез твой отличный дар преславный Турков день
Преобразился им в утрюму ночи тень.

Но, в отличие от *эпistolы* Суворову, автору письма важно показать, что все заслуги полководца напрямую связаны с Екатериной, ее образ возвышается над прославленным военачальником. Весь зачин стихотворения посвящен императрице. Сам Суворов изображен как гений, но гений екатерининского века: "К царице верностью, к отечеству любовью / Все почести купил своим раченьем, кровью", или "Увенчан лаврами, любим Екатериной, / Доволен будь своей Суворов ты судьбиной", или "Суворов славный муж, почтенный человек / Россию украшал в Екатеринин век".

Еще отчетливее зависимость гениальности героя от деятельности императрицы прослеживается в "Письме его сиятельству графу Петру Александровичу Румянцову" (1775), написанном В.И. Майковым. В отличие от письма Суворову, автор которого говорит о полководце как человеке, уступающем императрице по значимости, но при этом все-таки сохраняющем некую свободу от монархии, Румянцев в "Письме" рассматривается как креатура Екатерины, создавшей условия для появления гениев. Конечно, "в Румянцове едином сияют Мальборук и купно с Мазарином", но при этом

Румянцов сам с способностью своей
Едва ли бы достичь возмог до славы сей.
Екатерина путь тебе к тому открыла...

Использование этого приема связано не столько с желанием показать, почему мог состояться тот или иной герой, сколько в целях комплиментарных. Императрица может восхваляться не только прямо, но и косвенно, в стихотворных письмах, адресованных ее подданным.

Так, В.П. Петров в "Письме" Г. Орлову пишет, что Россия "Из Спарты пременясь в цветущия Афины, / Гремит днесь именем своей ЕКАТЕРИНЫ".

В "Ежемесячных сочинениях" (1756) помещено панегирическое стихотворное "Письмо к г.В.", объектом воспевания в котором является не адресат, а императрица. Адресат становится лишь средством воспеть Екатерину, а само обращение к "г.В." – риторическим приемом. Автор рассказывает г.В., что

...коль блаженны мы владычицей такою
Что управляет толь премудро свой народ,
Где ни малейших нет мятежей и погод.
Шастливых царств пример есть наше государство,
Она примером глав, помазанных на царство...

(По мнению П.Н. Беркова, это стихотворение принадлежит М.В. Ломоносову. См.: Берков П.Н. "Письмо к г.В." М.В. Ломоносова // Литературное творчество М.В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.-Л., 1962).

Таким образом, Екатерина II может прославляться как в подносимых ей *эпистолах*, так и в *стихотворных письмах*, адресованных ее подданным. Вместе с тем, русская эпистолярная поэзия XVIII века допускает поднесение императрице *панегирических писем*. Эти случаи редки, но не исключительны.

Примером такого рода является "Письмо к Ея Императорскому Величеству Екатерине II Самодержице Всероссийской при переводе Енея, героической поэмы П.В. Марона" (1786) В. Петрова. Несмотря на всю свою комплиментарность, на связь с адресованными императрице "эпистолами", оно имитирует интимную переписку. Поэт заявляет, что его письмо содержит в себе информацию (о переводе "Энея" Вергилия), владеть которой должна в первую очередь Екатерина.

Труд кончан, с песнями Мароновой я лиры
Теку под тень Твоей, Монархиня, порфиры...
Так подвиг я свершив, не ставя той в заслугу,
К Тебе как к лучшему наук священных другу,
Исполнен радости. Монархиня, лечу,
Да мой успех Тебе всех прежде сообщу.
(курсив мой. – МЛ.)

Лишь сам поэт и просвещенная императрица могут оценить всю грандиозность труда переводчика. Автор искусственно выключает из числа читателей "Письма" всех невегласов, не способных понять его творение: "Пусть чем хотят други любуются умы, / Но веселимся сим успехом двое мы".

Вместе с тем, "Письмо" Петрова иллюстрирует и *эпистолярную*

панегирическую систему. Несмотря на адресацию стихотворения императрице, перед нами правильное *комплиментарное письмо*, а не *эпистола*. Как и в уже проанализированных панегирических письмах, Петров прославляет императрицу через голову воспеваемого деятеля. Но, в отличие от традиционных писем, прославляемым объектом является сам автор:

И просвещен Тобой, мне мнится, я постиг
Ту в тонкость тайну, чем быть должен красен стих.
И угождаючи, Богиня, я Тебе,
Храмы славы невзначай отверзу и себе.

Подобно тому, как без Екатерины Румянцев не стал бы великим полководцем, Петров без императрицы не стал бы великим поэтом.

Таким образом, внутри *эпистолярной панегирической поэзии*, произведения которой должны называться *эпистолами*, можно выявить закономерность, объясняющую выбор автором того или иного жанрового наименования (*панегирическая эпистола* подразделяется на собственно *эпистолу* и *письмо*). В. Петров, называя свое оригинальное стихотворение "письмом", противопоставляет его "громким" эпистолам и в то же время вводит его в число панегирических (а значит, "громких") стихотворений. Вместе с тем, стихотворение В. Петрова имеет признаки как "интимного" (рассмотренного на примере эпистолярной поэзии А. Сумарокова), так и ораторского панегирического письма.

НОВЫЕ НАЗВАНИЯ В СТАРОЙ ВЯТКЕ

Т.Н. НИКОЛАЕВА,

литератор, фольклорист,

В.А. КОРШУНКОВ,

кандидат исторических наук

За несколько последних лет улицы наших городов запестрели яркими вывесками с названиями убогих ларьков, крупных фирм и почтенных банков, частных ателье и ресторанов.

Нынешние названия этих новых и чаще всего негосударственных предприятий, порой, не по масштабу их деятельности пышные, иной раз загадочно-ласковые, очень часто совершенно невразумительные, а нередко еще и безграмотные. Эти наименования интересны с самых разных точек зрения – от орфографической до социологической. Очевидно, пора и почтенной науке ономастике обратить на них свое внимание – ведь эти, скажем так, фирмонимы, явно проходят по ее ведомству. Есть у них много общего, вплоть до очевидного пересечения с городскими микротопонимами – с названиями (нередко и неофициальными) городских уголков и районов, улиц и скверов, популярных в народе магазинов и пивных.

От большинства микротопонимов их отличает, пожалуй, не столь прочная привязанность к определенному "топосу" – иная фирма с десяток своих адресов сменить успеет... Да к тому же у одной организации бывает немало филиалов или же ларьков в разных концах города, а то и за его пределами – вывесок повсюду много, а название одно. Так что будем пока в этой связи говорить не о полухулиганско-полусерьезном термине "фирмонимия", а – достаточно условно – о новейшей городской ономастике. Условность проглядывает и в слове "городская" – разумеется, бронекиоск с водкой, жвачкой и английским названием может вырасти и на деревенской почве – в крупном селе, например, но все же большая часть этих крикливых детей перестройки водится в каменных джунглях.

Одному из нас удалось собрать около 1800 таких наименований. Записывались они, главным образом, в городе Кирове (Вятке) и лишь немногие – в районах Кировской области. Сбор материала проходил с сентября 1993 по январь 1995 года и проводился как визуально (увидел – записал), так и по рекламным полосам местных газет. И закончился тогда, когда стало ясно, что уследить за всем этим

буйством красок и разгулом резвого воображения уже не удастся. В перечень попали также названия местных филиалов центральных, иногородних и международных фирм.

Разумеется, иной раз трудно понять, насколько новым является то или другое предприятие, а значит, и его обозначение. К тому же не все ведь советские производственные, торговые, сервисные организации развалились – большинство, поменяв форму собственности, – работают, сменив вывеску. Так, один из крупнейших вятских заводов обрядился в античные одежды: унылый *Электробытприбор* предстал богиней *Вестой*. Поэтому среди собранных здесь названий есть давние, еще советские (если они продолжают существовать), новые наименования старых, реорганизованных предприятий и ультрасовременные клички самых сиюминутных фирм. Так что получившийся в итоге список дает некоторое, хотя и заведомо неполное, представление о состоянии самых разных пластов современной городской ономастики.

Наш город до сих пор зовется Кировым, а не Вяткой. И, судя по всему, сторонники возвращения к настоящему, древнему его имени едва ли преобладают. При такой вот ситуации примечательно, что названий, использующих слово *Вятка* и его производные, больше, чем "кировских", слишком уж официальных и скучноватых. Многие из них, видимо, существуют еще с советских времен: *Кировкнига*, *Киров-краска*, *Кировкурорт*, *Кировснабсервис*, *Кировхлеб*... То ли дело – *Вятский книжник*, *Вятский трактир*, *Вятский патриот*, *Вятка-аттракцион*, *Вятка-лес* и *Вятка-вуд-индастриз*, *Вятка-Нита*, *Вятка-текс* и даже *Вятка-Иж-Камасельэлектрострой*!

Любопытно также, что иные названия магазинов – те, которые раньше были неофициальными, уличными, стихийно-народными, теперь перенесены на их вывески, например, бывшие винные магазины *Красный уголок* (вход в него – с угла красно-кирпичного здания) и *Капитанский мостик* (с улицы к двери ведут высокие ступени).

И, конечно, многие названия отсвечивают золотом: *Золотая лента*, *Золотая осень*, *Золотой вексель*, *Золотой поток*. Но не все то золото, что блестит. Блеска вообще хватает. Вот *Блик-100* и еще получше – *Блещающий мир*.

Казалось бы, название – визитная карточка всякой организации и потому оно должно быть не только по возможности изящным, удобо-произносимым, но и в первую очередь информативным – чтобы сразу можно было представить хотя бы в самых общих чертах, чем фирма занимается. Однако ясные указания на сферу деятельности предприятия встречаются не так уж и часто. В списке преобладают все эти таинственные *Сигма*, *Скат 5с*, *Сириус*, *Скона*, *Сokol*, *Солид*, *Сонар*, *Союз* и им подобные. Можно догадываться, что некоторые из них представляют собой аббревиатуры, образованные двумя или несколькими

исходными словами: *Сотос, Спринн, Стадекс, Строн...* Нередки и аббревиатуры очевидные: *СК, СОАФ, СОПКО, СФИ, СЭФ...* Если сокращаемые слова – не имена-фамилии владельцев, то они, возможно, и несут какую-то информацию о преобладающем направлении деловых интересов. Ясно, что *Ремчас* – это "ремонт часов". А что такое *Сеарт*? Неужели "искусство Севера?!" Или же просто "Сева Артамонов"? В любом случае ясно, что имеющиеся в такого рода наименованиях сведения о деятельности фирмы как бы зашифрованы, затенены, скрыты от широкой публики.

Отчасти это объясняется тем, что наши бизнесмены обращают куда больше внимания не на смысловое содержание, а на само звучание, на "изящество" формы. Или, точнее, на то, что они считают изяществом. Принцип "сделайте мне красиво" явно первенствует над всеми прочими при выборе наименования. Раньше, в советские времена, бытовала такая народная примета: если предприятие называется вычурно, красиво и непонятно (*Алмаз, Гранит, Топаз, Сапфир, Протон*), то это какой-то "почтовый ящик". Теперь подобные названия вполне заурядны и красуются на тысячах торговых ларьков-скворечников, а фантазия коммерсантов рождает все более и более причудливые обозначения.

Неконкретность, неопределенность большинства теперешних названий, отсутствие ясного указания на сферу деятельности прежде всего, очевидно, отражает неопределенность и хаотичность деловой жизни в наши дни, когда почти невозможна узкая специализация на достаточно долгий срок. В досоветскую эпоху это было не так, что и отразилось в расхожей фразе: "Чай Высоцкого, сахар Бродского...". Продолжим общеизвестный ряд: *Путиловский завод, Елисеевский магазин, булочная Филиппова, текстильная фабрика Морозова...* – определенность старых названий подкреплялась, как правило, фамилией владельца. Во всяком случае, именно так, в неразрывной связи с фамилией, обычно воспринималось окружающими людьми название предприятия. И сейчас на Вятке можно встретить похожие наименования: *Перминов; Хрусталев и Ко; Корпорация Артура Крундышева; Крестьянское хозяйство Ладыгина; Зянкин и Мальва* – но их мало, это исключение из общего ряда. Конечно, среди современных заводов и магазинов множество таких, у которых попросту нет одного-единственного хозяина. И все же складывается впечатление, что и полноправные владельцы-частники не очень-то желают афишировать свое честное имя.

Имен-то как раз много, но это в буквальном смысле имена-названия, состоящие из личных имен без фамилий: *Рома, Светлана, Мария, Ирина, Ирена, Вика, Никита, Максим, Римма, Ната, Наташа, Натали...* Есть *Надежда; Надежда-92; Надежда-Элки*. Есть *Виктор; Виктор и Виктор; Victor*. К этим названиям примыкают и такие:

У Алексея; У Володи; У Татьяны, – а они, в свою очередь, по способу наименования походят на совсем уже приятно звучащие: *У нас; У переезда; У двух львов* (имеются в виду каменные львы на старинных воротах); *На бойком месте* – даже жаль, что их так немного. Однако названия, состоящие из личных имен, с точки зрения указания на владельца могут считаться почти анонимными – мало ли Миш да Марин. К тому же женское имя вполне может оказаться именем не самой хозяйки, а любимой девушки, жены, дочери, сестры, тещи или собаки хозяина. Да и *victor* – это вообще-то просто "победитель", так что еще неизвестно, имя ли на вывеске или же обычное иноземное словечко. Может, *надежду* и *викторию* тоже надо писать с маленькой буквы...

Вот и получается, что при неконкретном наименовании да без определенного указания владельца на первое место выходит форма сама по себе – звучность и красота составляющих названия словечек. Так и появляются все эти: *Плоандр, Престиж, Реноме, Сезам, Форвард, Тадж-Махал, Тауэр, Сакура*...

Разумеется, смысл какой-то в большинстве случаев все равно имеется, но логика соответствия смысла и звучания весьма прихотлива. На уже упоминавшемся Электробытприборе производили бытовую технику, например, стиральную машину "Вятка-автомат". Новое название завода – *Веста* – должно было красиво звучать и намекать на то, что этот мифологический персонаж – богиня домашнего очага. Более тонкие ассоциации (работницы Весты – весталки??), очевидно, не замечаются и не учитываются. А крупное государственное предприятие по оказанию бытовых услуг, изменив форму собственности, стало называться *Полиус* – греческое *поли-* (много) присоединили к начальному слогу русского слова *услуги*. Странное словечко *Ивита* (не знаешь даже, как толком прочесть эту вывеску – может, буквы на ней латинские?) – еще одна красота. Хотели называться *Вита*, пошли регистрироваться, там говорят: такое название уже есть у другой фирмы. Тут же решили: а у нас будет еще одна *Вита* – и *Вита*. Получившееся написали слитно – и готово! А неплохо подобранное название медицинской организации *Галан*, в котором просвечивают имя и фамилия (Галина Ануфриева), одновременно намекает на галантное обхождение с пациентами и на античного врача Галена.

Даже по этим примерам видно, что стремление к красиво звучащему названию, при этом желание избежать повторений с уже имеющимися приводит, между прочим, к любопытнейшему феномену – к ориентации на звучно-благородные античные имена и реалии. Парадоксально, но факт: в нашем тихом древнем крас не пользуются спросом названия, ассоциирующиеся с русской стариной. Всего-то навсего – *Берегиня* да *Вотчина*, *Витязь* и *Ладья*, *Теремок* да *Светелка*, *Перун* и *Хорс*, *Русалия* и *Русалка*, *Финист* и *Лучина*. Вот, пожалуй, и всё. На без

малога две тысячи названий – не густо. И то, наверное, разужнай владельцы Берегини получше, что сей персонаж славянского басно-слова – отнюдь не заботливая матушка-хозяйка, как обычно думают, а водяной демон, живущий по берегам рек и довольно-таки зловред-ный, – может, и остереглись бы нечистую силу все поминать. И на этом скудном исконнорусском фоне – прямо-таки фонтан громокияющий античной мифологии и прочих греко-римских словечек. Так и в наши годы столь причудливым образом подтверждается давнее наблюдение, что европейская цивилизация нового времени в переломные моменты своей истории обращается к классической древности, находя в ней лучшие и проверенные формы, идеи, образы. Недаром ведь латинское *classicus* означает "перворазрядный, образцовый". Правда, это похваль-ное намерение в сочетании с невеликой образованностью приводит иной раз к комическому эффекту.

Итак, у нас на Вятке есть свои *Троя* и свой *Гектор*. Видимо, не смущает хозяев, что Троя пала и была разграблена, а ее защитник Гектор был убит в поединке. А еще есть и *Карфаген* – тот самый, который "должен быть разрушен"! И ведь был разрушен... Тот, кото-рый в Африке. Есть и *Колизей*. Кинотеатр Колизей в Вятке издавна существовал, потом его не стало, а несколько лет назад это почтенное имя получил новый городской кинотеатр (это похоже на добрую традицию военно-морского флота сохранять овечные славой имена погибших кораблей). *Колизеем* именуется и магазин. Есть в Вятке и свой *Акрополь*. Хорошо бы им выглядеть посохранный, чем руинам римского амфитеатра и афинского кремля.

Есть, конечно, у нас и боги, покровительствующие бизнесу. Осеняет родные просторы крылышками своих сандалий римский Меркурий. Правда, адаптировавшийся к "нашенским" условиям – *Восточный Мер-курий*. Греческий же его двойник тоже есть, но это тот самый, неве-ровский, Гермес – *Вятка-Гермес*... Тут, кстати, нелишним будет на-помнить, что Гермес ведь не только бог торговли, но и покровитель оккультных наук, тайных махинаций и хитрых операций. Недаром, от его имени произошло слово *герметический*, то есть наглухо закрытый, секретный. Ну а других античных богов и героев развелось на вятских увалах видимо-невидимо: *Амур*, *Аполло-Вятка*, *Арзус*, *Ариадна* (нитка-ми торгуем?..), *Борей*, *Вулкан*, *Вятка-Титан*, *Гелиос*, *Гефест*, *Гея*, *Ди-ана*, *Дионис-Артур*, *Марс*, *Медея* (яды, черная магия, детоубийство?), *Нептун*, *Орфей*, *Нимфа*, *Парис-Либер* (такой вот получился кентавр из малоазиатского героя и итальянского бога), *Пегас*, *Сатурн*, *Селена*, *Сфинкс*, *Фаэтон* (оба последних, как известно, расшиблись при падении с большой высоты...), *Феникс* (неужели регулярно прогорает?..), *Улисс*, *Юпитер* и тут же, конечно, его любовница *Даная*. А именем одной из законных жен Зевса-Юпитера – *Дионы* – названа почему-то баня. Кро-

ме жен и любовниц, Юпитеру полагается бронежилет античного образца – *Эгида*.

В осаждающем древнюю Трою воинстве было, согласно слепому Гомеру, двое Аяксов – Большой и Малый. Вот и у нас имеется просто *Аякс* и таинственный *Аякс-МС*. Есть и *Колосс* – неужели на глиняных ногах?.. А вообще-то раньше недаром говорили: "nomen est omen" – то есть "имя является предзнаменованием". Впрочем, мы уже не раз могли заметить случаи пренебрежения этой мудростью. Зато прямо в точку попал *Плутон* – это кооператив владельцев овощных ям. Чувствуется и зримая точность и даже какое-то гусарство в том, чтобы именовать свои земляные норы в честь грозного бога подземелий и адовых огней. А вообще-то у нас есть и *Олимп* целиком.

Из исторических деятелей отечества в названиях не удалось обнаружить никого, а из знаменитых людей опять-таки античности чести попасть в анналы новейшей вятской ономастики кое-кто удостоился. Ну, римский архитектор *Витрувий* – это понятно, фирма имеет отношение к строительству. Имя полулегендарного поэта-певца *Ариона* звучит тоже вполне благородно. Но зачем было называть свое коммерческое детище именем знаменитого греческого киника (в латинском произношении – циника) *Диогена*?! Он, конечно, философ, но философ-то юродивый – хамоватый, бомжеватый (жил в бочке-пифосе), а главное, – нищий, как уличный пес. От того, собственно, к нему и привязалось это словцо – *киник*, ведь *кион* (родительный падеж – *кинос*) – по-гречески собака.

Но круче всех – отважные люди, которые назвали свой магазин в нашем мирном российском краю неудобопроизносимым для вятского человека именем не слишком известных у нас древнеримских братьев-политиков, смутьянов и популистов. *Гракхи* – это звучит гордо! А еще у нас есть свой *Рубикон*. Не нашелся, правда, пока для него свой Цезарь. В наличии только некий анонимный *Консул*. Может, еще появится? К его услугам наверняка уже закаленный в финансовых битвах *Центурион*. И уже готов *Триумф*. Есть также *Глория* (полатыни – слава) и *Фортуна*, чтобы он пронес свою римскую *Викторию* (или греческую *Нику*) везде – *Passim* (ей-богу, на латыни это значит – повсюду). А для мирных дел может пригодиться и *Кворум*. Заготовлено даже ходовое римское приветствие, пожелание здоровья – *Salve!* Но быстро проходит мирская gloria. Так что есть и *Стикс*.

Для высоколобых любителей античности предназначены, очевидно, *Генезис*, *Логос* и *Эйдос*. Но есть и *Лабиринт* – хорошо хоть без Минотавра. А еще у нас есть *Спарта*, а также *Спарта* и *Ко*. А вот и *Эврика* – неужели она расположена где-нибудь на заколдобистой окраине, куда надо долго добираться по темным переулкам, чтобы наконец воскликнуть сакраментальное "Нашел!". А может, там торгуют архи-

медовыми ваннами и прочей сантехникой? Есть в наших палестинах просто *Атлант* и еще *Атлант-торг*. Хотя торг, который вел Атлант с Гераклом о том, кому из них небо на плечах держать, закончился не в пользу Атланта. А есть, кстати, и *Атлант-сервис-Эфа!* Вот разве что клуб любителей камня и музеев при нем именуются хотя и по-гречески, но совершенно естественно – *Петрос* (в переводе – камень).

Отдельный сюжет – варварское словцо *Tezej*. Если это имя греческого героя Тезея, победителя того чудовища, которое сидело в лабиринте, то латинскими буквами оно пишется так – *Theseus*.

Вообще латинские литеры коварны, лучше коммерсантам их без крайней надобности не трогать. Пусть себе пишут иностранные слова кириллицей, так-то оно надежнее будет. Вот и примеры тому уже имеются: *Боди* (тело, между прочим...); *Вест-Зыкин* (этот Зыкин, наверное, западник); *Суперэго* (по-латински – сверх-я, но, кстати, можно обнаружить и более скромное: просто *Эго*); *Хэлл* (так по-английски зовут на помощь). Ну зачем офранцузенное имя *Серж* писать по-вятски латинскими буквами – *Serzh*? А то ведь когда только расшифруешь и сообразишь, наконец, что Серега так пока и не освоил еще язык Вольтера и Фантомаса... И вот тоже задачка по лингвистике: какому иностранному языку учили в школе ту Катю – ту, которая *Catusha*? Почти наверняка учили (чему-нибудь и как-нибудь) английскому. А тот, у кого есть любимая *Sabava*, зубрил в школе, наверное, немецкий, но вообще-то языки ему, похоже, не давались... Кстати, среди названий есть и правильно выполненное испанское ругательство – *Caramba*. И еще одно, простенькое такое названьице, без затей – *Super-Shop*.

От суперэго и супермагазина – к суперназваниям, к истинным бриллиантам на вятском ономастическом небосклоне. Есть тут *АБВГДейка*, *Ам-ням*, *Свет-Рассвет*, *Пир-беседа* и мотель *Тихая прохлада*. Есть и наводящий на размышления *Генофонд*. Есть *Без проблем*, как когда-то у *МММ*, не к ночи будь оно помянуто... Есть *Доброжелатель* и кафе *Дымок*. Есть *Кобра* – может всё же речка? Имеется в наших краях речка с таким названием. А еще есть откровенный *Корсар*. И еще – *Кралде-Вятка* и *Оригинал-Шумских* (вроде переписано правильно...) Имеется автостоянка *Крытая* (вообще-то *крытой* уголовники на своем жаргоне тюрьму называют). А заодно и *Дело двух товарищей* (тех, что "шли на дело", тоже, помнится, было двое). Есть свое, не заморское, космическое агентство – *НАСА*. На почетном месте – загадочные, под стать вятской душе, *Киянусь* и *Киров-Лэкай*. Есть ларек *Гамлет!!* И придумал ведь кто-то и такое – *Аутсайдер!* Интересно также, какая *Мадонна* имеется в виду, – та, что "чистейшей прелести чистейший образец" или же та, с которой "в постели"? Короче, что там, в *Мадонне* – живопись или бюстгалтеры? А что продается в магазине

Казанова?.. Чем-то раннесоветским, маяковским, веет от "торговли с иностранцами" – именно так должен расшифровываться вятский *Торгсин*. А чем же занимается *Герасим*, если фирма *Муму* в нашем перечне отсутствует? Зато есть у нас и ласковое *Л. Левушка*, и двусмысленное *Руст* – в память о "нахальном авиакуренке" Матигасе?.. Имеется также *Батыр-Гарифуллин* и *Хан-Хлынов-инк*. И *Макс-недвижимость*. И просто *А*. Можно встретить *Пустячок* и *Пятачок*, *Коралл* и *Корал*, *Шалун* и *Нулевик*... Но самое необычайное на столь колоритном фоне – товарищество с ограниченной ответственностью *Трудовое*. Есть, знаете ли, в этом названии что-то такое, за душу берущее...

Возможно, интересными были бы результаты изучения и сравнения названий различных видов фирм и учреждений – каждого наособицу. Любопытно было бы и сравнить соотношение латиницы и кириллицы, иноязычных и русских наименований. Определить сходства и различия названий в разных уголках России, в столице и в провинции, или же сравнить нашу городскую ономастику с евро-американской и азиатской. Заняться изучением словесного камуфляжа и мимикрии – тех способов, с помощью которых фирмы самими своими названиями намекают на собственную внушительность, надежность и вселенский размах своей деятельности. Обращают также на себя внимание и способы словообразования в нынешних наименованиях. Так, все чаще вместо соответствующих законам русского языка словосочетаний вроде предполагаемого *Фонд Горбачева* возникают названия, образованные по типу *Горбачев-фонд*. На вятской земле это воспринимаемые как калька с английского *Вятка-лес*, *Мотор-сервис*. *Тайна-сервис*, *Фортуна-холдинг* и др.

Современные историки умеют извлекать ценнейшую информацию о прошлом из так называемых непреднамеренных свидетельств, и потому дополняют и уточняют сведения, почерпнутые из хроник и мемуаров, анализом, к примеру, терминологии старинных памятников письменности. Должно быть, многое такое, что мы сами сейчас не готовы или не в состоянии сказать о жизни в эту разноголосую эпоху, историки будущего узнают, просматривая сегодняшние газеты, телепрограммы, фотографии и выискивая в них сведения о таких привычных и уже почти не замечаемых нами вывесках на улицах наших городов.

Киров

Топонимика

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ*

Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
доктор филологических наук

Неро. Озеро в Ярославской области, на котором стоит город Ростов Великий. Этимология названия не известна, хотя и существует несколько предположений, в основном, возводящих его к финно-угорскому, точнее, поволжско-финскому материалу. По одной из версий в основе названия марийское *нер* "лик", по другой – мордовское *нерь* "клюв, нос" (Никонов. Краткий топонимический словарь), но обе неубедительны, т.к. не содержат никакой аргументации, кроме внешнего совпадения названия и апеллятивов. Некоторые ученые считают основу *Ner/Nar* балтийской, широко распространенной на балтийских территориях, но не приводят никаких аргументов, кроме перечня нескольких гидронимов. Можно предположить в этом гидрониме поволжско-финский корень *нер* (*нор*, *нар*) со значением "поле", "полевой". В Поочье и на сопредельных территориях известен ряд гидронимов с определе-

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1994. №№ 4–6; 1995. №№ 1–6; 1996. №№ 1–6; 1997. №№ 1–3.

ниями *Лесной–Полевой (польной)*, например, *Лесной Воронеж* и *Польной Воронеж*, а в отдельных случаях определению *Лесной* соответствует *Нор (Нару)*: реки *Лесной Тамбов* и *Нару–Тамбов* в бассейне Цны (Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки). Известны и чисто мордовские "полевые" гидронимы, например, реки *Норляй* (дважды), *Норнатма*, *Норгалей* – все в бассейне Мокши. Не исключено, что такого же происхождения озеро *Нерское* в верховьях Клязьмы, река *Нерская* в низовьях Москвы-реки.

Нéя. Город в Костромской области (статус города присвоен в 1958 г.). Происхождение названия не ясно. А.И. Попов помещает гидроним *Нея*, по которому назван город, среди древней мерянской и муромской топонимии (Попов. Топонимика древних мерянских и муромских областей).

нэйцы, неец

нэйский, -ая, -ое

Нйва, Нйвки. Названия многих населенных мест в Центральной России. В основе названия общеславянское слово *нива*. В русском языке оно имеет до 30 значений, объединенных общим понятием "земельное угодье". Преимущественно это пашня, удобренное, урожайное поле или росчисть под пашню в лесу. *Нивой* в русских диалектах могут обозначаться луг, лес, и водные угодья, и огород, и то, что растет на лугу и в огороде. Слово это развило и ряд переносных значений (СРНГ. Вып. 21). В роли топонима *нива*, *нивы*, *нивки* могут выступать с определением и без него: деревня *Нивки* (Новгородская обл.), село *Нивное* (Брянская обл.); деревня *Печная Нива*, *Сухая Нива*, *Алешины Нивы*, *Амбарные Нивы* (Ленинградская обл.) и др.

Прилагательное *нйвинский* (-ая, -ое) и *нйвский* (-ая, -ое); при наличии определения оно может включаться в состав прилагательного *сухонйвинский* (-ая, -ое) и *сухонйвский* (-ая, -ое).

Нйжний Ломбóв (1780). Город в Пензенской области. Название дано по реке Ломов (совр. Ломовка). Селение возникло с названием *Ломовская слобода*, *Ломовский посад*. Современное имя города говорит о том, что селение было расположено в нижнем течении реки Ломов и свидетельствует о том, что одновременно существовало и селение Верхний Ломов. Значение гидронима *Ломов* не известно. Если в его основе русский апеллятив *ломовой (ломать)*, то, возможно, он отражает бурный, все ломающий характер течения, но может быть и от диалектного *лом* "болото".

нйжнеломбóвцы, нйжнеломбóвец и ломбóвцы, ломбóвец

нйжнеломбóвский, -ая, -ое

Нйжний Нбóврогòд (1221)*. Город, центр Нижегородской области. Вторая часть названия говорит о том, что это новый город, а первая – уточняет, какой именно новый, т.к. к этому времени существовал уже

Новгород Великий. *Нижним* он назван, видимо, потому, что находился на территории, которая по отношению к Новгородским землям была расположена ниже по течению Волги и Оки и называлась "*низовой*", *Низом*. Писатель П.И. Мельников выдвинул предположение о том, что город был назван *Нижним* потому, что был воздвигнут в 1221 году ниже по Оке по отношению к уже существовавшему "старому" городу, который был разрушен оползнем. Эта версия опровергается летописными данными. *Новгородом* он назывался по отношению к уже существующим вокруг поселениям к началу возведения кремля в 1221 году, а *Нижним* впервые назван спустя несколько лет – в 1305 по отношению к Великому Новгороду (Кучкин В.А. Горький – Нижний Новгород // Русская речь. 1973. № 1). С 1932 по 1990 годы город носил имя *Горький* в честь русского советского писателя А.М. Горького (1868–1936), уроженца Нижнего Новгорода. Неофициальная форма – *Нижний*.

нижегородцы, нижегородец, нижегородка; *устар.* нижгородцы, нижгородец, нижгородка; *устар.* горьковчане, горьковчанин, горьковчанка

нижегородский, -ая, -ое; *устар.* горьковский, -ая, -ое

Нижегородцы – не уроды. Имеют приятную внешность.

Нижегородцы – водохлебы. Любят пить чай.

Воды много, а почерпнуть нечего. Так говорят о Нижнем Новгороде, имея в виду то обстоятельство, что город стоит на горе при слиянии Волги и Оки.

Мы бы (нижегородцы) не собрались да не встали, так вы бы поганую землю носом копали. Речь идет о том, что именно в Нижнем Кузьма Минин и князь Пожарский собрали народное ополчение против Лжедмитрия в начале XVII века.

Нижний Урледим. Татарское село в Мордовии. По сведениям И.К. Инжеватова, в актовом документе 1706 года оно называется деревня *Урля* на речке Шини-Урлей (Урля). *Шини* "тухая, застойная вода"; *лей* "речка", т.е. деревня на тухлой, застойной речке. Известен и вариант *Нижний Урлюдим* (XIX в.). *Нижний* значит расположенный в нижнем течении реки Урледим, есть еще село *Верхний Урледим* в верхнем течении этой реки.

нижнеурледимцы, нижнеурледимец и урледимцы, урледимец

нижнеурледимский, -ая, -ое и урледимский, -ая, -ое

Низовка (Ало веле). Эрзянское село в Мордовии. Другие названия – *Нижнее, Архангельское* (XIX в.), *Низовка* и *Нижнее* – по расположению села в нижнем течении реки Нуя; *Архангельское* – по названию сельской церкви.

низбвцы, низбвец

низбвский, -ая, -ое

Никблогоры. Рабочий поселок во Владимирской области, сформир-

ровался в 1938 году. В названии можно видеть сложносоставное слово. Первая часть его – антропоним *Никола* (*Никол-*), вторую часть можно рассматривать как географический термин *горы*. В то же время *-гор* может представлять собой видоизмененное на русской почве финно-язычное слово *явр* (известное в данном регионе как *-ягр*, *-гра*, *-хра*, *-гор* и др.) в значении "озеро".

никблогóрцы, никблогóрец

никóлогóрский, *-ая*, *-ое*

Никóльск (1954). Город в Пензенской области. Название дано по церкви Николы Чудотворца, воздвигнутой в этом селе. Более раннее название – *Никольская Пестровка*. *Пестровкой* можно называть что-л. пестрое, полосатое. Возможно, это была местность с разнообразной, пестрой растительностью, или сильно пересеченная оврагами, что создавало впечатление пестроты, полосатости.

никóльча́не, никóльча́нин, никóльча́нка и никóльцы, никóлец

никóльский, *-ая*, *-ое*

Но́вая Дерга́новка (Од Терья́н). Деревня в Мордовии. Более раннее название *Дергановский выселок*. Основана после реформы 1861 года переселенцами из деревни Старая Дергановка (Сире Терган). И.К. Инжеватов связывает это название с архаическим мордовским словом *терья́* "зыбкое, топкое место" (Инжеватов. Топонимический словарь Мордовской АССР).

Но́вая Ла́дога (1704). Город в Ленинградской области. Название вторично по отношению к *Старой Ладоге* (Ладоге), городу, расположенному при впадении реки Ладожки (Ладоги) в реку Волхов. Населенный пункт Ладога получил свое название по реке, что довольно часто встречается на территории центральных областей России. Это обстоятельство делает неубедительным предположение о происхождении топонима *Ладога* от названия Ладожского озера (от фин. *aalto*, *aaldo* "волна", т.е. бурное, волнующееся, покрытое волнами). В основе названия исследователи видят прибалтийско-финский или саамский апеллятив. Наиболее убедительно предположение А.И. Попова, который соотносит этот гидроним с прибалтийско-финским **Ala-djoji* – Нижняя речка, т.е. впадающая в Волхов в его нижнем течении (Попов. Следы времен минувших). См. *Ладожское озеро*.

новола́дожцы, новола́дожец и ладожа́не, ладожа́нин, ладожа́нка

новола́дожский, *-ая*, *-ое*

Но́вая Муравье́вка (Мура́й Веле, Кельме По́ра). Мокшанское село в Мордовии. Основано переселенцами из села *Старая Муравье́вка*, находящегося поблизости. Более ранняя форма названия *Новая Муравевка* и *Старая Муравевка*. В основе второй части – *Муравевка* лежит мужское дохристианское мордовское имя *Мурай*, известное в русских документах XVII–XVIII вв. Название *Кельме По́ра* И.К. Инжеватов

соотносит с мордовским *кельме пора* "прохладное урочище", видимо, сырое, изобилующее родниками (Инжсватов. Указ. соч.).

Новгород (859)*. Город, центр Новгородской области. Древние формы названия: *Новъгородъ, Великъи Новъгородъ, Новый город* и др. Новые исследования позволяют видеть более раннюю дату образования города – VI век (Нерознак. Названия древнерусских городов). Название прозрачно: *Новъ* "новый", *город* "укрепленное поселение, город". Большие сомнения и споры вызывает признак номинации, причина, по которому он был назван *Новым*. По одной версии – *Новый* по отношению к какому-то другому городу, например, к Старой Руссе, но, как считают исследователи, в древности она называлась Русса, а Старой стала значительно позже, когда появилась Новая Русса (совр. населенный пункт на юго-востоке Новгородской обл. на реке Пола). По другой версии, *Новым* он называется потому, что был новым, только что построенным по отношению ко всем другим (Попов. Указ. соч.). По третьей версии, наиболее популярной, *Новым* он был назван потому, что рядом уже был город на берегу озера Ильмень – современный Городище, известный в летописях под 1195 годом записи. В связи с тем, что Городище часто затопляется весенними паводками, вероятно, он был перенесен на новое, более безопасное место и был назван *Новым* (вновь основанным). Практика перенесения городов на новое место была известна в Древней Руси: город Рязань (после разорения Батыем), город Клещин на озере Плещеево (после пожара) и др. Не исключено, что город получил название *Новый* потому, что был построен по-новому, не как большинство древнерусских городов – центр, кремль и посады, а центр, кремль и концы, улицы (Горбаневский М.В., Дукельский В.Ю. *Господин Великий Новгород // Русская речь*. 1984. №№ 2–3).

новгородѣдцы, новгородѣц, новгородѣдка, *собир.* новгородѣщина, *устар.* новогорѣдцы, новугорѣдцы, новогорѣдцы, новогородѣанс, новогороднянс, новогорожане и др.

новгородѣдский, -ая, -ое

Новгородцы – долбѣжники. *Упрям как новгородец*. Речь идет о важной черте характера новгородцев – упрямстве.

Новгород отец, Киев – мать. О древности и важности этих городов в Древней Руси.

Новгород, Новгород, а постарше старого. По возрасту – самый старый (859 г.), а по названию – новый.

Новгородец косит, а топор за поясом носит. Имется в виду особенность сенокосных угодий этих мест, как правило, зарастающих кустарником, который надо вырубать топором, чтобы скосить траву.

Продолжение следует

Топонимика

К 850-летию Москвы

Теплый Стан

*М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
доктор филологических наук*

Наименование улицы *Теплый Стан*, образованное в 1972 году, дало вторую жизнь интересному, ценному и запоминающемуся русскому географическому названию. Его носила в старину бывшая подмосковная деревня, точнее – целая группа поселений с центром в селе Троицкое.

У меня дома хранится увеличенная фотокопия географической карты 1763 года, носящей колоритное название "План царствующаго Града

Москвы с показанием лежащих мест на Тритцать верст в округ", один из лучших образцов отечественной картографии середины XVIII века. Картой этой я нередко с удовольствием пользуюсь в своих экскурсиях в прошлое столицы. Калужская дорога, показанная на карте, проходила в интересующем нас месте Подмосковья как раз между селом Троицким, верховьем речки Сосенки, деревней Голубино, верховьем речки Битцы (в старину ее именовали немного по-иному – *Абитца*; об истории этого гидронима "Русская речь" писала в 1980 году). Здесь показаны два населенных пункта – *Верхние Теплые станы* и *Теплые станы*. Обратите внимание, что картограф использовал строчную букву в слове *станы*, поскольку в ту пору термин *стан* для него был и понятен, и употребителен в устной речи именно как нарицательное слово – в отличие от нас, современных москвичей...

С загадкой топонима *Теплый Стан* – его происхождения и смысла – специалисты, к сожалению, пока еще не справились. Среди версий об этимологии названия *Теплый Стан* можно выделить четыре наиболее распространенные.

Сторонники первой гипотезы напоминают, что в старину расстояние от Москвы до деревень Верхние Теплые Станы и Нижние Теплые Станы составляло по Калужской дороге около 17 километров, то есть было равно одному конному переходу. Следовательно, путешественникам и ездокам здесь нужно было остановиться, спешиться, накормить лошадей и дать им отдохнуть. Открыв "Толковый словарь живого великорусского языка" В.И. Даля, мы найдем там такие значения слова *стан* и иллюстрации к ним: "*Стан* – место, где путники, дорожные стали, остановились для отдыха, временного пребывания, и все устройство на месте, с повозками, скотом, шатрами или иными угодьями; место стоянки и все устройство. *Стать станом в поле*, обозом, табором. *Стан в отъезде поле*, охотн. сборное место и ночлег. *Военный, ратный стан*, бивак, лагерь {...} *Первый стан государев был в Танинской*, стар. ночлег и роздых {...} *Стан и становище*, стар. {...} станция, селенье, где меняли лошадей (почтовых не было, обывательских, позже ямских), или хуторок на перепутье, нарочно поставленная избушка, для приюта, {...} род постоянного двора, для роздыху и кормежки лошадей". Слово же *Теплый* в названии селения авторы и этой, и практически всех других версий истолковывают как "обустроенный для зимнего жилья, отапливаемый". Примечательно, что до середины XIX века первая после выезда из Москвы почтовая станция по направлению на Калугу была расположена в Теплом Стане.

Согласно второй гипотезе, частично связанной с первой, топоним *Теплый Стан* первоначально относился не к селению, деревне, а к подмосковной заставе, построенной на Калужской дороге, для тех госуда-

ревых людей, которые в этом месте несли караульную службу. Замечу попутно, что пока в архивных документах подтверждений этой гипотезе не обнаружено. Что же касается еще одного значения слова *стан*, наименования административно-территориальной единицы в Русском государстве XIV–XVI веков, то оно к происхождению московского топонима *Теплый Стан*, очевидно, отношения не имеет.

Третья и четвертая гипотезы так или иначе связывают возникновение названия селений *Верхние* и *Нижние Теплые Станы* с ордынским нашествием. Обе они попали в справочник "Имена московских улиц": «...Есть предположение, что это название связано с далеким прошлым: здесь зимовало в утепленных шатрах войско одного из татарских ханов, шедших на Москву. По другой версии, здесь находились поселки "ордынцев", которые обслуживали послов Золотой Орды, на этом месте послы останавливались при въезде в столицу и при выезде из нее». Убедительных документальных свидетельств в пользу этих версий в российских архивах также не обнаружено.

Не стоит сетовать на излишнее обилие гипотез о происхождении того или иного топонима, как в случае с названием *Теплого Стана*. Научный поиск не должен останавливаться, нужны новые идеи, исследования, аргументы.

В наше время *Теплый Стан* – не только имя улицы на юго-западе столицы, своеобразная хордовая магистраль в огромном "спальном районе", но и название всего большого жилого массива. Он раскинулся на территории между МКАД, Ленинским проспектом, улицами Островетянова и Профсоюзной. Глядя на карту этой части Москвы, порой трудно даже представить себе, что когда-то здесь были лишь листовенные рощи, сосновые леса, многочисленные овраги, балки, холмы и стояли три деревни Верхние Теплые Станы, Нижние Теплые Станы и Починок Теплого Стана, бывшие выселки, носившие второе название, – Кузнецы. Все они, как тогда было принято говорить, "тянули" (то есть относились) к селу Троицкому – с Троицкой церковью конца XVII века, старинной усадьбой, прудами и парком. Впервые же название селения *Теплые Станы* было упомянуто еще в духовной грамоте Ивана Калиты; считается, что среди подмосковных княжеских вотчин здешние земли ценились весьма высоко.

Московские краеведы, например Л.Е. Колодный и Н.М. Молева, занимаясь историей Теплого Стана, провели немало успешных разысканий. Они и их коллеги установили, что в разное время владельцами теплостанских вотчин были: Иван Калита и его наследники; московский служилый дворянин Максим Стрешнев (при нем в архивных документах начала XVII века упоминается "пустошь Возцы, Теплые Станы тож"); стольник Тимофей Измайлов; царский сокольничий и глава Стрелецкого

приказа, фаворит царевны Софьи Алексеевны Федор Шакловитый; думный дьяк, богач Автоном Иванов; печально известная своим жестоким обращением с крепостными крестьянами помещица Дарья Салтыкова; племянница Грибоедова Анастасия Устинова (в девичестве – Римская-Корсакова); генерал-губернатор Москвы Вельяминов-Зернов; знаменитый московский врач Петр Аш и другие известные персонажи российской истории.

Владела селом Троицким с Теплыми Станами и Беляевым и семья Тютчевых. В юности и в пору студенчества будущий выдающийся поэт Федор Иванович Тютчев летние месяцы проводил в Теплом Стане, где прекрасно отдыхал и страстно полюбил неброскую красоту средней полосы России. Среди интересных дневниковых записей учителя Федора Тютчева, которым был С. Раич, есть и такая: "...Вспоминаю я о тех сладостных часах, когда, бывало, весною и летом, живя в подмосковной, мы вдвоем с Ф.И. выходили из дому, запасались Горацием, Вергилием или кем-нибудь из отечественных писателей и, усевшись в роще, на холмике, углублялись в чтение..."

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло.

Строки эти Федор Иванович Тютчев написал более полутора веков назад, в 1829 году. Он оказался прав лишь отчасти: с неумолимой последовательностью поколения москвичей сменяли и будут сменять друг друга, уступая дорогу "младому племени". Однако жизнь, труд, помыслы наших предков и все многообразное прошлое Москвы не преданы забвению – даже несмотря на недавний семидесятилетний период исторического беспамятства. Жизнь, слава Богу, убедительно доказала: чем лучше мы знаем свою историю и культуру, тем мудрее, богаче и свободнее становимся...

Географическое название *Теплый Стан*, помимо улицы, перешло, как это часто происходит, и в ряд других официально существующих собственных имен, в частности, в наименования *Теплостанской возвышенности*, станции метро "*Теплый Стан*", муниципального округа "*Теплый Стан*" (в Юго-Западном административном округе Москвы).

Теплый Стан – самое высокое место Москвы: эта возвышенность достигает 253 метров в районе бывшей усадьбы "Узкое" и начала улицы Теплый Стан. Что же касается уровня Москвы-реки, то Теплостанская возвышенность превышает его на 130 метров.

ПЕРСОНАЖИ УХОДЯТ ИЗ БАСНИ

Истоки современного анекдота

О.А. ЧИРКОВА

Переход героев из одного жанра в другой всегда сопровождается любопытными метаморфозами. Подтверждением этого явилась, в частности, недавняя статья Д.Н. Медриша "Персонажи приходят в басню. Заметки о двух баснях И.А. Крылова" (Русская речь. 1995. № 6). Мы же хотим рассказать о том, как персонажи уходят – из басни в анекдот. Обратимся к примерам. В одном анекдоте действуют выходцы из крыловской басни "Стрекоза и Муравей", в трёх других – герои "Вороны и Лисицы":

1.

«Муравей тащит по лесу бревно. Навстречу модно одетая Стрекоза.

– Зачем тебе бревно, Муравей?

– Да вот у избы венцы прогнили, надо менять. А ты куда?

– В танцбар.

Встречаются они во второй раз. Тащит Муравей на себе оконные переплёты и дверные коробки.

– Зачем тебе окна и двери? – спрашивает Стрекоза.

– Да прогнили старые в избе. А ты куда на "Жигулях"?

– На кинофестиваль.

В третий раз встречаются. Муравей тащит кровельное железо и шифер.

– Куда тащишь? – спрашивает Стрекоза.

– Да у избы кровля сгнила... А ты куда на "Мерседесе"?

– Еду на литературный симпозиум.

– Я тебя очень прошу, Стрекоза, встретишь там этого старого чудака-баснописца Крылова, скажи ему, что я и подобные мне начали его басен и теперь всю жизнь только и делаем, что трудимся» (Анекдот. Малоярославец-Можайск, 1994. Вып. 7. С. 12).

2.

"Ворона сидит на суку, сыр в зубах держит.

Лиса к ней подходит:

– Ворона, ты месяц назад на субботнике была?

– Угу.

– А на позапрошлой неделе?

– Угу.

– А на той неделе?

– Угу.

– Ну, смотри. На этой неделе – опять субботник...

– Ка-ак?" (Пушкарёва О.В. Пародирование как способ сюжетно-композиционной организации анекдота // Филологические науки. 1996. № 2. С. 38–39).

3.

"Ворона с сыром сидит на дереве, а внизу Лиса. И говорит:

– Михаил Сергеевич в Китай с Раисой Максимовной ездил.

Ворона утвердительно кивает: да, так.

– Он и во Францию с собой её брал.

Ворона снова кивает.

– А вот в Америку не собирается брать Раису Максимовну.

Ворона как закричала:

– Кар-р!?

Сыр выпал" (Текст из личного архива автора статьи; запись 1995 г.).

4.

"Трое алкоголиков собрались выпить в парке, а закуски нет. И тут на дерево садится ворона с сыром в клюве.

Они и спрашивают:

– Ворона, будешь пить?

– Кар-р! Да! – воскликнула ворона.

Сыр выпал.

На другой день та же сцена, те же алкаши и ворона.

– Ну уж нет, – думает ворона, – не поддамся.

– Ворона, выпьешь?

Молчание.

– Ворона, ты с горла или в стакан налить?

– Кар-р! С гор-ла! – не выдержала ворона.

Сыр, естественно, выпал.

На третий день ворона с твёрдым намерением не открывать клюва усаживается опять на дерево. В парке те же алкоголики.

– Ворона, пить будешь?

Молчание.

– Ты с горла или в стакан налить?

Ни звука в ответ.

– Да она же пьяная, – говорит алкоголик.

– А ты мне наливал? – каркнула ворона" (Салат для интеллекта // Субботняя газета. Курган. 1992).

Весьма показательно, что в смеховое поле анекдота попали именно эти басни: они не просто знакомы каждому с детства, но были экранизированы. Проявила себя одна из закономерностей анекдотного эпоса: в качестве действующих лиц избираются персонажи, уже давно известные литературной и фольклорной традиции или "растиражирован-

ные" средствами массовой коммуникации (анекдоты о Штирлице, Чапкове и др.). Нередко по такой же схеме происходит и отбор сюжетов.

Сама басенная форма оказалась очень близкой анекдоту. Зрелищность, компактность, однособытийность изображаемого, лапидарный и афористичный язык характерны для обоих жанров. Их объединяет и смеховое начало: наставление басни и противоположное общепринятым представлениям суждение анекдота реализуются через комизм ситуации. Парадоксальный финал анекдота не совпадает по смыслу с его зачином, противоречит привычной, "нормальной" логике. То же можно сказать и о басне. По мнению Е.А. Костюхина, этот литературный жанр неловко справляется со своим назначением – "утверждением моральных истин", поскольку "реальное содержание басни не адекватно предпосылаемому" (Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 170). Нечто похожее мы встречаем и в анекдоте. В.П. Рудневым отмечена следующая особенность: когда анекдот рассказывается "кстати", "со стороны кажется, что это совсем нестати. И лишь потом, да и то не всегда, выясняется глубинная связь прагматического задания с содержанием анекдота" (Руднев В. Прагматика анекдота // Даугава. 1990. № 6. С. 100).

Вероятно, именно такое сходство структуры и художественно-эстетических задач предопределило использование анекдотом басенных сюжетов, а также то, что вхождение басни в систему фольклорного жанра не повлекло за собой существенных переделок сюжетных ходов, типов взаимоотношений персонажей. Совершенно устраняется или пародируется только мораль.

В упоминавшейся статье Д.Н. Медриша была обоснована типологическая взаимосвязь героев сказочного эпоса и двух басен Крылова – "Лебедь, Щука и Рак" и "Квартет". По мнению автора, персонажи, "перемещённые" из сказки в басню, попадая в иные условия, обретают новые функции. Например, если в волшебной сказке Лебедь, Щука и Рак совместно совершают чудеса, то басня демонстрирует их полную неспособность действовать сообща.

В анекдоте мы имеем дело уже не с типологическим тождеством, а с прямым заимствованием, которое распространяется не только на группу персонажей, но и на весь басенный сюжет. При этом используемый анекдотом сюжет не абстрагируется от первоисточника, а, наоборот, в целях создания комической двойственности, всячески упрочивает с ним связь, иногда даже прямо к нему апеллирует (слова Муравья по поводу басен Крылова в примере № 1).

При создании анекдотной миниатюры басенный материал, как мы видим из приведённых примеров, претерпевает ряд содержательных и композиционных видоизменений. Во-первых, в соответствии с устно-поэтической традицией вводятся развёрнутые диалоги, активно исполь-

зуется приём троекратного повтора в развитии действия (событие растягивается на три дня – пример № 4), три встречи (пример № 1), три попытки (примеры № 2, 3).

Во-вторых, исходные сюжеты приобретают актуальность или – шире – вообще связь со сферой бытовых, политических, мировоззренческих и других видов человеческих отношений. Мотивы поступков басенных персонажей соотнобразуются с людской логикой: лезть – тщеславие, безделье – трудолюбие. Животные и насекомые разговаривают, а Стрекоза и Муравей даже приходятся друг другу кумовьями. И всё же в басне присутствие человека не столь сильно и всеохватно, как в анекдоте.

Анекдот максимально сближает, ассимилирует мир животных и мир людей. Сюжет строится на конкретных фактах и явлениях действительности. В текст включаются приметы дня сегодняшнего, "реальные" вещные атрибуты (у Муравья имеется изба, Стрекоза ездит на машинах), персонажи ведут вполне "человеческий" образ жизни (Ворона непрочь выпить, интересуется политикой, ходит на субботники, Стрекоза посещает танцбар).

Необходимо отметить, что вариант о Вороне и алкоголиках (пример № 4) несколько отличается от остальных представленных нами текстов. Он как бы замкнут на себе, не имеет непосредственного, связанного с какой-либо острой проблемой, выхода в реальность. Алкоголизм вовсе не осмеивается анекдотом. Комизм же ситуации в том, что персонажу присвоено качество, совершенно чуждое ему в действительности: Ворона – пьяница. Лишённая "актуальности", эта миниатюра как бы возвращается к исходной басенной модели, манера изображения и подача содержания в ней гораздо ближе к сказочным, чем в остальных вариантах.

Можно сказать, что анекдот не столько строит, сколько достраивает, не рисует, а перекрашивает. Жанр использует по преимуществу уже готовый материал, для начала складывая его в разноцветную мозаику, из которой впоследствии возникают всё новые и новые миниатюры-интерпретации.

Одна из основных функций жанра – коммуникативная. По нашему мнению, сюжеты и эпизоды некоторых произведений фольклора и литературы (известных сказок, басен, былин, романов и т.д.), а также кинокартин, мультфильмов, телепрограмм, избираемые анекдотом в качестве материала для своей переработки, нередко выполняют в рамках жанра роль клише. То есть, эти произведения (в нашем случае – басни) представляют собой удобные формы для закладки нового содержания, в пределах и посредством которых передаётся мнение социума или идёт переосмысление существующих представлений, связанное с познавательной сферой.

Ориентация анекдота на конкретный художественный текст с целью его клиширования проявляется не только в дублировании сюжетной конструкции, но и в сохранении и упрочении функций действующих лиц, заданных басней. В анекдоте, как и в басне, Муравей работает, а Стрекоза бездельничает; произнесение антиморали также поручено Муравью. То же постоянство поступков наблюдается и в анекдотах, переиначивающих басню "Ворона и Лисица": попытка персонажа-хитреца заполучить лакомый кусок у его владельца.

По мысли О.В. Пушкарёвой, "исходный сюжет... может служить для анекдота как объектом пародии, так и средством создания травестии" (Пушкарёва О.В. Пародирование как способ сюжетно-композиционной организации анекдота // Филологические науки. 1996. № 2. С. 41).

На наш взгляд, травестийная основа текста, высокая степень клишированности сюжета обуславливают свободу наделения персонажей различными характеристиками. В анекдоте у Вороны появляются новые качества, которых не знает басня: она любит выпить, ходит на субботник, интересуется политикой. Пародия предполагает не замену качеств на новые, а активное использование уже имеющихся. Тема бездельничанья Стрекозы получает дальнейшее развитие в анекдоте: Стрекоза модно одета, посещает танцбар, кинофестиваль, литературный симпозиум. Если вначале она ходит пешком, то затем ездит на "Жигулях", "Мерседесе". У Муравья появляется изба, которая постоянно разрушается. Муравей затрачивает всё больше сил и средств на её ремонт.

Такая детализация, доведение до крайней точки свойств характера действующих лиц осуществляется с помощью приёма градации: Муравей живёт всё хуже и хуже, а Стрекоза процветает. Градация здесь – не только средство создания контраста, но и условие изменения басенного морали.

Трафаретность сюжета приводит к разного рода отступлениям от изложения произведения-первоисточника. Имеются варианты, в которых Ворона поочерёдно держит в клюве сыр, колбасу, пирог (то есть важно само наличие предмета притязания). В примере № 4 на месте Лисы оказываются алкоголики (главное – само присутствие персонажа-хитреца). Изменяется ключевой содержательный момент басни: способ выманивания сыра у Вороны.

Безусловно, варианты о Вороне и Лисе – травестийного образца, поскольку в них сообщение только передаётся посредством клишированного сюжета. Текст о Стрекозе и Муравье – пародия, так как в нём подвергается переосмыслению сам смысл литературного прототипа. Анекдоты-травестии намного меньше варьируют сюжет первоисточника, чем анекдоты-пародии.

Устная миниатюра по мотивам басни "Стрекоза и Муравей" заим-

ствуется из произведения-оригинала не только конфликт, но и ход действия, и мораль. В её переосмыслении – смеховой стержень миниатюры. Придя в столкновение с современной действительностью, прежняя мораль становится объектом полемики, превращаясь под конец в форму невозможного.

Иными словами, в морали басни представлено то, *как должно быть*, в анекдоте – то, *как часто бывает на самом деле*. Такое разграничение вполне естественно, поскольку литература, постигая мир и человека, углубляется в виртуальные, идеальные области бытийной сферы, анекдот же стремится приблизить объекты своего осмысления к нам вплотную. По убеждению М.М. Бахтина, последнее составляет специфику смехового освоения мира (Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 466).

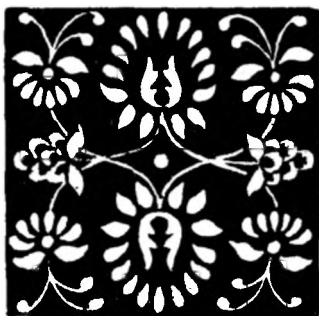
Анекдот о Стрекозе и Муравье не сохранил прежней басенной аллегоричности, но приобрёл новую, поэтому для него остаётся важным оценочный критерий, который значим и для анекдотической ситуации, и для персонажей. Герои оцениваются по-иному: Стрекоза становится объектом подражания, а Муравей – осуждения. Возникшая анекдотическая ситуация приводит к переосмыслению басенной морали. Срабатывает принцип обратной проекции, столь характерной для мира смеховой культуры.

Басенный сюжет о Вороне и Лисице также претерпевает изменения – оцениваются уже не герои и обстоятельства, а реалии нашего недавнего прошлого и повседневности.

В центре внимания оказываются поступки действующих лиц и басенный конфликт: герой-хитрец (Лиса, алкоголики) пытается сыграть на чувствах персонажа-глупца (Вороны), держателя вождельного сыра. Если в басне слабость Вороны – страсть к похвалам, то в анекдоте Ворону больше всего волнует текущая политика, разговор о субботнике, возможность выпить. Способы же выманивания сыра в басне и анекдоте в принципе одинаковы.

Возможно, смеховой жанр потому так эксплуатирует этот басенный сюжет, что "в анекдоте интерес переносится с фактической на психологическую достоверность события" (Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. М., 1990. С. 5). Сходным образом в миниатюре о Стрекозе и Муравье звучит не привычный этический, а психологический мотив – это ближе современному мировоззрению.

Так ведут себя персонажи, переместившись из басни в анекдот. Как видим, они значительно изменяются в новой среде, но не забывают о своём происхождении.

Маргарин – брат перловки

А. Н. ШУСТОВ

При определении языка-первоисточника старейшего русского слова *жемчуг* многие этимологи проявляют колебания, отдавая предпочтение тюркизмам. Действительно, отыскать корень в многовековых лингвистических напластованиях непросто! Истории этого слова посвящено несколько солидных работ, в которых в качестве исходного называется китайский язык (Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. М., 1966. Т. XXV. Вып. 1. [статья И.Г. Добродомова]; Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979; Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". Л., 1967. Вып. 2. Неквалифицированные и путанные [с лингвистической точки зрения] сведения, приводимые в специальных геолого-минералогических изданиях, оставляем без внимания).

Еще в 1903 году русский филолог Ф.Е. Корш предполагал, что китайское заимствование "едва ли может подлежать спору". Позже со ссылкой на Ф. Хирта эту версию поддержал германский ученый К.Г. Менгес (1951 г., русск. перевод 1979 г.). Писал об этом и Ф.П. Филин: "Первоисточником считают китайское *tschön-tschiu* – "настоящий жемчуг" (Образование языка восточных славян. М.–Л., 1962).

Неуверенность лексикографов, по нашему мнению, совершенно необоснованна. В подкрепление китайского происхождения слова *жемчуг* можно высказать следующие дополнительные соображения.

Если вспомнить ареалы распространения моллюсков-жемчужниц и места их добычи несколько тысячелетий назад, то легко убедиться, что эта добыча была сосредоточена на побережьях теплых морей и заливов Азии, омывающих Персию, Индийский полуостров, юг Китая... Тюркские же народы искони были континентальными и сами жемчуг не добывали. В качестве украшения жемчуг употреблялся состоятельными людьми разных стран более шести тысячелетий назад. Жители северных провинций (царств) Китая покупали его у своих южных земляков еще в V веке до н.э. Уже тогда жемчуг нередко использовался в качестве своеобразной валюты. В конце II века до н.э. циньские правители присоединили к своей империи южные (приморские) территории, которые расплачивались жемчугом в качестве дани и налогов.

В период расцвета циньской и ханьской династий (III–I вв. до н.э.) Китай активно торговал жемчугом не только со своими ближайшими соседями, но и вывозил его по "великому шелковому пути" далеко на Запад: в Северную Индию, Среднюю Азию и далее, через "буферный" Тюркский каганат, – на Средний и Ближний Восток.

В незапамятные времена в китайском языке появилось сложно-составное слово *чжэнь-чжу* (латинск. транскрипции различны: *zhēn-zhū*, *čžьп-čžу*). Два составляющих его существительных означают: "сокровище, ценность" и «"зерно" моллюска» (жемчужина), а в совокупности – жемчуг в нашем понимании как "маленькая драгоценность". Изобретение письменности способствовало национальной монолитности народов Китая. Для слов *чжэнь* и *чжу* были придуманы свои иероглифы. Учитывая традиционный консерватизм китайского письма, эти иероглифы можно считать "вечными" именными знаками жемчуга, тем более, что их сочетание не имеет синонимических значений.

Как известно, китайская экспансия была направлена не только на своих южных соплеменников, но и на восток – в Манчжурию, Корею, Японию. Напомним, что связи с этими странами существовали у китайцев с древнейших времен: туда проникали переселенцы и беглые рабы вместе со своей культурой (религия, письменность...). Название жемчуга в корейском (*чинчжу*) и японском (*синдзю*) языках – это явные китайские заимствования. Иероглифы для обозначения жемчуга у японцев общие с китайскими (Краткий японо-русский иероглифический словарь. 1944).

Уже в первые века новой эры, ко времени зарождения классической поэзии на родном языке с использованием китайского письма, в Корее сложилась определенная образно-поэтическая система: жемчуг у корейцев стал символом мужчины, а нитка – женщины. В стихотворении, относящемся к X веку, говорится о "нетленной верности" девушки, покинутой любимым:

Жемчуг, упав, <...>
 Вдребезги разобьется.

 Но не порвется нитка,
 На которой жемчуг нанизан.

Корейская классическая поэзия. М., 1956, пер. А. Ахматовой

Встречается жемчуг и в ранней японской поэзии (VII–VIII вв.):

Женщине – привычно что?
 Жемчуг дорогой
 Из чужих краев надеть,
 Любоваться им ...

Японская поэзия. М., 1954

Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что языком-первоисточником слова *жемчуг* послужил именно китайский.

Как уже говорилось, караваны китайских купцов (или их перекупщиков) проникали далеко на запад. Из их языка вместе с экзотическим товаром его название, в близком фонетическом звучании, вошло во многие древние языки тюркской, алтайской, иранской и других групп.

"Древнетюркский словарь" (Л., 1969) дает несколько вариантов со ссылкой на китайское существительное *чжэнь-чжу*. Мнение о том, что оно – новокитайское, означающее "настоящий" (а не искусственный) жемчуг, видимо, объясняется недоразумением. В китайском действительно есть слово "настоящий", имеющее сходное звучание (*чжэнь*), но обозначается другим (!) иероглифом. К тому же древнетюркское *çin* не только фонетически соответствует китайскому *чжэнь* в значении "истинный, настоящий, подлинный", но и просто – "Китай". Напомним, что долгое время ближайшим соседом древних тюркских народов на востоке было могущественное царство Цинь (распалось в самом начале III в. до н.э.), жители которого так и назывались: *цини*. Отсюда, кстати, позднее латинское название страны: *Китай* – *Sina* (ср. современные производные: *синология*, *синолог* ...). Таким образом, *чжэнь-чжу* – это не "настоящий", а – "китайский" жемчуг; попросту – "китайская драгоценность" (драгоценность из Китая).

Восточные славяне выделились из общеславянского единства в VII–VIII веках. Это – начальные века формирования древнерусского языка и народности. К восточным славянам слово *жемчуг* пришло "по суше" в дохристианскую предфеодалную эпоху (середина IX в.), т.е. еще до образования Киевского государства. Торговые пути между Западом и Востоком проходили тогда через тюркоязычную Хазарию, которая играла роль своеобразного буфера, сдерживая натиски восточ-

ных племен. На торжищах хазарских городов древнерусские купцы вступали в контакты с самими хазарами, а также – (о)гузами, печенегами, волжскими булгарами, арабами и другими народами. Источником заимствования для древнерусского языка мог быть какой-либо из языков тюркской группы, предшественник половецкого; например, печенежский, (о)гузский или булгарский – все эти народы были ближайшими соседями южных славян, наших предков.

Именно в этот период (к IX–X вв.) значение "великого шелкового пути" падает, связи с дальневосточными и среднеазиатскими купцами прерываются. В 965 году Хазарский каганат был разгромлен Русью. Глобальные завоевания Чингиз-хана и его потомков способствовали потере исторической памяти в восточной Европе о связях с далеким Китаем. Однако китайское название товара, закрепленное в тюркских (и финно-угорских) языках, оказалось перенесенным на объекты "импорта" из новых регионов Ближнего Востока. На передний план выступили арабские купцы, привозившие жемчуг, добываемый в Красном море и Персидском заливе. Спустя семь–восемь веков, русско-китайские торговые связи были восстановлены. Любопытно, что и в первой трети XVIII века А.Д. Кантемир утверждал, что драгоценные камни и жемчуг в Россию привозятся "из Восточных Индий, то есть из Китая" (авторское примечание к 6-й сатире).

Одна из ранних фиксаций слова *жемчуг* "по-русски" встречается в Переяславской летописи (сер. X в.): "Пришед [княгиня] Ольга дааше ему [древлянскому князю] порты многоценны, червлены, вся жемчугом изсаждены". Известно, что жемчужные серьги были у сына Ольги князя Святослава (X в.), разгромившего Хазарию. Формы написания слова на Руси были самые разнообразные: *жьньчугъ*, *женчюгъ*, *жемчюгъ*, *жемцюгъ*..., что свидетельствует о разновременных и разноместных заимствованиях – не только у заморских гостей, но и у различных славянских племен.

Разнообразные жемчужные украшения были любимы и привлекательны в княжеской среде древних русичей; позже жемчуг стал использоваться и для украшения церковной утвари. Существительное *жемчуг* было настолько прочно усвоено языком, что когда русские купцы соприкоснулись с греками на базарах Крыма и Византии, у них не возникло необходимости принимать греческий эквивалент: *margarit*. Это слово было заимствовано греками, видимо, во времена Александра Македонского из староиндийского: *mañjaram* "цветочный бутон, жемчужина" (Hofmann J.B. *Etymologisches Wörterbuch der Griechischen*. München, 1949).

Греческая форма была принята поздней латынью (*margarita*), вошла в католические тексты Библии. В русском же языке она встречается

крайне редко: "... три дражайшие сосуды камением драгим и маргариты... украшены" (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9); "Маргарит. Книга есть тако именуема, составлена святым Иоанном Златоустом". Сегодня в русском языке остались только *Маргарита* – красивое женское имя и *маргаритка* – название цветка. Впрочем, не следует забывать и еще одного члена этого семейства: *маргарин* (франц. *margarine* [1813] через *marguerite*, восходящее к греч. *margaron*) – искусственное масло "перламутрового" цвета. Слово вошло в русский язык в конце прошлого века.

Слово *жемчуг* существует в языках восточных славян (русских, украинцев, белорусов), а через русский оно попало в языки некоторых других народов, входивших в состав России.

Как уже говорилось, на Руси жемчуг являлся предметом роскоши. Особенно ценился восточный жемчуг (*ориенталь*), добываемый в Персидском заливе. С давних пор он назывался у нас *гурмыш(ж)ским*, *бурмитским* или *ормузским* зерном – по названию города Ормуза у входа в залив. Русские купцы наказывали своим закупщикам (XVI в.): "Жемчужные зерна гурмышские смотри, чтобы были окатны, и сходчивы, и водою бы были чисты" (Пыляев М.И. Драгоценные камни. СПб., 1896).

Это был самый крупный, отборный ("окатанный") жемчуг. О нем же поется в старинной былине об Илье Муромце:

Насыпь-ка мисѹ да чистѹ сѣребра,
Другую мисѹ да скачнѹ жемчуга...
(вариант Кириши Данилова:
Третью мисѹ – скатнова земчуга...)

Аналогичное словосочетание (*скачѣная жемчужина*) ранее употреблялось в народных похоронных причитаниях в качестве устойчивой метафорической замены к слову *сын*.

Вспомним, как торговый гость Мизгирь предлагал Снегурочке в обмен на ее любовь "бесценный жемчуг" – жемчужину ценой в полцарства, добытую на дне морском именно "у острова Гурмыза" (Островский А.Н. Снегурочка).

Он под ноги не стал ковров персидских,
Ни жемчугов не нашивал бурмитских...

Крылов. Послание о пользе страстей

Невольницы "заплетали свои длинные, черные волосы и пересивали их нитками белого жемчугу ормузского" (Лит. газ. 1830. № 4, янв.).

В русских реках северо-запада и Карелии с XV века добывался

и свой жемчуг, но в основном он был мелким (*семенной жемчуг*), а потому – малоценным, хотя ... Вот что свидетельствовал И.И. Лепехин, обследовавший берега Белого моря в 1772 году: "Река Кереть, из озера того же имени вытекающая, быстра и порожи́ста. В сей реке изобильно водится жемчужная раковина {...}. Случайно попадаютсѧ зерна ценою рублей до 30-ти" (Пименов В.В., Эпштейн Е.М. Русские исследователи Карелии. Петрозаводск, 1958; тогда это соответствовало стоимости примерно 80 пудов зерна или 3 пудов сахара). К удивлению нынешних петербуржцев, напомним, что в середине XVIII века жемчуг добывали даже в реке Охте и ее притоке Вартемяки. Однако к концу XVIII века скромные "запасы" отечественного жемчуга почти полностью истощились, и промысел его в европейской части практически прекратился.

Еще в XIII веке китайцы пробовали культивировать жемчуг, закладывая в раковины свинцовые фигурки Будды. В XVII веке попытка искусственного выращивания жемчуга была предпринята и в России (в Сольвычегодске). Но освоен и запатентован этот метод был в Японии только в 1896 году, а массовые плантации моллюсков появились там лишь в 20–30-х годах нашего столетия. Искусственно выращенный жемчуг не только дешевле натурального; на международных аукционах его, для отличия, и называют иначе.

Слова: *жемчуг, жемчужный, жемчужница*... не только прочно прижились в русском языке; они уже давно успешно усвоены образной системой, стали распространенным поэтическим тропом. За округлость формы, за цвет, за теплоту и живость что только ни сравнивали с жемчугом! Примерам, как говорится, несть числа...

Своеобразным "дублером" слова *жемчуг* в средневековой России являлось существительное *бисер*. Это название жемчуга было заимствовано старославянским языком (*бисѣръ*) скорее всего, как считают этимологи, из турецкого (*büsrâ*), исходным для которого послужило арабское *busr(a)*, *bussur* (финиковая косточка?, шарик). Возможно отсюда и позднее русское – *бусы* как нашейное украшение: ожерелье *жемчужное* → *бисерное* (сначала из натурального жемчуга, а затем искусственного, фальшивого) → [*бусерное?*] → *бусы*. Интересно, что А.А. Плюшар ставил их в обратном порядке: *бисер* → мелкие *бусы* (Энциклопедический лексикон. СПб., 1836. Т. 6).

Существительное *бисер* освоено болгарским (в котором есть и мужское имя *Бисер*), сербскохорватским, словацким и некоторыми другими языками. Использовано оно и в славянском переводе новозаветных книг: "Ни пометайте бисер ваших пред свиньями" (Евангелие от Матфея. 7: 6); "подобно есть царствие небесное человеку купцу, ищущему добрых бисерей" (там же. 13; 45). В последующем при переводе

библейских книг на русский язык *бисер* был всюду заменен *жемчугом*; "русская версия" Библии *бисера* "не знает".

В оригинальных русских письменных памятниках *бисер* (как синоним *жемчуга*) впервые встречается уже в "Повести временных лет" (сер. IX в.). Приведем более поздний пример: "Неции от хитрых норец в море себе вметають, ищущи бисер изяти" (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1). Наряду с *жемчугом* встречается *бисер* и в классической русской поэзии: Солнце льет свой свет "на бисер, злато и порфиру" (Ломоносов. Ода. 1747); "Над бисерными облаками/Сияет злато и лазурь" (Ломоносов. Ода. 1745).

Но уже в XVIII веке *бисер* в этом значении почти перестал употребляться (Ломоносов был одним из последних), а название сохранилось лишь за стеклянными шариками с отверстиями, употребляемыми для вышивки: "в бисере стекло подобяся жемчугу" (Ломоносов). Видимо, это дало основание некоторым авторам утверждать, что бисер – искусственный жемчуг. В начале XIX века оба слова иногда употреблялись параллельно: "Ведь идет слух,/Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг" (Крылов. Свинья. 1811).

А затем пути их разошлись. И вовсе не выглядит тавтологичным определение к слову *бисер* у поэта С. Тихого (П.С. Клокова): "Свой бисер жемчужный пророческих слов/ Он всюду, поэт, рассыпал..." (Сонет серебряного века. М., 1990).

Напротив, – это естественно перекликается с народной песней:

И на каждой волосиночке
По жемчужной бисериночке.

А "на смену" *бисеру* в конце XVII – начале XVIII веков в Россию из Европы пришло новое название жемчуга – *перл*.

Во Франции существительное *perle* известно с начала XIII века. Вопрос о его возникновении – непростой. Большинство этимологов возводит его к латинскому *pirula* (маленькая груша) или *pulula* (шарик). Другие же считают, что *perle* – это переоформление латинского *petra* (**per*[n]*ula*) – жемчужная раковина Морское перо. Из французского это слово вошло в другие европейские языки. Русским не было необходимости в новом заимствовании (ведь отказались же они от *маргарита* и даже от *бисера*), но... чего не сделаешь ради моды!

Слово *перл* (и *перловый*) фиксируется в русских азбучниках уже во второй трети XVII века: "Перл – бисер, еже есть жемчуг" (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14). В начале XVIII века, когда в Россию хлынул поток заимствованной лексики, жемчуг чаще стали называть именно *перлом*, появилось и прилагательное – *перловый* (о колебаниях ударения в этом слове см.: Дерябина А.С. Лавровый,

лавровый. Русская речь. 1992. № 6). В языковой практике наряду со словом *перл* целое столетие продержались две его формы: *перло* и *перла*.

Существительное *перл* достаточно быстро проникло и в поэтические тексты, со временем существенно потеснив (почти вытеснив!) *жемчуг*. Г.Р. Державин, например, назвал персидский жемчуг – "перлы перские" (Вельможа); С.П. Жихарев предложил неологизм – "перлозубая ветреница" и мн. др. Встречались и тавтологии: раковина "перло жемчужное родила" (В.И. Майков. Козел и Жемчужная раковина). Тогда же, на рубеже XVIII–XIX веков появилось и словосочетание *перловая крупа* (в просторечии – *перловка*) для названия продукта из обдирного ячменя: нашим предкам, видимо, казалось, что по форме и цвету она напоминает жемчужины/перлы.

В профессиональном языке геологов *перлом* называется специальное стекло в виде округлых шариков. Отсюда название минерала: *перлит* (франц. perlite) – вулканическое стекло, которое раскалывается на мелкие горошины, отдаленно напоминающие жемчужины. Можно вспомнить еще и название синтетического волокна *перлон* (немецк. Perlon); составляющие его полиамиды похожи на прозрачные стеклообразные вещества.

По мере закрепления *перла* в поэзии жемчуг всё более отступал в сферу "официоза". Весьма характерно, что Ф. Рейф в русской части своего "параллельного словаря" (1835) поместил все употреблявшиеся тогда лексические единицы: *бисер, жемчуг, маргарита, перла(о), перловка, перламутр*... На последнем слове следует несколько задержаться.

Исходным для существительного *перламутр* является немецкое Perlmutter и его краткая форма Perlmutter. Немецкие лексикографы возводят его к среднелатинскому *māter perlarum* (мать жемчуга) и считают, что это – своеобразная лингвистическая "ошибка": первоначально было немецкое Perlmuschel, но позже вторая основа Muschel (раковина) по близости созвучий была заменена на Mutter (мать) (Duden. Etymologie. Mannheim, 1963). Сами немцы не называют время "изобретения" ими своего слова.

На первых порах, столкнувшись с немецким оригиналом, русские авторы пытались как-то осмыслить его и шли по пути буквального перевода. В одном из ранних немецко-русских словарей (1731) Perlenmutter объясняется просто как "жемчужная раковина". Достаточно рано вошло это словосочетание и в русскую поэзию:

Козел, шатаясь, увидел *мать жемчужну* –
Так раковину все жемчужную зовут ...

Майков. Козел и Жемчужная раковина. 1766 (Курсив мой. – А.Ш.)

Державин, описывая богатство некоего "терема", характеризовал его как творение "из яшм прозрачных, перлов гнезд" (Развалины. 1797). Словом *гнездо* он перевел немецкое *Mutter* (в немецк. оно означает не только мать, но и матку [биолог.], и углубление, впадину = гнездо). В наши дни в качестве синонима к слову *жемчужница* предложено – *перламутрица* (Домбровский. Хранитель древностей).

Как прямое заимствование слово *перламутр* (правда, в несколько отличном от сегодняшней формы виде) употреблялось в русской речи уже в конце XVIII века, хотя оно и не фиксируется в словарях той эпохи: "В ней [церкви. – А.Ш.] показали мне налож, весь украшенный перломудром" (Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии. 1799).

Приведем и несколько "правильных" примеров, относящихся к началу XIX века:

Вдали, из перламутра,
Сквозь пальмовы древа я вижу храм.

Булнина. Сумерки. 1808

В день свадьбы подарю волосяно колечко,
И с перламутрами янтарное сердечко.

Долгоруков. Нечто для весельчаков. 1816

Но параллельно с привычным сегодня словом уживалась тогда и несколько иная фонетическая форма его: "... в орешке перламута /Жемчуг дивной красоты" (Вяземский. Баркарола);

Перламутную стену
Рушит он слезой хрустальной.

Гоголь. Ганц Кюхельгартен

Обе эти формы (*перламут* и *перла[о]мутр*) фиксирует в своем трехязычном словаре (1835) Ф. Рейф. Отдельные "рецидивы" встречаются даже во второй половине XIX века: "У меня есть гитара с перленмуттер, только струны порваны" (И.С. Тургенев. История лейтенанта Ергунова. 1867).

Санкт-Петербург

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА ИЛИ ОШИБКА?

Н.А. ЕСТЬКОВА.

кандидат филологических наук

Игорь Шкляревский в "Литературной газете" от 3 июля 1996 г. представил нескольких провинциальных поэтов – участников всероссийского совещания под Ярославлем. Его вступительная заметка начинается так:

«Береза, ива – самые живучие деревья. Где только они не растут! На крышах полуразрушенных церквей, в разломах кирпичной стены или между серебристых от старости досок еще купеческого причала... Пропустила корень через водосточную трубу, вцепилась в трещины и зеленеет – то ли ива плакучая, то ли молодая провинциальная поэзия конца двадцатого столетия.

Это о ней сказал Александр Сергеевич Пушкин: "И для тебя условий нет..."

И в самом деле – условий нет. Тиражи литературных изданий – ничтожные, гонорары – жалкие, спонсоры (за редким исключением) не могут отличить поэта от графомана, власть, безразличная – надеюсь, временно – к литературе...»

Первой моей реакцией было: Пушкин не мог так сказать! Но такая строка у Пушкина есть. Однако, чтобы смысл ее был ясен, нужно полностью привести XIII строфу "Езерского":

Зачем крутится ветер в овраге.
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге

Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты, поэт,
И для тебя условий нет.

Не правда ли, в пушкинском контексте строка "И для тебя условий нет" имеет совсем не тот смысл, который присваивает ей И. Шкляревский?

В "Словаре языка Пушкина" это значение слова *условие* определяется так: 4. Правила, установленные для той или иной области жизни, деятельности [чаще мн.].

Можно вспомнить еще два случая употребления Пушкиным множественного числа *условия* в этом значении:

Условий света свергнув бремя.
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время,
Мне нравились его черты...

Евгений Онегин, гл. I

...И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как незаконная комета
В кругу расчисленном светил.

Портрет

(Пользуюсь случаем, чтобы извиниться перед читателями за ошибку, допущенную в этой цитате в моей статье, напечатанной в номере третьем "Русской речи" за 1995 год: "расчисленных" вместо "расчисленном". Интересно, что недавно в радиопередаче цикла "Жизнь и лира" В. Непомнящий, цитируя стихотворение "Портрет", предостерег от этой ошибки!)

И. Шкляревский, приведя вырванную из контекста строку Пушкина, приписал употребленному в ней слову *условие* значение, которое в "большом" академическом словаре определяется так: 5. Чаще мн. Необходимые, обязательные обстоятельства, предпосылки, определяющие, обуславливающие существование, осуществление чего-либо.

Это значение можно проиллюстрировать сочетаниями *хорошие условия, плохие условия*, фразой *для этого есть все условия* и т.п.

А вот как определяется в том же словаре значение слова *условие*, фигурирующее в трех приведенных пушкинских цитатах: 7. Обычно *мн. Устар.* Нормы, законы, правила, принятые, установленные для той или иной области жизни, деятельности и т.п. (иллюстрацией служит фигурирующая выше цитата из "Езерского").

Это значение *мн.ч. условия* (которое можно еще приблизительно определить как "условности") отсутствует в других современных толковых словарях. Оно относится к тем языковым явлениям, которые отличают язык пушкинского времени от современного.

Таких случаев немало у Пушкина. Неправильная их квалификация, т.е. неосознание того факта, что поэт употребляет слово в значении, которое уже ушло из языка, порождает неверное понимание текста. Одному из таких "недоразумений" была посвящена моя заметка о слове *торжествовать* (Торжествовал ли пушкинский крестьянин? // Русская речь. 1992. № 6).

Случай с *мн.ч. условия* более сложный и тонкий. К тому же пушкинские цитаты (приведенные выше) у многих "на слуху", и это мешает осознанию того, что мы имеем здесь словоупотребление, не свойственное современному языку.

Прибегнул ли И. Шкляревский к языковой игре сознательно, "осовременив" пушкинскую строку, или просто не заметил, что приписывает ей совершенно не тот смысл, который имел в виду поэт?

Каков бы ни был ответ на этот вопрос, представляет интерес сам по себе анализ той "смысловой трансформации", которой строка Пушкина подверглась в тексте современного автора.

ХРЕСТОМАТИЯ ПО МЕТОДИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Книга, о которой рассказываю (Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразовательных учебных заведениях. М.: "Просвещение", 1995), адресована учителям, учителям учителей, а также всем, кто интересуется судьбами русского правописания.

Позволю себе начать с воспоминания очевидца. В октябре 1964 г. в "Литературную газету" на встречу с редколлегией приехали тогдашний директор Института русского языка Академии наук академик В.В. Виноградов и несколько сотрудников этого института, среди них пишущий эти строки. Предметом разговора должно было стать участие института в начатом газетой обсуждении проекта реформы русской орфографии. Уже успел выступить на ее страницах с призывом: "бить в рельсу", как при деревенском пожаре, писатель-академик Л.М. Леонов, по мнению которого предлагавшаяся реформа несла нешуточную угрозу русскому языку. "Орфография и есть язык", – печатно высказался один из читателей "Литературной газеты". Все согласные с этой формулой могли сами сделать неизбежный вывод: следовательно, реформа орфографии – это реформа языка.

Редколлегия была в сборе, ожидали главного редактора. Его заместитель сказал, что тот вызван на какое-то заседание и скоро должен вернуться. Наконец, А.Б. Чаковский появился, извинился за опоздание, и, сев во главе стола, вдруг сказал: "Как мы говорим! Вот я был у Рерихов в Индии. Какая у них прекрасная русская речь. А мы, социализм, коммунизм...". Все переглянулись с недоумением. Причём здесь качество речи? Мы же об орфографии говорим. И что это он такой смелый – позволяет себе публично передразнивать произношение этих слов Хрущевым? Да и само это произношение не имело ни к орфографии, ни к ее реформам никакого отношения.

Только позже мы узнали, что Чаковский был на заседании всех главных редакторов центральных газет и журналов, где им сообщили, что Хрущев больше не глава партии и правительства. Кстати, противники предлагавшейся реформы быстренько подверстали ее к хрущевским новациям, хотя инициатором разрешения орфографических проблем Никита Сергеевич не был и они его вообще не волновали.

Я вспомнил этот эпизод потому, что такое понимание орфографии характерно для обыденного языкового сознания. Даже самое блистательное владение речью, не сопровождаемое научно выверенным знанием о языке и орфографии, не спасет от наивных взглядов на их соотношение. Изменение в графическом облике слова кажется изменением в самом слове. А. Блок, например, говорил, что хлеб не хлеб и лес не лес без буквы *ѣ* в этих словах. И. Репин отказывался видеть свои воспоминания "Далекое–близкое", напечатанными по новой орфографии. М. Шагинян выступала в одной из газет со статьей "Тяп да ляп будет корабль", возмущаясь решением министерства народного просвещения Временного правительства ввести новое правописание в школе с сентября 1917 г. Мариэтта Сергеевна усматривала в этом поборку лодырям, отлучение молодежи от культурного наследия и даже болгаризацию русского языка. Так ей виделись последствия орфографической реформы, предложенной группой ученых во главе с академиками Ф.Ф. Фортунатовым и А.А. Шахматовым. Прошло 47 лет, и Мариэтта Сергеевна опубликовала в "Литературной газете" статью "Не включаясь в спор", в которой возражала против проекта новой реформы, повторив все свои прежние аргументы, за исключением предвидения болгаризации русского языка. Но теперь она защищала то правописание, которое было введено сперва циркуляром министерства народного просвещения Временного правительства, а потом декретом народного комиссариата по просвещению РСФСР (1917 г.) и декретом Совета народных комиссаров РСФСР (1918 г.).

Неразличение языка и орфографии проявляется не только в том, что второе принимают за первое, но и в обратном. Зачастую в солидной газете журналисты, цитируя какой-либо текст, уведомляют: "Орфо-

графию подлинника сохраняем". А в подлиннике-то с орфографией полный порядок! Там нарушены нормы согласования и управления слов (т.е. синтаксические нормы) или слова употреблены в несвойственных им значениях (т.е. нарушены лексико-семантические нормы).

Орфографические реформы не могут реформировать язык, в нем ничего не меняется после перехода на новое правописание. Не язык сопротивляется реформам правописания, а люди, уже овладевшие орфографической грамотностью. Сопротивляются даже тогда, когда им никто не предлагает переучиваться. В обоих упомянутых советских декретах было ясно сказано: "При проведении реформы не может быть допущено принудительного переучивания тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания. Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими и для прежнего, и для нового правописания, и ошибками являются лишь нарушения этих правил".

Как справедливо пишут составители хрестоматии: "Реформа нужна тем, кто еще неграмотен, а они-то и не могут участвовать в ее обсуждении".

Что побуждало всех реформаторов орфографии к их деятельности? Прежде всего интересы преподавания языка. Но усложненная орфография отнимала время у обучения языку. До 1917 г. ученики должны были, например, знать назубок 140 корней, в которых следовало писать букву ъ, которая уже с семнадцатого века не обозначала особого звука, отличного от обозначавшегося буквой е.

К.Г. Житомирский в книге "Молох XX века (правописание)", изданной в 1915 г., говорил: "Правописание может быть признаком образования, пока первое является следствием последнего... Скольким тысячам детей вместо хлеба образования даётся камень правописания. Сколько бесполезных затрат на этого ненасытного бога!". Методист А.Д. Алферов в книге "Родной язык в средней школе (опыт методики)" (1911 г.) писал: "Да не подумают..., что мы здесь отрицательно относимся к орфографии: достигать относительной правильности письма школе все-таки необходимо, так как жизнь требует относительной грамотности, а школа с жизнью должна считаться; но, считаясь с этим требованием жизни, школе все-таки не следует забывать, что в общем образовании и развитии человека роль правописания очень скромна, и что орфография не есть язык, и что у преподавателя языка есть в самом языке задачи гораздо более образовательные и существенные".

В 1927 г. академик Л.В. Щерба отметил, что филологам всегда было понятно: орфография – вещь условная и меняющаяся во времени. Однако масса грамотных людей считала орфографию покоящейся на неких незыблемых основаниях. Для некоторых из этих людей орфографическая грамотность была пределом науки. Для более образованных

требования орфографии оправдывались наукой, и нарушать эти требования значило сокрушать науку и разрушать родной язык, отрекаясь от его истории. Л.В. Щерба считал, что реформа орфографии подорвала престиж орфографии. И широкие круги пишущих решили, что орфография – вещь неважная, пиши, мол, как хочешь. "Что же делать?" – спрашивал Л.В. Щерба. И отвечал: "Прежде всего надо вернуть орфографии ее престиж, но, конечно, не тот традиционный, который заставлял держаться за каждую букву прошлого, и не тот псевдонаучный, которым орфография была окружена и которого на самом деле у нее не было, а тот реальный, который делает ее замечательным орудием общения миллионов людей. В самом деле, ведь совершенно ясно, что если все будут писать по-разному, то мы перестанем понимать друг друга. Значит, смысл и ценность орфографии в ее единстве... Писать безграмотно – значит посягать на время людей, к которым мы адресуемся".

В статье "Об идеально грамотном человеке" (1940 г.) Л.В. Щерба писал: "Абсолютно грамотными и в орфографии и в пунктуации являются немногие исключительно опытные корректоры и тоже немногие знающие учителя русского языка. Все остальные пишущие люди, считающиеся грамотными, грамотны лишь относительно. Самого себя я никак не могу считать абсолютно грамотным, так как даже, например, при написании этой статьи два раза недоумевал, как надо написать то или иное слово".

Составители хрестоматии присоединяются к мнению методистов, считающих, что нельзя требовать одинакового уровня грамотности от филолога и от нефилолога. Это мнение соответствует лучшим традициям нашей методики, всегда восстававшей против любого педагогического садизма, в чём бы он ни проявлялся и как бы ни норовил оправдываться суровыми буднями школьной жизни.

Составители весьма критически относятся к таким формулировкам, как *орфографический режим*, *единые требования к устной и письменной речи учащихся*, ставшим расхожими среди учительства. Практику, стоявшую за этими выражениями, составители называют орфографическим террором.

В хрестоматию включены отрывки из книг и статей, посвященных сущности орфографии и пунктуации, их месту в обучении школьников и методам усвоения. Слышны голоса очень известных авторов и высказывания полузабытых, извлеченных зачастую из малодоступных сегодня изданий (например, журналов "Русский филологический вестник", "Журнал Министерства народного просвещения", "Русский язык в советской школе", малотиражных Ученых записок пединституты).

Публикуются тексты документов, вводивших новую орфографию (1917–1918 гг.), а также проект реформы орфографии, известный под

названием Проекта Главнауки (1930 г.), и проект реформы, подготовленный Орфографической комиссией Института русского языка АН СССР (1964 г.). К сожалению, не приведен текст проекта реформы, созданного академической Орфографической подкомиссией во главе с Ф.Ф. Фортунатовым и А.А. Шахматовым (1912 г.). Но именно к проекту 1912 г. восходит предложение не писать (мягкий знак) после *ч, ц, ж, ш* (т.е. писать *доч, реж, режете, вещь*). Это предложение не было принято в 1917–1918 гг., но оно снова появилось в проекте 1930 г., а потом и в проекте 1964 г. Предлагавшие такое написание исходили из того, что в русском литературном языке и в подавляющем числе местных говоров согласные звуки, обозначаемые этими буквами, либо всегда мягкие, либо всегда твёрдые, а потому сигнализировать о мягкости всегда мягкого излишне, а мягкости твёрдого – неразумно.

В проекте 1912 г. берет свое начало предложение после *ж, ч, ш, ц, щ* писать под ударением *о*, без ударения – *е* (т.е. *жолтый*, но *желтеть*; *чорный*, но *чернеть*; *щочка*, но *щека*; *чорт*, но *черти*; *жоны*, но *жена*). Это предложение было отвергнуто в 1917–18 гг., вновь появилось в 1930 и 1964 г.

Проект 1930 г. (в его создании принимали участие известные языковеды Д.Н. Ушаков, М.Н. Петерсон) предлагал после *ж, ш, ц* писать *ы* вместо *и* (*жырный, ножы, лежыт, нашы, революцыя, цырк, пишы, пишыте*), т.е. фонетический принцип орфографии. Проект 1964 г. коснулся лишь буквосочетания *ци*. Он предлагал писать после *ц* всегда *и* (т.е. *циган, огурци, бледнолиций, сестрицин*). Одна из читательниц "Литературной газеты" прислала туда письмо, в котором, начертав по предложениям реформы 1964 г. фразу *Доч цигана съела огурци* (реформа вслед за авторами проекта 1930 г. предусматривала замену *ъ* как разделительного знака буквой *ь*), воскликнула: "Если так станут писать, я не будут есть этих огурцей!" Она посчитала, что *ч* станет звучать твердо, *ц*, напротив, мягко, а *с* сомкнется с *е*. Она (как и тысячи других, столь же пылких, сколь и неосновательных, но очень активных противников реформы) не дала себе труда подумать: а почему написания *цирк, циркуль, циновка, цистерна, стрептомицин, цивилизация, революция, демонстрация, эвакуация* и десятки других никак не могут заставить ее произнести *ц* мягко, почему то, что не удалось десяткам написаний, вдруг сделают несколько – *циган, циц, на ципочках, ципленок*. Эта читательница не знала, что *ц* у неё как носителя литературного языка всегда твердый звук, как, например, *ж* (она, десятки раз видя написания *жизнь, живой, житель, жирный, ножи, режь, рожь* и т.п., никогда не произносит мягкий *ж*, такого звука просто нет, никакие *и* и *ь* на письме не заставят ее выговорить *ж* мягко). Но никто ей (и

тысячам ей подобных) этого своевременно не объяснил. Реформаторы правописания допустили социально-психологический просчет. Прежде чем выносить проект реформы на всенародное обсуждение, надо было озаботиться упреждающей просветительской деятельностью. В газетах, журналах, по радио и телевидению.

В лекции, посвященной однообразию в орфографии и прочитанной в 1883 г., известный методист В.П. Шереметевский сказал: "Привычка глаза, как и все наши давние привычки... отличается замечательной крепостью, с привычкою глаз, прежде всего, и приходится считаться при попытках каких-либо реформ в орфографии... Как ни крепка личная привычка старого поколения, для которого лучшее новое будет хуже привычного старого, упрощения в орфографии и необходимы и возможны, прежде всего, в интересах школы".

Нельзя думать, что наше общество, успешно провалив проект реформы 1964 г., избавило русскую орфографию от необходимости ее реформирования. К уже имеющимся трудностям будут прибавляться новые. И рано или поздно педагогическая общественность, скорее всего, вновь заговорит о назревшей реформе. Хрестоматия "Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразовательных учебных заведениях" поможет осознанию этого на историческом материале.

Хочется, чтобы эта книга была (и не в одном экземпляре) в каждом пединституте страны, в каждом педучилище и чтобы преподающие методику не забывали отсылать студентов к ее страницам.

Хрестоматию составили и написали вводные статьи к ее разделам доктора филологических наук В.Ф. Иванова и Б.И. Осипов.

Эр. Хан-Пира,
кандидат филологических наук ©

ПРЕДМЕТ РИТОРИКИ И ВОПРОСЫ ЕЕ ПРЕПОДАВАНИЯ

Первая Всероссийская конференция по риторике

Возрождение риторики как науки, включение ее в состав преподавания многими вузами и школами остро ставят вопросы, касающиеся понимания классической и ныне обновляющейся дисциплины; не менее животрепещуще звучат споры о методах ее преподавания. Примерно так и была сформирована программа конференции, проведенной на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 28–30 января 1997 г.: обсуждение предмета науки риторики в составе филологических дисциплин; преподавание риторики (содержание учебного предмета, методика обучения на разных этапах); проблемы книгоиздания; наконец, организационное объединение российских риториков в Ассоциацию исследователей, преподавателей и учителей риторики.

Значение подобных конференций прежде всего в том, что при обсуждении разных точек зрения на предмет выстраивается ясная перспектива дальнейшего движения научной мысли. Поскольку разноречивых взглядов на риторику достаточно, уточнение ее предмета в пленарных докладах было как нельзя кстати. А.А. Волков (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова), автор вышедшей недавно монографии "Основы русской риторики", рассматривает риторику как филологическую дисциплину, изучающую отношение мысли к слову, видит общественные задачи риторики не только в воспитании ратора-гражданина, компетентного в публичной речи, но и в организации речевых отношений для решения проблем управления, образования, разных видов деятельности в обществе.

О.Б. Сиротинина (Саратов) определила своеобразие риторики как одной из наук об общении (стилистика, культура речи) в ее направленности на эффективность речи. Видимо, всегда актуальным будет взгляд на связь риторики и речевых проблем с нравственностью и культурой – современное осмысление этой взаимосвязи представила Л.К. Граудина (Москва, ИРЯ им. В.В. Виноградова) в докладе о культурно-этических универсалиях. Перспективы исследований и публикаций в области истории русской риторики осветил В.И. Аннушкин (Москва, Дипломатическая академия): историковедческий обзор русской риторической "сокровищницы" позволяет увидеть связь историко-стилистических новаций в жизни русского общества с построением новых филолого-риторических концепций, причем, связь эта на удивление циклична и закономерна.

Отрадно было видеть на конференции географическое многоцветье "ревнителей" риторики: И.П. Лысакова (Санкт-Петербург) рассказала о преподавании риторики на факультетах журналистики и в педаго-

гических вузах Санкт-Петербурга; тщательно исследует риторику в составе речеведческих дисциплин Т.В. Шмелева (Новгород), справедливо предлагая восстановить термин "словесность" в его классической полноте; среди гостей были и специалисты-риторы из стран СНГ: группа преподавателей из Белоруссии, г. Гродно (В.М. Антонова, С.М. Кострица, Г.Н. Жданеня), из Казахстана, г. Петропавловск (Д.Х. Вагапова, А.Ж. Мурзалинова) – всеми ими накоплен значительный опыт в преподавании риторики в вузах и школах.

Преподавание современной риторики связано с множеством проблем, тем интереснее было обобщить разнообразный положительный опыт, накопленный многими влиятельными педагогами: такова деятельность авторского коллектива под руководством Т.А. Ладыженской (Москва, МПГУ), последовательно создающего учебники риторики для всех ступеней школьного обучения; своеобразно, в традициях русского нравственно-этического воспитания, выглядит многолетний опыт преподавания риторики московским педагогом С.Ф. Ивановой; сотни(!) педагогов-риторов подготовлены Западно-Уральским научным центром под руководством С.А. Минеевой (не зря Пермь полушутливо величается в риторических кругах "столицей" риторики); свои риторические школы имеют Екатеринбург (Н.А. Купина, Т.В. Матвеева), Красноярск (А.П. Сквородников), Воронеж (И.А. Стернин) и др.

В заключительный день конференции обобщающе прозвучал доклад Г.В. Карпюка, В.Л. Скларовой (издательство "Просвещение") о книгоизданиях по риторике: сегодня можно говорить даже об известном "удовлетворении" в спросе на риторическую литературу – при открывающихся перспективах создать законченные "школьные" циклы, опубликовать исторические памятники по риторике и т.д. К открытию конференции вышел в свет очередной номер журнала "Риторика" – о творческих планах журнала рассказал его главный редактор И.В. Пешков.

Пожалуй, основным событием конференции явилось создание Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики. Ассоциация ставит задачей возрождение классических традиций российской науки, культуры и образования, объединение теоретических исследований с педагогической практикой. Создан совет ассоциации, куда вошли многие известные ученые: академики РАО Ю.В. Рождественский и Н.М. Шанский, доктора филологических наук Н.А. Ипполитова, Л.К. Граудина, Н.Г. Гольцова, А.П. Сквородников, Н.А. Купина, Т.В. Шмелева, доктор педагогических наук Т.А. Ладыженская, кандидаты филологических наук А.А. Волков, С.А. Минеева и др. Совет готовит сборник докладов конференции, 1-й Московский общегородской семинар по риторике для учителей школ, планируются научно-проблемный семинар, организация ряда курсов риторики.

В.И. Аннушкин,
председатель совета
Российской риторической ассоциации ©